

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

8978

Sumner

7

**THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1962**

No. 11

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
всѣхъ
СОЧИНЕНІЙ,

въ
СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,
покойнаго

Дѣйствительнаго Статскаго Сопѣтника, Ордена
Св. Анны Капалера и Лейпцигскаго
Ученаго Собранія Члена,

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА
СУМАРОКОВА.

Собраны и изданы

Въ удовольствіе Любителей Россійской Учености

Николаемъ Новиковымъ,

Ч л е н о м ъ

Вольнаго Россійскаго Собранія при Император-
скомъ Московскомъ Университетѣ.

Часть VII.

ВЪ МОСКВѢ,

въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1781 года.

105-295150

821.73

S93

17310

v. 7

ОГЛАВЛЕНІЕ VII. ЧАСТИ.

ПРИТЧИ КНИГА I.

Стран.

1. Февѣ и Борей.	5
2. Волкъ и ягненокъ.	6
3. Левъ и дѣлушка.	8
4. Лягушка и мышь.	9
5. Дубъ и трость.	11
6. Оселъ и хозяинъ.	12
7. Скупой.	14
8. Кошка.	15
9. Крипая лисица.	16
10. Яйцо.	17
11. Мышій судъ.	19
12. Мартышка и кошка.	20
13. Лисица и журавль.	21
14. Блоха.	22
15. Спорщица.	23
16. Скупая собака.	24
17. Пиръ у льца.	25
18. Пряхи.	27
19. Лъщица пѣ горести.	28
20. Мышь и кошка.	30
21. Бояринъ и боярыня.	—
22. Солнце и лягушки.	31
23. Отстрѣленная нога.	32
24. Воръ.	33
25. Старуха.	34
26. Воры и оселъ.	35
27. Два пѣтуха.	36
28. Два прохожія.	37
29. Учитель и ученикъ.	38
30. Старой мужъ и молодая жена.	39
31. Злая жена и отчаянный мужъ.	40
32. Злая жена и черти.	—
33. Два старика.	42
34. Пастухъ обманщикъ.	—

Оглавленіе.

	Стран.
35. Лепѣ , коропа , опца и коза.	43
36. Пастухѣ чпанѣ.	44
37. Лепѣ состареншійся.	45
38. Спинья , опца и коза.	46
39. Мышь и слонѣ.	47
40. Опца.	—
41. Шершни.	48
42. Паукѣ и муха.	—
43. Жуки и пчелы.	49
44. Сода и рюмачѣ.	—
45. Обидчикѣ и ангелѣ.	50
46. Соболя шуба.	51
47. Здоровье.	—
48. Колодчатность.	—
49. Прохожій и собака.	52
50. Сторожѣ богатства своего.	53
51. Пустынникѣ.	54
52. Змѣя подѣ колодой.	56
53. Олень.	58
54. Собака и порѣ.	59
55. Филлида.	60
56. Комарѣ.	61

КНИГА II.

1. Терпѣніе	65
2. Старикѣ со своимъ сыномѣ и оселѣ.	66
3. Оселѣ по льпопой кожѣ.	68
4. Безногой солдатѣ.	70
5. Подьяческая дочь.	72
6. Болпанѣ.	73
7. Одноколка.	75
8. Дельфинѣ и непѣжа хпастунѣ.	76

	Стран.
9. Волкъ и собака.	78
10. Два скупыя.	79
11. Черепаха.	81
12. Олень и лошадь.	82
13. Мужикъ и кляча.	83
14. Олень и дочь епо.	84
15. Всопъ и буянъ.	86
16. Обѣщаніе.	87
17. Орлиха, пеприха и кошка.	88
18. Молодой сатиръ.	89
19. Раненой.	90
20. Лисица и тернопной кустъ.	91
21. Козель и сука.	92
22. Лепъ и осель.	93
23. Два крадуна.	94
24. Волки и опцы.	95
25. Голопа и члѣны.	—
26. Рыбакъ и рыбка.	96
27. Мужикъ и блоха.	97
28. Заяць.	98
29. Рѣка и лужа.	99
30. Ворона и лисица.	100
31. Есопъ и кощунъ.	—
32. Лыпица и Лисица.	101
33. Протоколъ.	102
34. Судъ.	103
35. Бочка.	104
36. Спѣча.	105
37. Кисельникъ.	106
38. Мостъ.	—
39. Воля и неполя.	107
40. Противуестественникъ.	108
41. Бубны.	109
42. Хромая лошадь и полкъ.	—

	Стран.
43. Лисица и кошка.	110
44. Пѣтухъ и жемчужное зерно.	111
45. Лисица и орехъ.	—
46. Верблюдоу.	112
47. Спинья и полкъ.	—
48. Леиъ притпорипшійся больнымъ.	113
49. Лисица и курятникъ.	—
50. Крокодилъ и собака.	114
51. Олень и опца.	—
52. Судно и морѣ.	115
53. Старикъ и осель.	—
54. Собаки и хдсть.	116
55. Воробѣй.	—
56. Стрѣлокъ и змѣя.	117
57. Кротъ.	—
58. Дѣлка.	—
59. Лепъ и клопъ.	118
60. Осель дерзнопенный.	—
61. Хвала и хула.	119
62. Угольщикъ.	—
63. Ученой и богачъ.	120
64. Меналькъ и Палемонъ.	—
65. Угадчикъ.	121
66. Ослопа кожа.	122
67. Стреказа.	123
68. Мореплаватели.	124

КНИГА III.

1. Сатиръ и гнусныя люди.	129
2. Птаха и дочь ея.	131
3. Волкъ и козленокъ.	132
4. Соловей и кошка.	133

	Стран.
5. Котъ и мыши.	135
6. Пармской сырѣ.	136
7. Волченокъ собакою.	137
8. Волкъ пастухомъ другѣ.	138
9. Песѣ нетерпящій нападенія.	140
10. Война за бабки.	141
11. Пѣни Адаму и Епѣ.	142
12. Нопой календарѣ.	143
13. Надутый гордостью осель.	145
14. По трудахъ на покой.	146
15. Сѣхира.	147
16. Раздѣль.	148
17. Два оленя.	150
18. Дѣ крысы.	151
19. Змѣи, голоца и хпостѣ.	152
20. Щастіе и сонѣ.	153
21. Падушка и кафтанѣ.	154
22. Высокомѣрный осель.	155
23. Высокомѣрная муха.	156
24. Заяцъ и черепаха.	157
25. Овезьяна и медпѣдѣ.	158
26. Солопей и кукушка.	159
27. Ослища и кобыла.	160
28. Ненадобное сѣно.	161
29. Арапѣ.	162
30. Порча языка.	163
31. Лѣкарской слуга.	164
32. Криподогадлипыя собаки.	—
33. Кораблекрушеніе.	165
34. Осада Византин.	—
35. Дѣ козы.	166
36. Чурбаны.	167
37. Летящая черепаха.	168
38. Чиноливиная спинья.	169

Оглавленіе.

	Стран.
39. Орелъ.	170
40. Ворона и пороненокъ.	—
41. Олимпу посвященныя деревья.	171
42. Прозьба Венеры и Минервы.	172
43. Любовь и дурачество.	—
44. Лыдина и камень.	173
45. Отпускная.	174
46. Непреодолимая природа.	—
47. Лисица и йожъ.	175
48. Ружье.	176
49. Птичникъ и скворецъ.	—
50. Кувшинъ.	177
51. Козленокъ.	178
52. Тѣленокъ,	—
53. Безмозглая голова.	—
54. Кружка.	179
55. Калигулина лошадь.	—
56. Стряпчій.	180
57. Сократовъ домъ.	—
58. Пастухъ мореплапатель	181
59. Осужденникъ и лепъ.	183
60. Истинна.	185
61. Надежда.	—
62. Брѣдъ.	186
63. Глупость.	187
64. Супружество.	—
65. Любовь.	188

КНИГА IV.

1. Прохожій и буря.	191
2. Змѣя и слонъ.	192
3. Лисица и кошка.	193
4. Заяцъ и лягушки.	194

	Стрн.
5. Александръ и Парменіонъ.	195
6. Генрикъ IV. и пропа.	—
7. Пучокъ лучины.	196
8. Змѣя согрѣтая.	—
9. Шалунья.	197
10. Медвѣдь танцопщикъ.	—
11. Господинъ лжець.	198
12. Непѣста за столомъ.	199
13. Слепой и безногой.	200
14. Другъ непѣжа.	201
15. Паукъ и служанка.	—
16. Красильщикъ и угольщикъ.	—
17. Ось и быкъ.	202
18. Собака на сѣнокосѣ.	—
19. Жаръ и стужа.	203
20. Возница пьяной.	—
21. Французской языкъ.	204
22. Арапское лѣто.	—
23. Посоль осель.	205
24. Дуракъ и часы.	—
25. Цыганка.	206
26. Братъ и сестра.	—
27. Рабята и ракъ.	—
28. Мужъ пьяница.	207
29. Хпастунъ.	209
30. Нопое лѣкарство.	210
31. Лягушка.	211
32. Мышь и быкъ.	—
33. Кошка.	212
34. Сопѣтъ боярской.	—
35. Общая судьба.	214
36. Мыши и котъ.	—
37. Олень и собака.	—
38. Сосна и хпоростина.	215

Оглавленіе.

	Стран.
39. Йожб и змѣя.	216
40. Ослѣпшая фортуна.	—
41. Посулы.	218
42. Посулы Ескулапію.	—
43. Кургузая лисица.	219
44. Портной и мартышка.	—
45. Пужливая лягушка.	220
46. Лисица и йожб.	—
47. Услужливой комарь.	221
48. Тяжелой коморь.	222
49. Кукушка и ребята.	223
50. Сопа и зѣркало.	—
51. Отчаянная проца,	224
52. Дерепенскія бабы.	225
53. Скупой и кружка.	226
54. Слепой и зрячій.	227
55. Жалостливая дѣпушка.	—
56. Мышачья прозѣва.	229
57. Дпорошыя птицы и куропатка.	—
58. Мидь.	230

КНИГА V.

1. Пьяница трусь.	233
2. Сопѣжъ родительской.	234
3. Больной и мѣдикъ.	235
4. Быкупъ мужей.	236
5. Волосокъ.	238
6. Ворона и лиса.	240
7. Статуя.	241
8. Олень.	—
9. Заяцъ.	242
10. Война орлопъ.	—

	Стран.
11. Култшной бой.	243
12. Топорище.	—
13. Клятпа мужняя.	244
14. Надгробіе.	245
15. Рецептъ.	—
16. Питѣ и богачѣ.	246
17. Филинѣ.	247
18. Ученой челоуѣкѣ и нецѣжа.	—
19. Медвѣдѣ и пчела.	248
20. Пастушій сынѣ и коза.	249
21. Ёсопѣ.	—
22. Мальчишка и часы.	—
23. Геркулесѣ.	250
24. Уборка голопы.	—
25. Пѣтухѣ.	251
26. Астрологѣ.	—
27. Ворѣ и старикѣ.	252
28. Голуби и коршунѣ.	—
29. Мздоимецѣ.	—
30. Недостатокѣ времени.	253
31. Перекормленная курица.	254
32. Мышь и устрица.	255
33. Иссея.	—
34. Голубѣ и голубка.	256
35. Трусѣ.	257
36. Не оснопательное желаніе.	258
37. Лисица пѣ опасности.	259
38. Золотыя лица.	260
39. Горшки.	261
40. Поросячей крикѣ.	262
41. Злая жена.	—
42. Коршунѣ и солопей.	264
43. Супругѣ и супруга.	—
44. Приданое.	265

Оглавленіе.

	Стрн.
45. Жена пѣ отчаяніи.	265
46. Спинья и конь.	266
47. Страхъ и любовь.	—
48. Александра слава.	268
49. Собачья ссора.	—
50. Наказаніе	269
51. Собаки и кладъ.	270
52. Конь и оселъ	—
53. Мужикъ и медвѣдь.	271
54. Мурашей и пчела.	272
55. Ремесленникъ и купецъ.	273
56. Боронъ и медвѣдь.	274
57. Коршуны и голуби.	—
58. Бояжиръ плясунъ.	275
59. Мышь медвѣдямъ.	276
60. Прозьба мухи.	277
61. Конь и оселъ.	278
62. Питъ и уродъ.	279
63. Питъ и разбойникъ.	280
64. Учитель Поези.	281
65. Тщетная предосторожность.	282
66. Слепая старуха и лѣкарь.	283
67. Блоха.	—
68. Единовластніе.	284

КНИГА VI.

1. Шувникъ.	287
2. Дѣтъ дочери подьячичъ.	—
3. Коршунъ пѣ панлиныхъ перьяхъ.	288
4. Наставникъ.	289
5. Волкъ ставшій пастухомъ.	290
6. Два друга и медвѣдь.	291

Стрн.

7. Пьяной и судьбина.	-	-	-	293
8. Крестьянинъ и смерть.	-	-	-	294
9. Муха и корета	-	-	-	295
10. Крышка молока.	-	-	-	---
11. Человѣкъ средняго цѣка и дитѣ ено лю бонницы.	-	-	-	296
12. Мышь городская и мышъ деревенская	-	-	-	298
13. Кошка и пѣтухъ.	-	-	-	299
14. Орелъ и порона.	-	-	-	---
15. Конь и осель.	-	-	-	300
16. Прохожій и змѣя.	-	-	-	---
17. Аполлонъ и Минерпа.	-	-	-	301
18. Лисица и козелъ.	-	-	-	302
19. Два рака.	-	-	-	303
20. Два жипописца.	-	-	-	---
21. Волкъ и журавль.	-	-	-	305
22. Собака съ кускомъ мяса.	-	-	-	---
23. Возгорѣвшаяся лягушка.	-	-	-	306
24. Заяцъ и медвѣдь.	-	-	-	307
25. Волкъ, опца и лисица.	-	-	-	308
26. Соколъ и сова.	-	-	-	309
27. Нѣмчинъ и французъ.	-	-	-	310
28. Мужикъ съ котомкой.	-	-	-	311
29. Вдопа пьяница.	-	-	-	312
30. Волкъ и рабеникъ.	-	-	-	313
31. Пастухъ и сирена.	-	-	-	314
32. Апрелья перьвое число.	-	-	-	315
33. Кокушка.	-	-	-	310
34. Секретарь и соперники.	-	-	-	317
35. Пахарь и обезьяна.	-	-	-	318
36. Отрекшаяся мира мышъ.	-	-	-	319
37. Лепъ и мышъ.	-	-	-	---
38. Побѣжденный на картинѣ лепъ.	-	-	-	321
39. Гора цъ родахъ.	-	-	-	---

	Стрнц.
40. Лисица и шиноградъ.	322
41. Дерещенской праздникъ.	323
42. Турецкой цыборъ жены.	325
43. Два попора.	327
44. Питъ и жена.	328
45. Першой питъ.	329
46. Коршунъ.	330
47. Кукушки.	331
48. Молодка иъ горести.	—
49. Маскарадъ.	332
50. Попугай.	333
51. Коршунъ.	334
52. Парисовъ судъ.	335
53. Несмыслениыя писцы.	336
54. Лисица и статус.	338
55. Ворона.	339
56. Лошаки и поры.	340
57. Заяць и чериякъ.	—
58. Змѣя и пила.	341
59. Сказка 1.	342
60. Сказка 2.	343

САТИРЫ.

1. Питъ и другъ епо.	347
2. Крипой толкъ.	352
3. О благородствѣ.	356
4. О худыхъ риѳмотпорцахъ.	358
5. О худыхъ судьяхъ.	362
6. О Французскомъ лязкъ.	364
7. О честности.	366
8. О злословіи.	368
9. Настапленіе сыну.	369
10. Ода отъ лица лжи.	373

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ,

Часть VII.

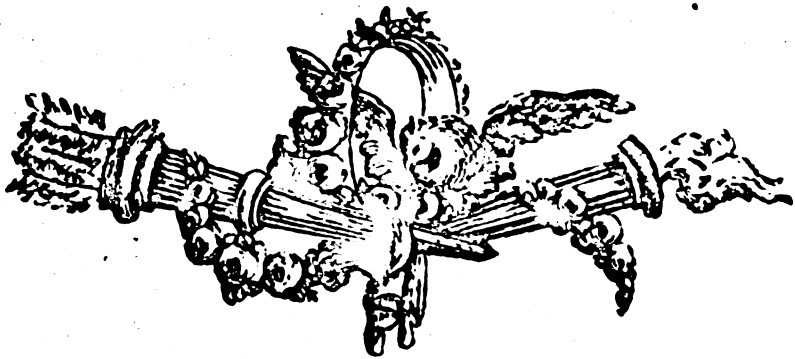
А

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ,
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ.

Подъ благословенною державою любез-
ная Матери ВАШЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЫСОЧЕСТВА, Матери моего
опечеспа, Избавительницы Россійскаго
народа и Воскресительницы Музъ Рос-
сійскихъ, должны Писатели ободряти
сердца свои и мысли, и приносили жерп-
ву ГОСУДАРЯМЪ своимъ и Опечеспу,
своими трудами. Сколько Припчи по-
лезны, о томъ уже всему свѣту из-
вѣстно. А я только того жочу, что-
бы мои Припчи заслужили себѣ достоин-
ство

ство имени своего , и были угодны
ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСО-
ЧЕСТВУ , и чшобы ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО
ихъ благоволили съ шою приняти ми-
лостію , съ которою , Милоспивѣйшій
ГОСУДАРЬ , я , отъ ВАШЕГО ВЫСО-
ЧЕСТВА , принимался щастіе имѣю.

Александръ Сумароковъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Фебъ и Борей.

Съ Бореемъ былъ у Феба разговоръ,
Иль паче споръ,
Кто больше силъ изъ нихъ имѣетъ,
И больше властвовать умѣетъ.
Проѣзжій на конѣ: холодноватъ былъ часъ;
Накинулъ епанчу проѣзжій; крышка грѣетъ,
И есть у насъ
Указъ,
Во время холода теплой прикрыться,
И никогда предъ стужей не бодриться;
Ее не побѣдишь,
Себя лишъ только повредишь;
Противу холода не можно умудриться.
Сказалъ Борей: смотри, съ проѣзжева хочу
Я здернуть епанчу,
И лишекъ на сѣдлѣ я въ когти ухвачу.
А Солнце говоритъ: во тщетной ты надеждѣ,
А естли я хочу,
Такъ эту епанчу
Сниму я прежде;
Однако потрудися ты,
И здѣлай истинну изъ бреда и мечты.

Борей мой душетъ,
 Борей мой плаюетъ,
 И сильно подъ бока пробъжева онъ суетъ,
 Борей оретъ,
 И въ когти епанчу беретъ,
 И съ плечъ ее деретъ:
 Толчки пробъжій чуеъ,
 И въ носъ, и въ рыло, и въ бока;
 Однако епанча гораздо жестока:

Хлопочетъ,
 И съ плечъ ийти не хочетъ.
 Усталъ Борей,
 И поклонился ей!
 Вдругъ Солнце возсіяло,
 И естество другой порядокъ восприяло;
 Нигдѣ не видно пучъ,
 Вездѣ златой играетъ лучъ:
 Куда не возведешъ ты взоры,
 Ликуютьъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы:
 Пробъжій епанчу долой съ себя сложилъ,
 И снявъ о епанчѣ пробъжій не тужилъ.
 Рецейникъ хуже Райска крина.
 О чемъ я въ притчѣ сей, читатель, говорю?
 Щедрота люлости потребнае Царю.
 Борей Калигула, а Фебъ ЕКАТЕРИНА.

II.

Волкъ и Ягненокъ.

Въ рѣкѣ жилъ волкъ, ягненокъ жилъ;
 Однако въ низѣ рѣки гораздо спустился;
 Такъ жилъ онъ ниже;
 И слѣдственно что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,

Отколѣ пока водѣ стремленіе влечетъ ;
Извѣстно что вода всегда на низѣ течетъ.

Голодной волкѣ ягненка озираетъ ;
Отъ ужага ягненокѣ обмираетъ ,
И мнитъ : не буду я съ ягнятками играть ,
Не спанетъ на руки меня пастушка братъ ,
Не буду голоса я слышати свирѣли ,
И ппички для меня впослѣдніе пропѣли ,
Не на зѣленомѣ я скончаюся лугу.

Умру на семѣ пещаномѣ берегу .
Волкѣ почалъ говорить : бездѣльникѣ , какѣ ты смѣешъ .

Питье мое мушишь ,
И въ воду чистую мнѣ сору напустить ?
Да ты жѣ такую мать имѣешъ ,
Которая ко мнѣ учтивства не храня ,
Вчера блеяла на меня .

Ягненокѣ отвѣчаетъ ,
Что мать ево дней стрипцалъ умерла ;
Такѣ волка не она ко гнѣву превела :
А токѣ воды бѣжитъ на низѣ онѣ чаешъ ;
Такѣ волкѣ ево опивокѣ не встрѣчаетъ .
Волкѣ претъею виной ягненка уличаетъ :
Не мни что ты себя , бездѣльникѣ , извицалъ ,
Ошибся я , не мать , отецѣ меня бранилъ .
Ягненокѣ отвѣчалъ : тому ужѣ двѣ недѣли ,

Что псы ево зѣли .
Такѣ дядя твой иль братѣ ,
Иль можетъ быть и сватѣ ,
Бранилъ меня вчера , я это знаю точно ,
И говорю тебѣ я это не нарочно .

Ягненковѣ былъ отвѣтъ :
Вся моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ ;
Лелѣитъ лишѣ меня прекрасная пастушка .

А ! а ! вертушка ,
Не опвертнися ты ; вчера твоя пастушка

Блеяла на меня: номолыя рога,
 И длинной хвостъ у етова врага,
 Гус-пая шерсть, испытаны не велики;
 Довольно ли тебѣ плутишка сей улики?
 Паслушиѣ я твоей покорнѣйшій слуга,
 За то что на меня блеяты она дерзаетъ,
 А ты за то умри. Ягненка волкъ шерзаетъ.

III.

Левъ и Дѣвушка.

Любовь сильнѣе всѣхъ страстей,
 И слаще всѣхъ сластей;
 Да худо что любовь частенько и обидитъ,
 А это опъ того, любовь не ясно видитъ,
 И мучитъ насъ любовь гораздо иногда;
 Любовной слѣпоты хранитесь всегда.
 Влюбился левъ; и львовъ згразы побѣждаютъ,
 И львицы любятся; они левятъ рождаютъ;
 Такъ епо ничево;
 Спросите вы въ ково:
 Въ дѣвицу,
 А не во львицу,
 Влюбился левъ гораздо горячо.
 Подспавилъ дѣвкѣ оцъ плѣчо,
 Подспавилъ спину,
 И хочетъ онъ,
 Суровый сей Плутонъ,
 Прекрасную похититъ Прозерпину.
 Опъ неперпѣнїя левъ весь горитъ,
 А дѣвка говоритъ:
 Гетова я въ твои возлюбленный мой когти,

Для цѣлованія твоихъ прелестныхъ губъ ;
 Да только я боюсь ногтей твоихъ и зубъ ;
 Ты вырви зубы вонъ , и впасть опрѣжь ты ногти ,
 Тогда душа моя ,

Я вся твоя.

Къ прекрасной мыслию и сердцемъ прилепленный ,
 Чего не здѣлаетъ любовникъ ослѣвленный !
 Господь , сударыня , ошвѣстствуетъ ей левъ ,
 Исполнители я то , любви твоей ждала :

Разинулъ зевъ ,

Любовию пылая ,

И ноги протянулъ .

О естли бы ты левъ тогда вспомянулъ ,
 Не потерявъ разсудка ,
 Что это вить не шутка !

Исполнилъ онъ по прозвѣбѣ той ,

И протянулъ поцаловаться губы ,

А дѣвка говоритъ : постой ,

Покаместъ выроступъ твои , любовникъ , зубы ,
 И будешь ты съ ногтями опять .

А тещь ему сказалъ , нагнувъ колѣно :

Зубовъ , ногтей ужъ нѣгдѣ взяшь :

Прости , любезный зять :

И взявъ палено ,

Сказалъ ему еще : домой пора ,

И проводилъ его паленомъ со двора .

IV.

Лягушка и Мышь.

И простота и злоба ,
 Приводятъ часто насъ на мѣсто гроба .

Воспой, о муза, ты дѣла,
 Мнѣ, мыши и лягушки,
 И какъ лягушка мышь въ болото завела,
 И какъ погибли тамъ ихъ обѣ души!
 Лукавая звала
 Лягушка, глупу мышку,
 И наизустъ прочла ей цѣлу книжку,
 Сплетая похвалу лягушечей странѣ,
 И говорила: коль ты пожалуешь ко мнѣ;
 Такъ ты увидишь тамъ, чево, ниже во снѣ,
 Ты прежде не видала:
 А я тебѣ, мой свѣтъ,
 Тамъ здѣлаю обѣдъ,
 Каюва никогда ты сроду не ядала:
 Увидишь ты какъ мы ядимъ:
 Въ питье по горло мы сидимъ,
 Музыка день и ночь у насъ не умолкаетъ,
 А кошка тамъ у насъ и лапъ не омокаетъ.
 Прельстилась мышь и съ ней пошла,
 Однако истинны не много тамъ нашла,
 И стала съ ней прощаться:
 Пора, дружечикъ мой,
 Домой
 Отсеявъ возвращаться.
 Постой,
 Дружечикъ мой,
 Лягушка говорила,
 Я, душенька, тебя еще не поварила,
 И вѣдай что тебѣ бѣды не приключу,
 Лишь только съѣмъ тебя; я мяса ѣсть хочу.
 А мышь не заслужила дыбы,
 И захотѣла рыбы:
 Барахнется съ ней.
 Скажи, о муза, мнѣ кончину дней,

И гости и хозяйки ?

Летѣли чайки :

Одна увидѣла еперниковѣ такихѣ ,

И ухватила ихѣ .

Вотѣ вамѣ обѣимѣ дыба ,

А чайкѣ на обѣдѣ и мясо шутѣ и рыба .

V.

Дубѣ и Троспѣ .

Дубѣ трости говорилѣ . конечно тростѣ ,

Тебѣ , долгонѣко ростѣ ,

Быть равной крѣпости и вышины со мною :

Какою ты виною ,

Прогнѣвала Боговѣ , и столько ты слаба ?

Бояринѣ я , а ты раба .

Пускай вѣтрѣ сильный спонетѣ ,

Пускай реветѣ и воевѣ онѣ :

Мнѣ столько жѣ , какѣ Зефирѣ , ужасенѣ Аквиллонѣ

И не погнетѣ меня : а ты лишѣ только пронетѣ

Зефирѣ поверхность водѣ ,

Нагнешя до земли , когда жѣ разинетѣ ротѣ

Вѣтрѣ сильный на тебя , лишѣ губы онѣ носунетѣ ,

И хопѣ немножко дунетѣ ;

Падешѣ и ляжешѣ ты :

Ты образѣ слабости , ты образѣ суеты ,

И видѣ несовершенства :

Я образѣ крѣпости , видѣ вышняго блаженства .

Востала буря , трескѣ

И блескѣ

На горизонтѣ ,

И преволченіе вѣ пространномѣ поцтѣ ;

Внимаютъ въпра крикъ ,
 Дуброва и простникъ :
 Въпрѣ бурный съ лютымъ гнѣвомъ ,
 Дышитъ отверстымъ зѣвомъ ,
 Яряся мчится съ ревомъ ,
 Сразится съ гордымъ древомъ :
 Черезъ простникъ летитъ
 И весь простникъ мушитъ :
 Тросль пала ;
 Такъ сила въпра на воздухѣ пропала ,
 А онъ на гордый дубъ жестокость устремилъ :
 Дубъ силенъ ; но шово силъ въпра не имѣетъ ,
 А гнущся не умѣетъ :
 Ударилъ въпрѣ , и дубъ потчасъ переломилъ :
 Крѣпчайша сила древо сшибла ,
 Дубъ палъ и дубъ погибъ , спѣсь пала и погибла .

VI.

Оселъ и Хозяинъ.

Всякъ дѣлай то что съ склонностию сходно ,
 Не то что лишъ угодно ,
 Но то что сродно .
 Не плазаетъ медвѣдь въ Бальшійской глубинѣ ,
 Синица не несетъ въ Невѣ явцѣ на днѣ ,
 Бѣлуга никогда не посѣщаетъ роци ,
 И на дубу себѣ гнѣзда не вьетъ олень :
 Луна во время свѣтитъ ноци ,
 А солнце въ день :
 Труды всѣ разными вещами .
 И у людей :
 Тотъ кормитъ мужиковъ въ харчевнѣ щами ,
 Тотъ сѣномъ и овсомъ въ конюшнѣ лошадей :

Что къ стати то и краше.

Потребенъ пиву хмель , а папакъ на медь ,
Для бани жаръ , а въ погребъ ледъ ,
Для чая сахаръ , масло кашъ .

Какой то человекъ лелеилъ день и ночь

Собачку ,

Любилъ ее какъ дочь ,
И здѣлалъ ей пощачку ,
Ее любя ,
Лизать себя .

Оселъ то нѣкогда увидѣлъ ,

Работу тяжкую свою возненавидѣлъ ,

И говорилъ онъ такъ :

Я долго былъ дуракъ ,

И суетно трудился :

Вить я не подрядился ,

И не подрядчикъ я :

Не терпимъ честь моя ,

Чтобъ я не разсердился ,

И чтобъ не возгордился ,

И чтобъ еще служилъ ,

И въ беспокойствѣ жилъ .

Я должнѣсти моей давно уже стыдился :

Отнынѣ буду я собачкѣ подражать ,

Мешки кульки на мнѣ не станутъ разбѣзжать ;

Не для безчестія оселъ на свѣтъ родился .

Вскочилъ , хозяина ногами охватилъ ,

И высунувъ языкъ , оскаливъ зубы ,

Кладетъ помѣщику большой языкъ на губы ,

А онъ его за то дубиной колошилъ .

VII.

Скупой.

Ни шелега въ машинѣ бѣдняшка не имѣлъ ,
 А воровани не хотѣлъ :
 Занявъ не лѣзя ; такія тупѣ обряды ,
 Чпо надобны заклады ,
 Да роспы ради барыша ,
 А у него кафтанѣ , рубашка , да душа ,
 Закладовѣ нѣтъ , онѣ терпишѣ голодѣ
 И холодѣ .

Мнѣ лучше смерть , бѣдняшка говоритѣ ,
 И хочетѣ отправитѣся ;
 Но ядѣ не скоро уморитѣ ;
 Пошелѣ давитѣся .

Былъ домѣ старинной разваленѣ ,
 Остатки только были стѣнѣ :
 Пошелѣ туда бѣднякѣ веревку вынимаетѣ ,
 Кѣ кирпичью гвоздѣ наладя прижимаетѣ ,
 И почалѣ колошитѣ :

Стѣна обрушилась , и выпало оптолѣ
 Червонцовѣ тысяча , иль можетѣ быть и болѣ ;
 Бѣдняшку лѣзя всево теперѣ позолошитѣ .

Бѣдняшка обомѣлъ , въ весельи шаетѣ ,
 Червонцы тѣ хватаетѣ ,
 Отѣ радости дрожитѣ ,
 И добычѣ ухвативѣ домой бѣжитѣ .

Пришелѣ хозяинѣ дома ,
 Обрушена стѣна ,
 А деньги не солома ;
 Другая имѣ цѣна ;
 Скупова сердце коетѣ ,
 Скупой кричитѣ и всетѣ :

Сокровище мое ! куда сокрылось ты ?
 Лишился я твоей на вѣки красоты .

Веселіе мое и свѣтъ мой! я съ тобою
разстался, самою люпѣйшею судьбою;

Погибни жизнь моя.

Сокровище мое! съ тобой умру и я,

Не опмѣню сево я слова.

Скупой!

Веревка шупѣ готова;

Пожалуй, лишнева не пой;

Однако онѣ и самѣ не много норовился,

И удавился,

Доволенѣ только шѣмѣ ко смерти приступилѣ,

Что онѣ веревки не купилѣ.

VIII.

Кошка.

Привычку одолѣть гораздо трудно;

Природу одолѣть гораздо чудно.

Я нѣчто вамѣ теперь обѣ епомѣ предложу,

И басенку скажу.

Я кошекѣ не люблю и кошечья лзыка;

А больше мнѣ всево противна ихѣ музыка;

Но былѣ какой то господинѣ,

Хозяйки не имѣлѣ, и жилѣ одинѣ,

И кошку не вѣ издѣвку,

Любилѣ какѣ дѣвку;

Да кошка по ево не зилетѣ говорить.

Просилѣ боговѣ, чтобѣ кошку претворить,

Чтобѣ кошка человѣкомѣ стала,

И подѣ алмазами какѣ барыня блистала.

Исполнили они желаніе ево.

У кошки кошечья нѣшѣ больше ни чево..

На кошкѣ фижбейная юбка,
 Изъ киповыхъ усовъ,
 Алмазы свѣпятся изъ волосовъ,
 И ходитъ кошка будто шлюбка;
 Да только по сухомъ пути;
 Водой пешкомъ не лъзя ийти:
 У кошки не одинъ костей на юбкѣ лрусъ,
 А юбка дуется въ погоду будто парусъ.
 Насталъ ево желанія конецъ:
 Женился нашъ на кошкѣ молодецъ,
 И до приятнѣйша дошелъ часа и мѣста:
 Онъ легъ, легла невѣста:
 Вдругъ выбѣжала мышь. О рокъ! о случай злой!
 Вскочила барыня за ней съ одра долой,
 Пресекалась барину попѣшишься дорожка,
 Вскочила барыня и стала кошка.

IX.

Кривая Лисица.

Хотя и должны мы всегда себя беречь;
 Но можно ли во всемъ себя предостеречь?
 Кто скажетъ можно;
 Такъ это должно:
 Не лъзя никакъ,
 Я смѣло говорю, что это такъ.
 Была лисица,
 И отъ собакъ
 Лезала будто пшица;
 Не дрались съ ними ей; она не лъвица,
 Да имъ же по родству она сестрица.
 Была замужня она, или дѣвица,

Про то ,

Не сказывалъ ни кто :

Могла вдругъ дѣвка быть , и баба и вдовнца ,

А попросту вдова ;

Лишъ только сказано была она крива ,

И подлинно была лисица такова.

Извольте басенки моей послушать :

Пришла къ рѣкѣ она ,

Воды покушать .

Лисица не пила ни водки ни вина :

Въ струи вошкнула носъ глубоко ,

Къ водѣ оборотивъ свое кривое око ,

Другое въ лѣсѣ ,

И говоритъ : не лзя ко мнѣ подкрасться , песъ ,

Хотя бы влезъ

Въ тебя сабака бѣсѣ ,

А отъ воды лисица не потруситъ ;

Мнѣ щука носа не откуситъ .

Напрасно ты лиса боялася собакъ :

Не той закрылася ты полою ;

Съ воды стрѣлою

Убилъ тебя рыбака .

Х.

Яйцо.

Когда снѣга не таютъ ,

Рабята изъ нево шары катаютъ ,

Сертятъ ,

И шаръ вертятъ ;

Шаръ больше становится :

Шарчикъ ихъ шарикомъ появится .

Часть VII.

Б

Да кто жъ
На шаръ похожъ?
Ложъ

Что больше бродитъ
То больше въ цѣну входитъ:
Снѣжной шарика будетъ шаръ,
А изолжи, поваришка поваръ.
Ахъ! Ахъ! жена, меня околдовали,
Кричитъ мужъ лежачи женѣ,
Я снесъ яйцо: ни какъ ты видѣла по во снѣ;
Такія чудеса на свѣтѣ не бывали.

Я снесъ яйцо, ахъ жонушка моя!

Ужъ я
Не мужъ твой, курица пвоя.
Не молви епова съ сосѣдкой;
Ты знаешь назовутъ меня еще насѣдкой.

Противно по уму,
Чтобъ я сказала по кому;
Однако скажетъ;
Бояливой бабѣ чортъ языка не привяжетъ.

Сказала ей,
А та сосѣдушкѣ своей.

Ложъ ходитъ всегда съ прибавкой въ мирѣ:

Яйцо, два, три, четыре,
И стало подъ вечеръ пять сотъ яицъ.
Назавтрѣ множество къ уроду,
Збирается народу,
И незнакомыхъ лицъ.

За чемъ вллитъ народъ? вллитъ купить яицъ.

ХІ.

Мышій судъ.

Нестолько спрашенъ зайцамъ псарь,

Медвѣдь и волкъ щенятамъ,

Мерливецъ и чортъ рабяткамъ,

Ни челобитчикамъ бездушной секретарь,

Какъ кошка нѣкал въ большомъ мышей содомѣ,

Въ какомъ то домѣ,

Страшна мышамъ была.

Хотя она съ мышей подарковъ не брала;

Да только худо то чпо кожи съ нихъ драла,

И срѣзала ихъ съ кону.

Она рѣшила всѣ дѣла,

Не по мышачьему, по кошечью закону.

Стараясь отъ такихъ спастись мыши бѣдѣ,

Хотѣли восвать, да пушекъ нѣтъ;

Не притронулися безъ рукавицъ къ крапивѣ;

Лишь только здѣлали надъ кошкой судъ.

Была у нихъ мышъ грамотная шутъ,

Дѣлецъ и плутъ,

Въ приказѣ родилась и выросла въ архивѣ.

Пошла въ архиву красть;

Она съ рабчества любила ету сласть,

Подвяческую страсть,

И должно отъ нее все далѣ было класть:

Тетрашей напаскала,

Статейку приискала,

И предложила то;

А что?

Чтобъ кошку изловишь, и навязать на шею

Ей, колоколъ топчасъ;

Чтобъ имъ сохранными повѣсничкою быть сею:

Говоритъ мышамъ: копоря изъ васъ

Исполнитъ мой приказъ?

Отвѣтствовали всѣ ей на это: не смѣю.
А я, сказалъ дѣлецъ, хоть мужество имѣю,
Да только кошекъ я ловить не умѣю.

ХИ.

Мармышка и Кошка.

Мармышка съ кошкою въ однихъ покояхъ жила,
И одному хозяину служила;
Да просто ни чево, хозяинъ, не кледи;
Когда что спянуло, къ сосѣдямъ не ходи;
Мармышка все припрятеть,
А кошка кушанье что ты ни ставь поѣсть:
Не сыщешь безъ замка отъ нихъ надежныхъ мѣстъ.
Частенько кошка къ сыру скачетъ,
И ловитъ сыръ;
Такъ часто у нее съ мышами миръ;
Сыръ мыши пожиряе;
Такъ стала кошка по смиряе.
Сидѣли нѣкогда приборщицы одни:
Увидѣли они,
Каштаны жарятся въ каминѣ.
Мармышка говоритъ: вотъ кошка случай нынѣ,
Тебѣ своимъ искусствомъ поблескашь;
Помастери каштаны понаската,
Отважся въ уголья ты лану сунушь,
И по каштанцу клонушь.
Провоидница потчасъ золу поразгребла,
И лану вонъ; такъ лапы не ожгла,
Опянь въ огонь, каштанъ не много попянула,
И лану вонъ опять спшколъ сплѣхнула,

Еще, еще, и разъ за разомъ такъ опять :
 Пришла къ концу , каштанъ усилилась достать :
 По томъ еще каштанъ , по томъ и два каштана ,
 И нацѣпаяла ихъ оттолѣ съ полкармана .

Мартышка держитъ вѣрной цопѣ

У кошки :

Что кошка вытащитъ , мартышка ето въ ротъ ,
 Не упуская крошки .

Служанка вдругъ вошла : повѣсили головки :

Каштаны были ловки .

Мартышкѣ сносно то ; она сыта была :

А ты мышатаница , ни ѣла , ни пила ,

И пользы за свою чужія ты искала ;

Каштаны не себѣ , мартышкѣ ты таскала .

XIII.

Лисица и Журавль.

Лисица журавля обѣдать позвала :

Въ обманъ ево вела .

Намѣрилась она принять ево учтиво ,

Да чтобъ одной поѣсть ,

А журавляю лишъ только здѣлать честь ;

Не сердце у лисы да горлашко спѣсиво .

Пожаловалъ журавль , обѣдъ готовъ .

Лисица говоритъ : известна дружба наша ;

Не надобно друзьямъ къ учтивству много словъ :

Покушай , для тебя , дружокъ мой , эта каша ;

Да кашу вспюрнла лисица на латокъ ,

А носъ у журавля не очень коротокъ ;

Не можно кушать ;

Такъ ласковыхъ рѣчей пришелъ онъ только слушать ;

Одинокѣ и журавль почтитъ умбѣтъ дамъ,
И больше десяти клада поклоновъ дюжинъ,
Зовѣтъ лису на ужинъ.

Лисица говоритъ: я свой поклонъ отдамъ:
Мы вѣрныя друзья, ты другъ, а я другиня,
Журавликъ, ты мнѣ князь, а я тебѣ княгиня.

Пошелъ журавль и мяса нарубилъ:

Не на латокъ поклялъ, куски въ бутылку вбилъ.
Пришла лисица: онъ ей кушанье поставилъ,
Въ бутылку всунулъ носъ, и носикъ позабавилъ.

Лисичью рту не лзя въ бутылку влестъ;

Тыкъ ей не лзя и мяса ѣсть:

Въ бутылъ зубовъ лисица не впихала,
И опустивъ уши хвосточкомъ замахада.

XIV.

Блоха.

Минерва, вѣстно всѣмъ, Богиня не плоха:
Она боярыня, графиня, иль княгиня,
И вышла изъ главы Юпитера Богиня:
Подобно изъ главы идетъ моей блоха.

О Каллиопа, пой блохи ты къ вѣчной славѣ:

И возгласи ты мнѣ,

То что пригрезилось сей пшари не во снѣ,

Но въ явѣ!

Читатели! блохой хочу потѣшить васъ,

Внемлите сей мой гласъ,

И уши пропьяните,

А пшарь такую зря, меня вспомяните.

Была, жила блоха: не знаю какъ она,

Вскочила на слона.

Слоны по помѣ вели, на улицахъ казаться,
И на ногу съ ноги, сей кучѣ, подвизаться.

Вы знаете что зайца больше слонѣ,
И не взодегъ онѣ жареный на блюдо:
И ежели когда прохаживается онѣ,
Збѣгается народѣ, смотрѣшь на это чудо,

Блоха моя

Народѣ увидя,

И на слонѣ великолѣпно сидя,
Гордяся говоритѣ: о коль почтенна я!
Весь мирѣ ко мнѣ бѣжитѣ, мирѣ видѣ мой разбираетѣ,
И съ удивленіемѣ на образѣ мой взираетѣ:

Судьба моя, довольна я побой;

Я землю зрю, далеко, подѣ собой,
И все животное я вижу подѣ ногами!
Блоха на небесахѣ, блоха равна съ Богами.

И почала блоха отѣ радости скакать,

Скача съ слона упала,

Пропадала,

И трудно новую Богиню намѣ сыскаать.

XV.

Спорщица.

Скажи, о муза, мнѣ, какой злой гнѣвъ жену
Принудилѣ, объявить жестокою войну,
Противу своего возлюбленнаго мужа,
И глупость можетѣ ли женѣ злой быти чужа!

Мужѣ будетѣ побѣжденѣ; сунбурщица не трусъ,

И заблал намѣ надѣ мужемѣ шутку.

Поставили на столѣ большую утку:

Жена сказала: это гусь:

Не гусь, да утка то, мужъ держитъ ето твердо.
О сатана!

Кричитъ жена,

На то ли я съ тобой сопряжена.

Вся злобой внутренна моя разожена.

Кричитъ безъ памяти, пылитъ немилосердо:

Коль ты ослѣпъ, я шлюсь на вкусъ,

Иль я тебѣ такой дамъ тузъ,

Что ты задремлешь,

Коль гуся моево за утку ты приемлешь.

Отвѣдалъ мужъ: душа! сокровище! мой свѣтъ:

Гусинова и запаха тутъ нѣтъ.

Бездѣльникъ ето гусь, я знаю ето прямо.

Пожалуй жонушка не спорь ты такъ упрямо:

Я шлюсь на всѣхъ людей, что утка то, не гусь,

И въ етомъ не запрусь.

Но чѣмъ окончилась шутка?

Жена ему дала туза,

И плюнула въ глаза.

Признался мужъ: на столъ поставленъ гусь не утка.

XVI.

Скупая собака.

Скупой былъ песъ, и былъ имѣніемъ доволенъ.

Недомоглетъ песъ, и спалъ гораздо боленъ.

На посѣщеніе приштели пришли,

И друга своего чюдъ жива ужъ нашли.

О смерти онъ умѣренно хлопочетъ,

И что ни вѣкъ ретанется съ гостями.

Да со запасными себѣ костыми,

Разстаться онъ не хочетъ.

Бранитъ судьбу, что жизнь безмѣрно коротка.
Но чѣмъ она ему сладка?

Какое бѣдствіе ево поймало?

Онъ пищи множество имѣлъ;

Однако ѣлъ

Отъ скупости онъ мало.

Всегда ярясь кипѣлъ,

И ету пѣсню пѣлъ:

Прорву и разорву прохожему черева,

Схвачу и прохвачу немилосерда зева,

До сердца, зубомъ я.

Изрядна жизнь твоя.

Приехали о немъ шужили.

А чпобъ они ему въ болѣзни послужили,

Гнилыя кости имъ даетъ,

Которыхъ не хранишь, и коижъ хуже нѣтъ,

И кои въ бережи лежали много лѣтъ,

А о другихъ костяхъ не говоритъ ни слова.

Душа ийти изъ пѣла вонъ готова.

Собака говоритъ: не отступайте прочь,

Спарайтесе, друзья, болящему помочь:

А естли вы не сыты;

Такъ кости у меня въ землѣ для васъ зарыты,

И самыя свѣжія: лежатъ они - - - охъ! охъ!

Два раза охнулъ, и издохъ.

XVII.

Пиръ у льва.

Коль истинной не можно отвѣчать,

Всево полезиле молчать.

Съ боярами какъ жить, потребно ето вѣдѣть.
 У льва былъ пиръ,
 Пришелъ весь миръ,
 Обѣдать.

Вѣ покояхъ вонь у льва:
 Квартера шакова
 А львы живутъ не скудно;
 Такъ ето чудно.

Подобны вѣ чистотѣ жилищъ они чухнамъ,
 Или посадскимъ мужикамъ,
 Которыя вѣ торги умѣренно вступили:
 И откупнами насъ еще не облупили,
 И вмѣсто поршупей имѣютъ кушаки,
 А крапче такъ: торговы мужики.

Пришла вонь волку къ носу:
 Волкъ ето объявилъ бесѣдѣ безъ допросу,
 Что запахъ худъ.

Услышавъ левъ, кричитъ: бездѣльникъ ты и плутъ.
 Худова запаха и не бывало шутъ:

И смѣютъ ли вѣ такія толки,
 Входитъ о львовомъ домѣ волки?

А чтобы бредить волкъ напредки не дерзалъ,
 Немножечко онъ волка пошазалъ,
 И для поправки наказалъ,
 А именно на части растерзалъ.

Мартышка видя страшны грозы,
 Сказала: здѣсь нарциссы, розы,
 Цвѣтутъ.

Левъ ей отвѣтствовалъ: и ты такой же плутъ;
 Нарциссовъ розъ и не бывало шутъ.

Напредки не сплетай ты лѣсти:

А за такія вѣсти,

И за приязнь,

Прими и ты досшойку казнъ.

Преставился волчишка,

Преставилась мартышка.

Скажи лисица ты, хозяинъ вопрошалъ,
 Какой бы запахъ намъ дышалъ,
 Я знаю что пвое гораздо чувство нѣжно;
 Понюхай ты прилѣжно.
 Лисица на епотъ вопросъ
 Сказала: у меня залегъ севодни носъ.

XVIII.

Пряхи.

Не до издѣвокъ,
 Бесѣдушкамъ тѣхъ дѣвокъ,
 Которымъ должно много пряхъ,
 И конхъ, сверхъ того, позненько спати класть,
 И ксимъ, сверхъ того, раненько просыпаться,
 А льну никакъ не лзя всему перецципаться:
 Какъ хочешъ такъ часы себѣ распоряди,
 Ленъ вѣчно будетъ ростъ; такъ вѣчно и пряди.
 Хозяйка нѣкая была гораздо люта,
 И всякая у ней въ прудѣ была минута,
 Вокругъ веретена;
 Однако пряха не она;
 Служанки пряхи,
 И столько пряхи,
 И столько спали,
 Какъ я уже сказалъ.
 Полбасни я въ заглавьи показалъ,
 Полбасни къ ней придвину,
 И расскажу оставшу половину.
 Какъ солнушка стучится въ двѣри свѣтъ,
 Извѣстно что тогда пѣтухъ поетъ.
 Въ дому пѣтухъ былъ епотъ,
 И передъ свѣтомъ

Во всю кричалъ пѣтухъ горлань : какорѣку.

Хозяйка взявъ клюку ,
Служанокъ ворошила ,
И пряхъ перекрушила ,
И засушила :

И лѣто , и зима , и осень , и весна ,
У дѣвушекъ проходитъ безосна .

Пѣтухъ не виненъ ,
Что голосъ у него не тихъ :
Пѣтухъ не лихъ ,
Пѣтухъ былъ чиненъ ;

Хозяища винна , безчинна и лиха ;

Однако дѣвушки убили пѣтуха .

По преставленіи пѣвца хозяйка злая ,
Клюкою пряхъ .

Еще и раняе будила пряхъ ,
Бояся опоздать , на дѣвокъ лая ,
Къ работѣ дѣвокъ посылая .

Хозяища кричитъ ,
Хозяища рычитъ ,

Клюку ко пряхамъ присусѣдя ,
А дѣвки , безъ пѣвца , побудку ту наслѣдя ,
Отъ волка убѣжавъ попали на медвѣдя .

ХІХ.

Львица въ горести.

Стрелокъ убилъ у львицы сына ,
Не львенка , да левка .

Довольно смѣлости у егоса стрелка ;
Левъ сильная скопина ,
А мой убила дѣтина ,

Не поросенка,
Не львенка,
Левка.

Завыла львица,
Угрызла сердце ей печаль:

Хотя сурова тварь, и люта еста птица;
Однако сына жаль;
Такъ сердце ноетъ,
А львица воетъ.

Переглушила всѣхъ, она крича, звѣрей.

Пришелъ къ ней пигръ, и говорилъ оуъ ей:
Послушай кумушка: мы то позабываемъ,
Что мы чужихъ рябятъ подобно убиваемъ:
Мнѣ мнитсѣ матерямъ гораздо трудно несть,
Когда мы здѣлаемъ и имъ такую честь.

Не слышитъ пигра львица,
А пигръ увѣщевалъ: послушай ты сестрица,
Послушай мать,

Послушай бабушка: а львица
Не хочетъ ни чего внимать.

Не умалается у львицы жалобъ мѣра.
Былъ пигръ ученой человекъ,
И рекъ:

Читала ль ты, кума, Гомера,
О Иліонской ты читала ли войнѣ,
И о Прямовой женѣ?

Подробно рассказалъ исторію Гекубы.

А львица въ ярости по прежнему кричитъ,
И раздуваетъ губы.

Простился съ нею пигръ, и на пути ворчитъ,
Махая хвостъ и рожу смуру:

Ни чѣмъ не лзя ввести въ разумокъ ету дуру.

А я примолваю то еще,
Что въ жалость о себѣ злодѣй влечетъ во пщѣ,

И то скажу грубай, чѣмъ кумъ куму шазаетъ :
 Начто о сынъ выпь разбойница дерзаетъ ,
 Кошпоря сама чужихъ дѣтей терзаетъ ?

XX.

Мышь и Кошка.

XXI.

Бояринъ и Боярыня.

У мужика въ чуланѣ поставлены лукошки :
 Забилася тушь мышь. Не устрашуся кошки ,
 Кричала мышь , бодрясь , подай ее сюда .
 Отколѣ ни взялась , пришла она туда :
 Насилу унесла героика въ подполъ ножки .

Коль еша притча не сладка ,
 Лишь только для пово что очень коротка ;
 Во вкусѣ войши не лязя всево мнѣ свѣта :

Подолѣ еша :

Бояринъ былъ , боярыня была ,

Она всю въ домѣ власть вела :

Боярыня была немножечко упорна ,

А попросиу сказать была гораздо вздорна :

Бояринъ ѣлъ , бояринъ пилъ , бояринъ спалъ ;

А естли отъ труда усталъ ;

Для провожденія отъ времени зѣвалъ :

Сунбурщица болвана колошила ,

А иногда и молошила .

Пришла къ нему незапно лѣнь ,

Терпѣть побои всякой день ;

Слугѣ кричитъ : подай дубину Ванька ;

Жена мнѣ выпь не нянька ;

Мужъ я а не она ,
 А еста сатана
 Не нянька мнѣ жена ,
 видно что у ней давно свербитъ спина.
 Ванька говоритъ : дубина здѣсь готова ;
 только , государь , держись боярска слова
 Дубина вотъ ; за ней ийти не въ лѣсъ.
 Храбруетъ мой съ дубиной Геркулесъ.
 Супруга слышала супружню грозу :
 И взявъ большую лозу
 Вошла къ нему , супругъ дрожитъ ,
 въ сѣни отъ лозы съ дубиною бѣжитъ :
 А чтобъ супружню спину
 Полегче было несть ,
 И соблюсти боярску честь ,
 Онъ бросилъ и дубину.

XXII.

Солнце и Лягушки.

знесся въ нѣкоемъ болотѣ слухъ ,
 возмутило всѣхъ лягушекъ духъ.
 Лягушка каждая хлопочетъ :
 Женитесь солнце хочетъ.
 Пошла за правду ложь ,
 И всякой бредитъ то жъ.
 къ голоса числомъ дѣла въ судѣ рѣшатся ,
 И слухи такъ вершатся.
 лото истинны наполнилось по дно :
 Забредили одно ;
 Такъ жители шово предѣла ,
 Велѣли сочинить экстрактъ изъ дѣла ,

И подписали такъ,
 Что будетъ солнца бракъ.
 Помыслилъ было имъ о бѣдствѣ томъ ужасно.
 Спасеніе себѣ стремяся испросить,
 Лягушки вопіуютъ на небо велегласно:
 О какъ, о какъ намъ къ вамъ, къ вамъ Боги не
 гласить!

Умилосердитесь и обратите ухо!
 Отъ солнца одного въ болотѣ спало сухо:
 А естли народитъ супружникъ новой чадъ,
 Несносный жаръ насъ резнетъ,
 Болото будетъ адъ,
 И весь нашъ родъ исчезнетъ.

XXIII.

Ошспрѣленная нога.

Слышали ль вы пословицу когда:
 Соколъ горитъ любовью къ соколихѣ,
 Осетръ ко осетрихѣ,
 Оселъ къ ослихѣ,
 А ужъ къ ужихѣ?
 Когда вы скажете мнѣ, да;
 Такъ я скажу тогда:
 Крестьянкѣ милъ мужикъ, а князь княгинѣ:
 И въ старину, и нынѣ.
 Такъ было то всегда,
 Послушайте о чемъ моя расказка.
 Чипали ль надпись вы у чернова орла?
 Расказъ мой къ етому прибаска.
 Война была:
 У полководца въ ней ядро отшибло ногу,
 Летѣло въ ту око дорогу:

Другой щелчокъ далъ,
Въ другую полѣшѣвъ дорогу,
Солдату въ ногу,
И ногу отняла.

Солдатъ имѣя злу судьбину,
Кричитъ: ой! ой!
Бранитъ онъ бой.

Другія говорятъ: пожалуй, брань, не вой:
Пускай пивоя нога пропала,
Получче здѣсь твоей нога отпала:
А ты солдатъ простой.

Солдатъ отвѣтствуетъ: Фельдмаршалъ я ниже;
Но, ахъ! моя нога была ко мнѣ поближе.

XXIV.

Воръ.

Кто какъ притворствовать ни станетъ,
Всевида не обманетъ.

На Русску спать я Федре преврачу,
И Русскимъ образомъ я Басню сплестъ хочу.
Большую воръ купилъ себѣ свѣчу,
Чтобъ было красть ему средь ночи въ церкви видно:
Важегъ предъ образомъ, и молился безстыдно.

Сперва укравъ
Часовникъ,
И ставъ
Церковникъ,

Умильно чтенъ молитву онъ сію:
Услыши Господи молитву ты мою.
Предъ коимъ Образомъ свѣча ево згараетъ,
Предъ коимъ молился, сей Образъ обдираетъ,

И сколько могъ по томъ бездѣльникъ сей украсишь,
И кражи той въ мѣшокъ покасаешь,
Съ тѣмъ онъ пошелъ домой: безъ страха спать ла-
жится,

Женѣ божится,
Что Богъ ему то далъ,
Благослова сво ловипву,
За умиленную молитву.
Бездѣльникъ! дѣло то Діаволъ созидалъ,
Который паковымъ злодѣямъ помогаетъ,
Какъ Божья благодать отъ смертныхъ убѣгаетъ.

XXV.

Спаруха.

Въ деревнѣ женщина пригожая была,
И розѣ красотою подобною цвѣла.
Не возвращаются назадъ къ истокамъ воды,
Ни къ намъ прошедшія младыя наши годы:
Соспарѣлась она; то долгъ пригоды,
И вышла на всегда красавица изъ моды:
Не ходитъ болѣе на пляску въ короводы;
Лишь только пѣчь она старается тереть,
И кости грѣть,
Воспомяла дни своей минувшей славы,
И прежнія свои забавы.
Изъ стова теперь я басенку скраю.
Спаруха на пѣчи лежала на краю,
Крехтѣла, кашляла, спонала;
Однако о любви еще воспоминала,
И захрапѣла въ мысли сей.
Тотчасъ, Морфей,
Представилъ ей

Любовника, такъ живо,
 Какъ будто было то не живо.
 Старуха голову въ низъ пѣчи пропанувъ,
 Любовника поцѣловать хотѣла,
 И тушу въ радостномъ воспоргѣ всю трякнувъ,
 Неволей съ пѣчи полетѣла,
 Къ любовнику все мысли устремивъ:
 И умиряючи, креспецъ переломивъ,
 Ворчала: екую сварила баба брагу!
 На край я пѣчи виредь поколь жива не лягу.
 Старуха! умествовати полезиле тогда,
 Доколь не пришла бѣда.

XXVI.

Воры и Оселъ.

Осла стянули воры:
 Свели ево съ двора долой,
 И на пуши всцупили въ разговоры,
 Вести ль ево домой,
 Или ту кражу,
 Вести въ продажу.
 Во спорѣ всегда конецъ или добръ или худъ:
 Добра выходитъ фунтъ, а худа цѣлый пудъ.
 Изъ спора столько худа,
 У добрыхъ лишъ людей,
 И у судей,
 А у воровъ выходитъ по три пуда.
 У последищниковъ разсудокъ ясно здравъ;
 Кто болѣе колнеть; такъ потъ у нихъ и правъ.

А воры грубы ;
 Уошавъ у нихъ таковъ :
 Правъ пошъ у нихъ , который выбьетъ зубы.
 Пришло до кулаковъ.

Воръ мимо шелъ , а два дерутся :
 Качаетъ головой гдѣ силы ихъ берутся.
 Куличному не мнитъ коснуться ремеслу ;
 Да лѣзипъ на осла и говоритъ ослу :
 Пора домой : пускай другъ друга повспрѣчаютъ ,
 И щадятся побѣждать :
 Намъ долго ждате ;
 Они Комедию не скоро окончатъ.

XXVI.

Два Пѣшуха.

Въ печали человекъ не вовсе унывай ,
 И лучшую ты жизнь имѣши уповай ;
 Выводитъ за собой приятность и ненастье ,
 Выходитъ иногда изъ бѣдства намъ и щастье.

Два были пѣшуха въ дому ,
 И много куръ : прсшивно по уму ,
 Пуститъ безъ ревности къ супругъ ,
 Любовника къ услугъ ;
 Ревнивымъ пѣшухамъ
 Пришло къ войнѣ прибратъся ,
 Пришло , любовникамъ за дзмъ ,
 На поединкѣ драгъся ,
 И за любовь
 Избитъся въ кровь.

Щелчковъ дають другъ другу тучу :
 Одинъ другога съ мѣста збилъ ,
 И побѣдитель былъ .

Въ навозну отъ него другой закрылся кучу .
 А потъ на кучу возлетѣлъ :
 И чтобъ сосѣды ,
 Внимали гласъ ево побѣды ,
 Какореку , всѣмъ горломъ онъ запѣлъ ;
 Но вдругъ ево орелъ
 Унесъ , изъ славныхъ дѣлъ ,
 А потъ и живъ , и всей сералью овладѣлъ .

XXVIII.

Два Прохожія.

Шли два прохожія : нашелъ одинъ топоръ ,
 И на пуши они имѣя разговоръ ,
 Вступили въ споръ :
 Другой , сказалъ : такъ мы нашли находку :
 А потъ отвѣтствовалъ : запхни себѣ ты глотку ;
 Находка не твоя ,
 Не мы нашли нашолъ то я ;
 Такъ стала бытъ находка та моя .
 Пришли въ деревню : гдѣ топоръ вы братцы взяли ,
 Спросили ихъ :
 Намъ надобенъ топоръ , и для ради сѣмихъ .
 Связали ,
 Какъ воровъ ,
 Съ дубьемъ бѣгутъ , со всѣхъ дворовъ ,
 И всѣ кричатъ : топоръ деревни ешой ,
 Таковъ и едаковъ примѣшой .

По всей о спорѣ деревнѣ шумѣ ;
 Крестыяна всегда въ такихъ случаяхъ дружны.
 Хозяинъ спора въ то время всеѣмъ былъ кумъ ,
 Все спали кумовья , и куму все услужны ,
 А бабы все кумы.

Прожой , кто спорѣ одинъ себя наследилъ ,
 Не во единственномъ числѣ уже забредилъ ,
 И говорилъ : погибли братецъ мы :
 А потѣ ему на то : заткни себя ты глотку ;
 Не я нашолъ находку :
 И словѣ , и такъ и сякъ , мой другъ , не изгибай.
 Одинъ нашолъ спорѣ , одинъ и погибай.

XXIX.

Учитель и Ученикъ.

Во время крайности къ словамъ не прилипай ,
 Да къ дѣйствию спупай.
 Въ саду своемъ гулялъ учащихся мучитель ,
 А именно шалунѣ несмысленной учитель.
 Рабенку на бѣду ,
 Колодезь въ етомъ былъ саду.
 Въ колодезь ученикъ попался ,
 И ужъ до пояса купался :
 На смертномъ онъ одрѣ , безъ немощи , лежитъ ,
 Свинокомъ онъ визжитъ ,
 Терзаясь ужасомъ и лютою поскою ,
 За вѣтви дерева держась рукою.
 Не любитъ Философъ
 Рабчыхъ голосовъ ,
 И резвость ненавидѣлъ.
 Какъ это онъ увидѣлъ ,

Журилъ ученика: тебя потребно съчь:
 И сталъ ему вѣщать учениѣшую рѣчь.
 Рабенокъ молитъ: вотъ, теперь меня ты молишь.
 А потъ кричитъ еще въ колодезѣ стена:
 Пожалуй прежде вынь меня,
 И послѣ говори что ты тогда изволишь.

XXX.

Старой Мужъ и молодая Жена.

Былъ нѣкакой старикъ, и очень былъ богатъ,
 Боярамъ былъ набитой братъ,
 И знался съ ними безъ преняшства:
 Куда они туда и онъ.
 Живущему среди богатства,
 Такой законъ.

Но все ему еще по было мало.

Чево жъ еще не доставало?

Довольно у него

Всево;

Въ богатствѣ онъ до самой глотки.

Не достаетъ ему молодки;

Женился мой старикъ.

Былъ съдъ, надѣлъ парикъ;

Молодушка прекрасна.

Въ алмазахъ всякой день: въ день съ нимъ она согласна,

А ночью нѣтъ;

Старикъ безъ парика горздо съдъ,

И тщетно онъ любви жену цалуя проситъ;

Жена его имѣетъ за врага.

Она алмазы носитъ,

А онъ рогъ.

XXXI.

Злая Жена и опчаянный Мужъ.

Кто злѣй на свѣтѣ всѣхъ, когда кто ето спроситъ,
Иныя говорятъ: иль поваръ, или псарь,
Иныя говорятъ бездушной секретарь,

Которой истинку на рынокъ носитъ.

Иныя говорятъ нѣтъ злѣе Сатаны;

Побольше онъ дерзаетъ;

Онъ духъ терзаетъ.

А я скажу: злѣй нѣтъ на свѣтѣ злой жены;

Чортъ меньше бабы злой во злое мчится дѣло;

Онъ мучитъ только духъ; а та и духъ и тѣло.

На вѣкѣ

Злой дѣвкѣ отдался какой то человѣкѣ.

Что дѣвкѣ отдался; какое ето чудо?

Злой дѣвкѣ отдался, гораздо ето худо

Женился; а она въ немъ душу сокруша,

И тѣло мужне засуша,

Имѣла ту находку.

Опчаянный супругъ пускаетъ рыло въ водку,

Которая ему перехватила глотку,

И здѣлала чухотку.

Харонъ ему кричитъ: ступай ко мнѣ ты въ лодку:

Еще и не пришелъ твоей кончины срокъ;

Но лютая жена перемѣнила рокъ.

XXXII.

Злая Жена и черти.

Былъ домъ,

И разнеслися слухи;

Что въ домѣ томъ

Живутъ нечистыя духи,

Домъ пустъ ;
 Хозяинъ домъ оставилъ ,
 И только домъ чертями густъ .
 О естли бы кто домъ отъ етова избавилъ !
 Однако избавленья нѣтъ :
 А изъ чертей ни кто изъ дома конъ нейдетъ .
 Былъ мужъ , была жена , и были брани
 У нихъ , безъ пошланы и безовсякой дани .
 Жена была остра , и съ мужемъ зубъ о зубъ ,
 Жена была остра по Русски незговорна ,
 А по крестьянски вздорна :
 А мужъ былъ тупъ ,
 По Русски , былъ пазать сожипельницу скупъ ,
 А по крестьянски глупъ ;
 Но ужъ не до пазанья ;
 Пришло до наказанья :
 Сталъ дюжъ
 И мужъ :
 Приговорилъ жену ко смерти ,
 И заперъ въ оный домъ ; въ которомъ жили черти .
 Пришелъ къ нему .
 Пустова дома прежній жипель ,
 И говоритъ : тебѣ , я , другу моему ,
 Покорнѣйшій служипель :
 А паче и твою ; твоею женѣ ,
 За ваши милости ко мнѣ ;
 Дяволи твоею супруги испужались ,
 И разбѣжались .

XXXIII.

Два старика.

Дорогой не изъ доброй воли,
 Шли два старинушки: купити идутъ соли.
 Съ середины своею пужи,
 Увидѣли они въ дали, куда ийти,
 Что небо пошемябло.
 Старинушки ворчатъ: худой сей день намъ вождь,
 Худое ето дѣло,
 Конечно будетъ дождь;
 Ужасна туча набѣжала:
 У стариковъ упроба вся дрожала.
 Ворчатъ они: въ худой пошли мы часъ,
 Изъ дома въ гости;
 Промочитъ дождикъ насъ,
 По самы кости.
 Поближе подошедъ; увидѣли они,
 Не тучу, гору,
 И тучею гора казалась прежде взору;
 Ворчатъ: худыя мы кони,
 Гораздо мы устанемъ,
 Поколѣ на гору не вспрянемъ.
 Еще поближе подошли;
 Со всѣмъ иное шутъ нашли:
 Нашли не гору, и не тучу;
 Да что жъ? навозну кучу.

XXXIV.

Пастухъ обманщикъ.

Пастухъ кричалъ не рѣдко: волки, волки:
 А въ паствахъ тѣ словз гораздо колки.

Збирался воровъ на крикъ ево хватать ,
 А онъ збирался имъ смѣяться жасотать ;
 убійства нѣтъ въ овцахъ и ни единой раны ,
 И не бывали шутъ разбойники пираны .
 Но нѣкогда пришли и впрямъ они туда ;
 Пастухъ кричитъ всей силой и тогда :

Рабята , волки , волки ;

Однако у рабятъ пошли нынѣ шолки ,

Рабята говорятъ :

Уже сто крашъ ,

Дурачилъ насъ ты братъ ,

А больше не обманешъ ,

Хотя кричатъ ты при дни станешъ .

Пограбили разбойники овецъ ;

Заплакалъ молодецъ .

Глупецъ !

Ты ложью забавлялся ,

Имѣя шму удачь :

Довольно ты смѣялся ;

Теперь поплачь .

XXXV.

Левъ , Корова , Овца и Коза .

Овца , коза , корова , лѣвъ ,

Вступили , нѣкогда въ торговлю ,

А именно , пошли на ловлю .

Единый только львовъ у нихъ ловцовый зѣвъ ,

А шѣмъ ловцами быть не очень и способно ;

Однако то удобно ;

Такъ мелю я не вѣтръ ,

А доказательство сей истинны мнѣ Федръ .

КЪ торговлѣ приступили,
 ВЪ лѣсахъ оленя подцепили,
 Хотя они лѣсовъ не откупили;
 Львы съ роду ни чево на откупъ не берутъ;
 И кожи со звѣрей безошлинно дерутъ;
 Но дѣло не о томъ, пора дѣлится звѣря:
 На равны жеребья измѣря.

Левъ

Разинулъ зѣвъ,
 И сталъ вѣщати имъ, а я скажу вамъ, како.

Тако:

Вы знаете, что левъ есмь азъ,

И лучше васъ:

Вы знаете, что силъ я больше васъ имѣю:

Вы знаете, что я у васъ отняти смѣю,

И сверхъ того еще съ васъ кожи драсть умѣю:

Понятно ль ето вамъ?

Они сказали всѣ: понятно ето намъ:

Имѣшъ ты четыре власти;

Такъ долженъ получить четыре ты и части.

XXXVI.

Паспужъ чванъ.

Собаку утащилъ медвѣдь у стада:
 Паспужъ тому не радъ, и плѣнница не рада.

Не зналъ паспужъ, какой по воръ
 Осмѣлился къ нему взойти на скотной дворъ;

Но то другія вѣдя,

Сказали про медвѣдя.

Намѣрился паспужъ медвѣдя погубить,

И взявъ дубину онъ пошелъ медвѣдя бить.

Гдѣ кроется медвѣдь когда бѣ я ето вытерѣ,
Досадуетѣ, ворчитѣ, и молитѣ: о Юпитерѣ!

Медвѣдя должно изрубить:

Медвѣдя я повергну мертва:

Яви лишѣ ты ево: тебѣ, Юпитерѣ, жертва
Теленокѣ за ето, изѣ мсево скопа!

Медвѣдя видитѣ: рѣчь и поступь ужѣ не та:

Онѣ рыцарство ногамѣ, не сердцу повѣряетѣ:

Отѣ сильного врага, какѣ можно, ускоряетѣ.

И льетѣ изѣ очей героевыхѣ рѣка:

Герой молитву повторяетѣ:

Сулилѣ пеленка онѣ, теперь сулитѣ быка.

XXXVII.

Левѣ состаревшійся.

Лишася силы левѣ покою только радѣ:

Сталѣ сѣмѣ, однако былѣ онѣ прежде младѣ,

И многимѣ понаскучилѣ,

А именно звѣрей, какѣ былѣ онѣ молодѣ мучилѣ:

Терзалѣ,

И кушать ихѣ дерзалѣ.

Отверсты двѣри,

Туда, гдѣ охаетѣ и спонетѣ онѣ;

Безѣ страха звѣри

Ко леву приходятѣ, на поклонѣ:

Ошмщеніемѣ алкаютѣ,

И всѣ ево толкаютѣ.

Вѣ послѣдокѣ левѣ боится и овецѣ,

И на конецѣ,

По чреву томномѣ и несытомѣ,

Оселѣ ево копытомѣ.

Осталось только льву терпѣши по, стѣня.

Меня,

Кто съ силой равну злостъ имѣетъ,
Конечно разумѣетъ.

XXXVIII.

Свинья, Овца и Коза.

Овца, коза, свинья, вѣ шелѣгѣ,
Не вѣдаю когда,
Не вѣдаю куда,
Вѣ большой везутся яѣгѣ.

Снажите, говоритъ свинья, сестрицы мнѣ,
Видали ль ето вы хопя когда во снѣ,
И было ль то на свѣтѣ,
Что бѣ ѣжала свинья вѣ каретѣ?
Сестры отвѣствуютъ ей на епотѣ вопросѣ:
Возили такѣ овецѣ и козѣ,
И насѣ возили:
Одну доила,
Другую брили:
Не жарили и не варили.

Изрядно: ну, а я почто вошла вѣ чины?
Кому то хочется покушати вѣшчины.
Увы! увy! увy! увy! свинья визжала:
Я бѣ лучше никогда вѣ каретѣ не ѣжала.

XXXIX.

Мышь и Слонъ.

Вели слона, и оповсюду
Збѣгается народъ.

Смѣется мышь: бѣгунъ, какъ будто къ чуду:
Чего смотрѣть, когда какой идетъ уродъ?
Не думаетъ ли кто, и я дивюсь буду?
А онъ и чванится, какъ будто баринъ онъ:
Не кланяйся ль тогда, когда тащится слонъ?

Сама я спѣсь имѣю шу же,
И знаю то, что я ни чѣмъ ево не хуже.

Она бы рѣчь вела,
И болѣ;

Да кошка бросилась не вѣдаю отколѣ,
И мыши карачунъ дала.

Хоть кошка ей ни слова не сказала:
А то что мышь не слонъ, ей ясно доказала.

XL.

Овца.

Былъ дождь; овечушка обмокла какъ лягушка:
Дрожитъ у ней тельцо и душка,
И шуба вся на ней дрожитъ;
Сушиться надлежитъ;
Овца къ огню бѣжитъ.

Ахъ! лучше бѣ ты овца день цѣлый продрожала,
И отъ воды къ огню безумка не бѣжала.

Спросила ль ты, куда дорога та лежала?

Какую прибыль ты нашла?

Въ поварню ты зашла.

То подлинно что ты немного осушилась;

Да шубы ты лишилась.

Къ чему, читатель сей рассказъ?

Я цѣлю вишь не въ бровь, я цѣлю въ самой глазъ:
Зайди съ челобитьемъ когда въ приказъ.

XLI.

Шершни.

Шершни на папаку напали,

И папаку поколупали.

Застала ихъ хозяйка тутъ,

И пварь которая алкала:

Хозяйка всю перещелкала.

Не дологъ былъ хозяйкинъ сулъ.

Хозяйка истинна, а выкулупки взятки,

Шершни подьячія, которы къ деньгамъ падки.

XLII.

Паукъ и Муха.

Паукъ обѣдать позвалъ муху;

Обѣда мухъ нѣтъ;

Хозяйску только брюху,

Изъ мухи, спалъ обѣдъ

Безчестной лицемѣритъ,

Безумной бѣзъ разбору вѣритъ.

А я скажу, по старинѣ,

Пословицу приапну мнѣ:

Когда къ водѣ придешъ отвѣдай прежде броду;

Ворвешся безъ того по самы уши въ воду,

XLIII.

Жуки и Пчелы.

Прибаску
Сложу,
И скиску
Скажу.

Невѣжи жуки,
Вползли въ науки,
И стали папаку пчелѣ дѣлать обучать.
Пчеламъ не вѣкъ молчать,
Что ихъ дурачатъ;
Великой шумъ во улей начатъ.
Спустился къ нимъ съ Парнасса Аполлонъ,
И жукоу онъ,
Всѣхъ выгналъ вонъ,
Сказалъ: друзья мои, въ навозъ отсѣль подите;
Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите,
Да вы же скардствомъ и папаку вредите.

XLIV.

Сова и Риемачъ.

Расхвасталась сова:
Въ ней вся отъ гордости и злобы кровь кипѣла,
И вотъ ее слова:
Я перва изопицу въ сей роцѣ пѣсни пѣла,
А нынѣ я, за то, пускаю тщетный стонъ;
Попѣвъ я выбита изъ етой роци вонъ:
За сладко пѣніе я бѣдство претерпѣла.

Часть VII.

Г

Отвѣтствовалъ совѣ, какой то Стихоткачъ,
 Несмысленной Риемачъ:
 Сестрица! я себѣ такую жъ часть наслѣдилъ,
 Чпо первый въ городѣ на Риемахъ я забредилъ.

XLV.

Обидчикъ и Ангелъ.

По смерти каково, коль я скажу; совру:
 Приди меня спросишь, тогда когда умру.

Предъ Ангела предспалъ обидчикъ мерзкой,
 И здѣлалъ сей вопросъ, гораздо смертнымъ дерзкой,
 И говорилъ: душа моя всякъ часъ дрожитъ,
 Коль намъ на страшный судъ восстати надлежитъ,
 И всю надежду я, на Вышняго ослабилъ;
 Окрадывалъ Царя, и ближняго я гребилъ.
 Какъ камень у меня на сердцѣ страхъ лежитъ.

Коль будетъ мертвымъ воскресенье;
 Такъ я покался, полкражи возвращу,
 И впредь во воровствѣ умѣренъ быть хочу;
 Потребно мнѣ спасенье.

Небесный житель не смолчалъ,

И отвѣчалъ:

По смерти,

Каковъ на свѣтѣ ты, злодѣевъ таковыхъ,

Берутъ, бездѣльникъ, черти:

А что съ нимъ дѣлаютъ, спроси о томъ у нихъ.

XLVI.

Соболья шуба.

Богатство хорошо имѣть ;
 Но должно ль имѣ кому гордиться смѣть ?
 Въ собольей дурака я шубѣ видѣлъ ,
 Который всѣхъ людей , гордяся , ненавидѣлъ .
 Въ комъ много гордоспи , извѣсно то , что шотъ ,
 Конечно , скотъ ,
 И пишла етова , въ народѣ , самъ онъ проситъ .
 Носилъ ту шубу скотъ ,
 И скотъ и нынѣ носитъ .

XLVII.

Здоровье.

Кому въ чемъ есть ущербъ и вредъ ,
 Безъ отвращенія другому бѣдъ ;
 Такъ то намъ дѣлаши безумно .
 Когда питье мы шумно ,
 За здравіе излишно пьемъ ;
 Какую дѣлаемъ другому пользу тѣмъ ?
 Въ томъ суетно ему здоровья ожидаемъ :
 Свое лишъ только повреждаемъ .

XLVIII.

Коловратность.

Собака кошку съѣла ,
 Собаку съѣлъ медвѣдь ,
 Медвѣдя , зѣвомъ , левъ принудилъ умереть ,
 Сразиши льва рука схопнича умѣла ,

Охошника ужалила змѣя ,
 Змѣю загрызла кошка
 Сія
 Виругъ около дорожка.
 А мысль моя ,
 И видно намъ неоднократно ,
 Что все на свѣтѣ коловратно.

XLIX.

Прохожій и Собака.

Гдѣ множество собакъ , прудненько тамъ пройти.
 Поранилъ песъ прохожева , въ пупи.
 Стараясь умягчить прохожій эту рану ,
 Въ крови своей кусокъ далъ хлѣба онъ пирану ;
 Сказалъ какой то Ипокрапъ :
 Коль песъ ково ужалишь ,
 Такъ это боль умалишь.
 Сказалъ ему Есепъ шедъ мимо : слушай братъ :
 Впредь будешь отъ собакъ ужаленъ ты , сто кратъ ,
 Коль едакъ раны облегчаешь :
 Мнѣ кажется что ты не рану излѣчаешь ,
 Да пса кусаться обучаешь.
 А я скажу , вопіъ такъ :
 Дуракъ !
 Не подчивай , да бѣй , ты , бѣшенныхъ собакъ.
 Сказалъ во притчахъ Федѣъ , ругаяся тобою :
 Влечешь во злѣ успѣхъ другихъ ко злу съ собою.

L.

Спорожъ богатства своего.

Скупой не господинъ, но только стражъ богатства.

Скупой скажи мнѣ ты свой сонъ:

Не грезится ль тебѣ, найти изъ свѣта вонъ?

Не зришь ли смерти ты имѣніемъ препятства?

Сказалъ пѣвецъ Анакреонъ,

Что тщетно тотъ богатство собираетъ,

Который такъ равно, какъ бѣдный умираетъ.

Вспомни ты, что краткій вѣкъ

Предписанъ намъ судьбою,

И что раждааяся умрети человекъ,

Во гробъ не понесетъ имѣнія съ собою.

А я къ тому веду здѣсь рѣчь,

Что мы рождаемся ль имѣніе сперечь,

И новы отъ того, всякъ часъ, имѣшь боязни.

Жесточе, въ Адъ, нѣтъ твоей безумецъ казни.

И что глупый тебя?

Бездѣльниковъ, по смерти,

Терзаютъ, въ Адъ, Черти:

А ты стараешься терзати самъ себя;

Ты дьяволъ самъ себѣ, тиранъ себѣ безъ спору.

У Федра Притча есть: лисица роетъ нору,

Прорылась глубоко,

И въ землю забрела, гораздо далеко:

Нашла сокровище, подъ стражей у дракона,

По Молиерову у Гарпагона,

По моему у дурака,

Который отлежалъ, на золотѣ, бока.

Федръ иначе расклаку скончиваетъ:

А я скажу: драконъ на златѣ поживаетъ,

Лежитъ во темѣ и спитъ, проснувшись зѣваетъ,

И на златомъ одрѣ въ нещастьи пребываетъ.

Ll.

П у с т ы н н и к ъ .

Въ пустынь мужъ почтенный жилъ ,
 И добродѣтели примѣромъ онъ служилъ .
 Всѣ видѣли ево незлобива и смирна ,
 Вездѣ о немъ носилася хвала .
 Какой по челоуѣкъ привелъ ему вола ,
 Гораздо жирна .
 Увидѣлъ еписъ воръ ,
 И захоуѣлъ вола къ себѣ впащину на дворъ .
 Настала ночь : пошелъ на ловлю воръ къ пустынь ,
 И ставъ заране гордъ ,
 Идетъ и мнишь : поѣмъ говядинки я нынѣ .
 Въ пути попался вору чортъ :
 Не о говядинѣ шопъ мыслишь ,
 И не вола идетъ ловить ;
 Идетъ пустытника давить ,
 И ужъ ево въ убитыхъ числишь .
 Извѣстно по что чорту , въ вѣкъ ,
 Противенъ доброй челоуѣкъ ,
 И что взаимственна въ душахъ подобныхъ служба ;
 Издревле у чертсѣ съ ворами дружба .
 Другъ другу объявивъ намѣренье они ,
 Спѣшатъ туда прийти до разсвѣтацья дни ;
 Чтосбъ дѣло въ темнотѣ рѣшилось ,
 И безпрепятственнo желанье совершилось .
 Пришли ,
 Вола нашли .
 Воръ чорту гсверилъ : я стану приниматься ,
 Съ говядиноу ломаться .
 А чортъ на то , она сыра и замичитъ ;
 Вишь быкъ не за всегда когда онъ живъ молчитъ ;
 Пустытника разбудитъ :
 А снѣ легко разсудитъ ,

Что воръ вола здѣсь удишѣ.
 Постой , покамѣсть я пустынника словлю ,
 И удавлю.

Воръ ето примѣчаетъ ,
 Что гнется не къ ево то больше споронѣ ,
 И отвѣчаетъ

Сапанѣ :

Постой , и дай свесни вола ты прежде мнѣ :
 И мнишѣ : когда чортѣ двѣрю грянетъ ;
 Услышавъ шумѣ , пустынникѣ встанетъ ,
 И пастухамѣ разбой во окошко закричитъ :

А волѣ хопя и замичитъ ;

Пустынникѣ ни постелѣ ,
 Не свѣдаетъ обѣ етомѣ дѣлѣ.

Не соглашаются всупили въ спорѣ :

Шумитъ и чортѣ , шумитъ и ворѣ.

Услышавъ шумѣ пустынникѣ мой проснулся :

И только лишѣ очнулся ,

Кричитъ разбой ,

Пустынникѣ мой

И пастуховѣ въ окошко созываетъ.

Обрушился чортѣ въ адѣ :

Ворѣ высунувъ языкѣ , бѣжитъ , зѣваетъ.

Поймали , и ему назидѣ ,

Веревкой , руки прикрѣпили :

А послѣ ею же п шею прикрѣпили.

LII.

Змѣя подѣ колодой.

Змѣя лежала подѣ колодой,
И вылезть не могла:
Не льстилася свободой,
И смерти шамѣ себѣ ждала.

Мужикѣ дорогой

Шелѣ:

Вѣ судьбѣ престрогой.

Змѣю ишелѣ.

Змѣя ево не укусила;

Не лъзя.

Слезя,

Ево просила;

Прежалостно спѣня:

Пожалуй мужичокѣ, пожалуй вынь меня!

Мужикѣ сей прозѣбы не оставилѣ,

Змѣю отѣ нагубы избавилѣ,

Кѣ люшѣйшему врагу усердіе храня

О щедрая душа! о мужѣ благоразсудный!

А попросту, болванѣ уродина пречудный!

Змѣю ты спасѣ.

На что? чтобѣ жалить насѣ.

Змѣя шипитѣ, и жало

Высовываетѣ вонѣ;

Трухнулѣ гораздо онѣ,

И сердце задрожало.

Змѣя бросается яряся на нево,

И за большую дружбу,

Стремится учинить ему большую службу.

Вершится мой мужикѣ, всей силой, отѣ шово,

Хлопочетѣ,

И со змѣею вѣ судѣ ийши онѣ хочетѣ.

Бѣжала путь лиса, и говоритъ имъ: я
Судья;

Скажите братцы смѣло,
О чемъ у васъ такой великой шумъ,
И ваше дѣло:

Я все перевершу, и приведу васъ въ умъ.
Мужикъ отвѣтствовалъ: мои тебѣ доводы,
Что вынулъ я ее изъ подъ колоды,
И пекся оживить,

Она меня, за то, печется умертвить.

Змѣя отвѣтствуетъ: я тамъ опочивала,
И въ страхъ смертномъ я, тамъ лежала, не бывала,
Такъ будто онъ меня отъ смерти свободилъ,
Что опнялъ мой покой и дерзко разбудилъ.

Судья змѣѣ сказалъ, не высунь больше жала,
И прежде покажи мнѣ то, какъ ты лежала;
Такъ я изъ етова полутче разберу,
И здѣлаю тобой, крестьянину кару.

Впустилъ мужикъ шуда змѣю обратно.

Судья змѣѣ сказалъ: опочивай приятно,
А ты, дружечикъ мой,
Поди домой.

Изъ канцелярїи, со смертна бою,

Мужикъ зовещъ

Лису съ собою,

И говоритъ: мой свѣтъ!

Поди ко мнѣ обѣдать,

И куръ моихъ отвѣдать;

За благодарель я твою,

Впусти судью,

Въ мой курникъ: пѣшухи тамъ, куры и цыплята.

Хотя мала тебѣ такая плата.

Чего достойна ты не лъзя и говорить,

Да не чѣмъ больше мнѣ тебя благодарить.

Пошла лисица съ нимъ , ей это нравно ,
И не противемъ потъ лисицъ разговоръ :

Наѣстся тамъ она преславно .

Пришла къ нему на дворъ ,
И въ курникъ : только лишъ вошла пуда лисица ,
Крестьянинъ говорилъ : дражайшій мой судья !

Послушайка сестрица ,
Голубушка моя ,
Простися съ братцомъ ты , съ своимъ любезнымъ
свѣтомъ ,

А милость я твою усердно заплачу :
У насъ по деревнямъ безъ шубы ходятъ лѣтомъ ;
Такъ шубу я съ тебя содрать хочу ;
Теперь тепло ; такъ я не виненъ въ епомъ .
И взявъ обухъ
Онъ вынулъ изъ сестры однимъ ударомъ духъ .

LIII.

Олень.

Олени такъ какъ мы , животного же роду ,
Такою же имѣютъ моду ,
Что пьютъ они , да пьютъ одну лишъ только воду ;
Къ рѣкѣ прибѣгъ испить олень .
Въ водѣ увидѣлъ онъ свою оленью тѣнь .
И шму ногамъ онъ дѣлалъ пѣнь ,
И говорилъ : судьбы и щедры всѣмъ и строги ,
Прекрасныя даны мнѣ роги ,
И самыя пакосныя съ собой таскаю ноги .
Песъ гончій текъ ему во слѣдъ ;
Не хочетъ мой олень шапихъ себѣ бесѣдъ ,
Бѣжитъ ; не милъ ему сосѣдъ .
Въ минуточку въ лѣсъ ушолъ онъ резвыми ногами :
Въ лѣсу цепляется рогами ,

И мѣдитъ на бѣгу онъ естими врагами.
 Видна изъ басни суена,
 Когда за лучшее почтется красота,
 Что лучше наша часть не та.

LIV.

Собака и Воръ.

Старой обычай и давняя мода,
 Были бѣ ворота всегда на крѣпи.
 Въ домѣ, всегда, у приказнова рода,
 Песъ, на часахъ, у воротъ на цѣпи.
 Дворникъ забывшись не заперъ колитки;
 Слѣдственно можно впереться во дворъ.
 Въ вымыслахъ мудрыя оспры и прыжки:
 Входитъ мудрецъ шупъ, а именно воръ.
 Ласкится, ласкится льстецъ, ко собакѣ,
 Бросилъ ей жирнова мяса кусокъ:
 Песъ разсердясь закричалъ будто въ дракѣ:
 Рвешся напрасно нажалъ а не въ прокъ:
 Воръ подкупили меня предиримашъ,
 Хочешъ прибратъя ты къ нашимъ крохамъ
 Вѣрна подарками пса не сломашъ;
 И не повинна приказнымъ грѣхамъ.
 Знаю сево я привѣстна причину;
 Взвѣтрѣ пожалуй, да въ день а не въ ночь.
 Мясо снеси къ моему господину;
 Онъ до подарковъ поболѣ охочъ.

LV.

Филлида.

Горько плакала Филлида,
 Очи проспирая въ покипъ,
 Изъ ея въ которомъ видѣ
 Скрылся вѣчно Демофонтъ.

Тѣ брега гдѣ съ ней простился,
 Гдѣ любимъ онъ ею былъ,
 Сей невѣрный позабылъ,
 И назадъ не возвратился.

Много изъ любви забавы,
 И веселія течетъ;
 Но любовь лишая славы,
 Часто бѣдствіе влечетъ,
 Не ввѣряйте вы прекрасны,
 Не подумая сердецъ:
 Берегитесь на конецъ,
 Какъ Филлида быть несчастны.

LVI.

Комаръ.

Какой то нѣгдѣ шолъ обозъ :
Клячонка на гору тянулась ,
Везла она тяжелой возъ ,
И стала , больше не тронулась.

Сердась какъ будто на жену ,
Лишь только больше погоняетъ ,
Кричитъ извощикъ , ну , ну , ну ,
И клячѣ палкой лѣнь пѣняетъ.

Ни съ мѣста конь ; гора прудна ,
Трудная извощикова клика ,
А кляча возъ везетъ одна ,
Поклажа на возу велика.

Въ нутри у клячи адской жаръ ,
А на спинѣ морская пена ,
А на возу сидитъ комаръ ,
И мнитъ : горчай я клячѣ хрена.

Вся тягость мыслишь отъ него ;
У комара вишь есть догадка ;
Сскочилъ онъ для ради шово ,
И говоритъ , ступай лошадка .

Конецъ I. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОВОВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
ART AND
ARCHAEOLOGY
OF THE
UNIVERSITY OF
CAMBRIDGE

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Терпѣніе.

Терпѣнье хорошо, объ этомъ я не спорю,
Нравоучителей не съ кѣмъ я симъ не ссору.
Но мѣра есть во всемъ,
Подобно какъ и въ немъ.
Былъ нѣкакой скупой, иль былъ домостроитель,
И за расходами подробный былъ смотришель:
Имѣлъ онъ лошадь иль коня:
Какою шерстью, то едино для меня.
Буланая ль была, гнѣдая, иль иня,
Пусть лошадь будетъ вороня.
Случилось цѣлой день хозяину не бѣсть,
И было по ему не очень пляжко несть.
Умняе, мыслишь онъ, я спалъ поживъ подолѣ.
Хоть лошадь я свою, сказалъ онъ, и люблю;
Но сѣна и овса я много тѣмъ гублю;
Ни сѣна ни овса не дамъ коню я болѣ,
А лѣтомъ я пущу гуляшь лошадку въ полѣ:
Я цѣлой день не бѣлъ, однако я вишь живъ,
Пробыть безъ корму лѣзя, мой вымыселъ неживъ:
Терпѣнье никогда не сокращаетъ вѣка,
А лошадь крѣпче челоука.

Часть VII.

А

Постылся лошадь день : живаль она ? жива.
Збылся , говоритъ , збылись мои слова ,
Изряденъ опытъ мой , изрядна и догадка.
Еще постылся день : жива ль моя лошадка ?

Жива : я вѣдалъ то ;

• И кормъ терять на что ?

Постылся день еще : хозяинъ шѣмъ доволенъ.

Скажите : живъ ли конь ? конь живъ , да только боленъ.

Не можно , говоритъ , животному найтись ,
Копоро бы могло безъ скорби обойтись.

Постылся день еще : легла лошадка въ стойлѣ ,
Не мыслишь болѣе о кормѣ , ни о пойлѣ.

Скажите : живъ ли конь ? живъ но чудь дышитъ .
Не всяка , говоритъ , скорбь жизни насъ лишилъ .

Конечно то припадки ,

Холодной лихорадки.

Постылся , день еще , и покидаетъ свѣтъ .

Скажите : живъ ли конь ? коня ужъ больше нѣтъ .

Хозяинъ закричалъ , конюшему прегрозно :

Дай корму ты коню : теперь сударь ужъ позно .

II.

Старикъ со своимъ Сыномъ и Оселъ.

Одинъ то такъ , другой то иначе зовешъ ;

На свѣтѣ разны нравы ,

На свѣтѣ разны нравы ;

Но все ли то ловишь , рѣкою что плыветъ .

Кто хочешъ ,

Пускай хлопочетъ ,

Пускай жахочетъ ,

Хула не ядъ ,

А безъ вины на кто не попадется въ адъ :

Хулипель ко всему найдетъ себѣ привязку.

Я къ этому скажу старинную вамъ сказку :

Ни года, мѣсяца не помню, ни числа,

Какъ велъ мужикъ дорогою осла.

Съ крестьяниномъ былъ сынъ, мальчишка лѣтъ де-
сятка ;

Но то одна догадка ;

Я въ зубы не смотрѣлъ : да я жъ не коновалъ,

И отъ роду въ такой я школъ не бывалъ.

Мужикъ былъ старъ и съ бородою :

Съ какой? съ сѣдою.

Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,

Какъ будто дураку,

И говорилъ : идутъ пѣшками,

А есть у нихъ оселъ, ослы вы видно сами.

Не празденъ спалъ оселъ,

Крестьянинъ на него полезъ и сѣлъ :

Безъ шпоръ крестьянинъ былъ, толкалъ осла пятами;

Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,

Какъ будто дураку,

И говорилъ : конечно братъ ты шуменъ,

Или безуменъ ;

Самъ ѣдешъ ты вѣрхомъ,

А мальчика съ собой волочишь ты пѣшкомъ :

Мужикъ съ осла спустился,

А мальчикъ на осла, и такъ и сядь,

Не знаю какъ,

Вскарабкался возмогилъ.

Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику ;

Какъ будто дураку,

И говорилъ : наглость это схоже,

Мальчишка помоложе ;

Такъ лучше онъ бы шелъ, когда бъ ты былъ умей,

А ты бы ѣхалъ старой хренъ.

Мужикъ осла еще навьютилъ,

И на него себя и съ бородою взрютилъ,

А паренъ таки шамъ :
 Не будетъ ужъ пеперь ни кто смѣяться намъ ;
 Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ то сердечно :
 Конечно ,
 Я мышлю такъ и самъ ,
 Ни кто смѣяться ужъ не станеть ;
 Извѣстно то давно , что сердце не обманеть .
 Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику ,
 Какъ Судно дураку ,
 И говорилъ : старикъ и въ грѣхъ не ставишь ,
 Что такъ осла онъ давишь ,
 А скоро сѣдока и трепьява прибавишь .
 Удачи нѣтъ : ни кто не хочетъ похвалить ;
 Не лучше ль на себя мужикъ осла звалишь !

III.

Оселъ во львовой кожѣ.

Оселъ одѣтый въ кожу львову ,
 Надѣвъ обнову ,
 Гордисься спалъ ,
 И будто Геркулесъ подъ оною блисталъ .
 Да какъ сокровищи такія собираютъ ?
 Миѣ сказано и львы какъ кошки умираютъ ,
 И кожи съ нихъ здираютъ .
 Когда преставится свирѣпый левъ ;
 Не страшень левій зѣвъ ,
 И гиѣвъ ;
 А противъ смерти нѣтъ на свѣтѣ обороны ;
 Лишь только не такой по смерти лъвамъ обрядъ :
 Насъ черви какъ умремъ ядятъ ,
 А львовъ ядятъ ворсны .

Каковъ сталъ гордъ оселъ, на что о томъ болтать?

Легехонько по можно испытать,

Когда мы взглянемъ

На мужика,

И почитали спанемъ

Мы въ немъ откупщика,

Который продавалъ подовыи на рынкѣ,

Или у кобака,

И нослѣ въ скрынкѣ

Богатства у него великая рѣка,

Или ясная сказать, и Волга и Ока,

Который всѣмъ тѣснилъ бока,

И плаваешь какъ муха въ крынкѣ,

Въ пространномъ морѣ молока,

Или когда въ чести увидишь дурака,

Или въ чину урода,

Изъ сама подла рода,

Котораго пахаты произвела природа.

Ворчалъ,

Мичалъ,

Рычалъ,

Кричалъ,

На всѣхъ сердился:

Великій Александръ толико не гордился.

Таковъ сталъ нашъ оселъ:

Казалось ему что онъ судьбою сѣлъ.

Пошли поклоны, лѣсти,

И объ ослѣ вездѣ похвальны вѣсти:

Разнесся страхъ,

И все передъ осломъ земной лишъ только прахъ.

Недѣли въ двѣ, поклоны

Передъ осломъ,

Не стали тысячи, да стали миліоны,

Числомъ:

А все изъ далька поклоны тѣ творятся;
 Прегнѣвавшія льва не скоро помирятся;
 Такъ долгъ твердитъ уму:
 Не подходи къ нему.

Лисица говоритъ: хоть левъ и дужь дѣтина,
 Однако выпь и онъ такая же скопина;
 Такъ можно подойти и милости искать:
 А я по вѣдаю какъ надобно ласкать.

Пришла и милости просила,
 До самыхъ до небѣсъ пшарь подлу возносила,
 Но вдругъ увидѣла, всѣ лѣсти тѣ пропѣвъ,
 Что по оселъ, не левъ:
 Лисица зароптала,
 Что, вмѣсто льва, ослъ всемъ сердцемъ почишала.

IV.

Безногой Солдатъ.

Солдатъ, которому въ войнѣ опшибли ноги,
 Былъ опдакъ въ монастырь, чтобъ тамъ кормить его,
 А служки были строги,
 Для бѣднаго сево.

Не могъ тамъ пищею несчастливый ласкаться,
 И жизни былъ не радъ.

Оставилъ монастырь безногой сей солдатъ:

Ногъ нѣтъ; поползъ, и сталъ онъ по миру таскаться.
 Я дѣло самое преважное имѣлъ,
 Желая чтобъ ни кто тогда не шумѣлъ,
 Весь мозгъ, колико я его имѣю въ тѣлѣ,
 Былъ въ епомъ дѣлѣ,

И голова была пуста :

Солдатъ ползя съ пустымъ лукошкомъ ,
Ворчалъ передъ окошкомъ :

Дай милостинку кто мнѣ , для ради христа :

Подайте ради бога :

Я цѣлый день не ѣлъ , и наступлетъ мочь .

Я злился и кричалъ : ползи негодной прочь ,

Куда лежить тебѣ дорога :

Давно тебѣ пора безногой умирать ,

Ползи , и не мѣшай мнѣ въ шахматы играть .

Ворчалъ солдатъ еще , но ужъ не предомною ,

Передъ купеческой ворчалъ солдатъ женою .

Я выглянулъ въ окно ,

Мнѣ стало то смѣшно ,

За что я сперва злился ,

И на безногова я смотря веселился :

Ийти ко всемошней была тогда пора ,

Купецкая жена была уже стара ,

И очень богомольна ,

Была вдова и деньгами довольна ;

Она съ покойникомъ въ подрядахъ кладъ нашла :

Молилась пѣша шла ;

Но не отъ бѣдности ; да что колико можно ,

Жила она набожно :

Всѣ дни , ей , пятница была и среда ,

И мяса въ десять лѣтъ не ѣла никогда :

Дни съ при уже не напивалась водки ,

А сверхъ того всегда

Перебирала чотки :

Солдатъ и ей о пищу докучалъ ,

И тожъ ворчалъ :

Защекотило ей ево ворчанье въ ухѣ ,

И жалокъ былъ солдатъ набожной сей старухѣ ,

Прося чтобъ бѣдному полущку поддал :

Заплакала вдова , и въ церковь побрела .

Работникъ цѣлый день копалъ изъ ряды,
 На огородѣ гряды,
 И встрѣтившись несчастному сему,
 Что выработалъ онъ все отдалъ по ему.
 Съ ползущимъ воиномъ работникъ сей свидѣтель,
 Въ какомъ презрѣннй прямиа добродѣтель.

V.

Подьяческая дочь,

Не ложно,
 Что можно,
 Себя по виду обмануть,
 И тварью тварь почестъ иною:
 Случилось нынѣ то со мною;
 Не на прямой попалъ я путь.
 Кокетку видѣлъ я въ подьяческой бесѣдѣ,
 У регистрапора бѣлъ въ празники на сбѣдѣ.
 Я самъ не вълаю, какъ я туда зашелъ,
 А то еще чуднай: кокетку шупъ нашелъ:
 Кокетствовать не въ модѣ,
 Подьяческой породѣ.
 И помнится нигдѣ шово въ указахъ нѣтъ,
 Чпобъ имъ носить корнетъ:
 Дѣла имъ чепецъ носить; треухъ, а по приволью,
 И шапку иногда соболью:
 Къ уборамъ едакимъ приказныхъ женщинъ лопъ:
 И можно имъ носить кумачну тѣлогрѣю,
 Отъ самыхъ пяпъ по шею;
 А на етой корнетъ и флеровой слопъ.
 По благородному сна всю рѣчь вагилла,
 Новоманерными словами говорила:

Казлося что въ ней была господска кровь :
 То фрукты у нее , что въ подлосни морковь .
 Тутъ сидя не пила ни кислыхъ щей ни квасу :
 И спрашивала , гдѣ промыслить ананасу .

Кавришки сахарной кусочки клала въ ромъ ,
 И знала то что епо цуккербогъ .
 По модѣ нынѣшней не къ спати все болѣла ,
 Не къ спати жахонала .

Играшь хонѣла и въ присетъ ,

Да проекъ нѣтъ ;

Подъячїя изъ карпѣ тѣ карпы выбираютъ ;
 Пенже ни въ присетъ ни въ ломберъ не играютъ .
 Наклюставшись писцы о взяшкахъ спали врань ,
 И что де подлежитъ за трудъ и кожу драшь ,

Не только братъ :

За то ругаютъ насъ , да епо намъ издѣвка :

При сихъ словахъ вздохнула дѣвка ,

Во всю девичью мочь ,

И отошла зардѣвшись прочь .

Она подъяческая дочь :

Блаженной памяти ея родитель грѣшенъ ;

За взяпки онъ повѣшенъ ;

До взятокъ былъ охочъ ;

И грабилъ день и ночь .

Животъ ево остался весь на рынкѣ ;

Однако деньги всѣ остались ей въ скрынкѣ .

VI.

Болванъ.

Былъ выбранъ нѣкто въ Боги :

Имѣлъ онъ голову , имѣлъ онъ руки , ноги ,

И станѣ ;
 Лишь не было ума на полполушку ,
 И деревянную имѣлъ онѣ душку :
 Былъ идолѣ , по прощпу болванѣ ;
 И зачали болвану всѣ молилися ,
 Слезами предѣ болваномѣ лилися ,
 И въ перси бить :
 Кричатѣ : пощися намѣ , пощися пособиѣ !
 Всякѣ помощи великой частѣ :
 Болванѣ тово
 Не примѣчаетѣ ,
 И ничево
 Не отвѣчаетѣ :
 Не слушаетѣ болванѣ рѣчей ни отѣ ково ,
 Не смотритѣ какѣ жрецы машины искусно слабятѣ ,
 Передѣ ево пришедшихѣ олтари ,
 И деньги грабятѣ ,
 Такимѣ подобиемѣ , какимѣ , секретари ,
 Въ Приказѣ ,
 Подѣ несмотрениемѣ несмысленныхѣ судей ,
 Збираютѣ подати въ карманѣ себѣ съ людей
 Не помня что о томѣ написано въ указѣ .
 Потратя множество и золота и сребра ,
 И невидя себѣ молебщики добра ,
 Престали кланяться уроду ,
 И бросили болвана въ волю ,
 Сказавѣ : не отвращалѣ отѣ насѣ ты зла :
 Не могѣ ко щастію ты намѣ пути отверсти !
 Не будетѣ отѣ тебя , какѣ будио отѣ козла ,
 Ни молока ни щерсти .

VII.

Одноколка.

Отцы сей Притчи вы не забывайте,
Рабятамъ воли не давайте.

Какой то былъ въ деревнѣ дворянинъ,

У дворянина сынъ:

Мальчишка былъ извѣженъ,

Резвиться былъ прилѣженъ,

Не знаетъ онъ аза,

Въ глаза,

И что гроза,

И что лоза,

И что слова которыхъ дѣшамъ ножки.

Родитель резвости дитятины сносилъ.

Дитя просилъ,

Повздишь, нѣкогда, у шляпи одноколки,

А править самъ хотѣлъ:

И выпросивъ ее, кашатся полешѣлъ:

Едва конемъ мальчишка правилъ,

Свиней собакъ и кошекъ давилъ.

Мяутенге, дай, визгъ во всей деревнѣ той,

Во всей деревнѣ шумъ. Кричатъ ему: постой,

На право, въ лѣво, прямо;

Однако конь, упрямо,

Какъ хочетъ такъ сбѣжитъ,

И какъ изволишь скачетъ.

Мальчишка плачетъ,

Мальчишка мой дрожитъ,

Дитя мое визжитъ,

Въ дитяти сердце ноетъ,

Мальчишка воетъ,

И возжи, не учивъ онъ кучерскихъ наукъ,

Пустилъ изъ рукъ,

А конь, опшле,
 Бѣжитъ на чистое поле.
 Мальчишка мой, стѣня,
 Не держишь ужъ коня,
 Конь быспрѣ, имѣетъ онъ копыты не лѣнны,
 Съ колесами, нахитъ по хлебу жолты нивы.
 Конь былъ нахалъ,
 И нивы снѣ своимъ узоромъ распахаъ,
 Давъ нивамъ рыцарскую сѣчу.
 Попался потомъ гора коню на встрѣчу,
 Глухой подъ горой былъ долъ и темной лѣсъ:
 Лепитъ мое дитя съ небесъ,
 Раздулась у коня со гривой хвостъ и холка:
 Проспи лошадушка, дитя и одноколка.

VIII.

Дельфинъ и Невѣжа хвастунъ.

Когда бѣ неvjжи то побольше разбирали,
 Какъ должно говорить; они бы меньше врани.
 Какой то человекъ,
 Въ какомъ то морѣ пометъ,
 Окончиваетъ вѣкъ,
 Кричитъ и стонетъ.
 Сплетенъ такой рассказъ,
 Что будто жестоко Дельфины любятъ насъ:
 Немножко должно мнѣ теперь полицембрить,
 Рассказу этому и я хочу повѣрить:
 Хочу;
 Я пошлени за то въ казну не заплачу.
 Дельфинъ спенящаго спасаетъ,
 И на спину къ себѣ бросаетъ:

Мой всадникъ по морю гуляетъ на конѣ.

Скажи ты мнѣ,

Въ какой родился ты странѣ,
Дельфинъ ево спросилъ: мой всадникъ отвѣчаетъ!
Родился тамо я, а тамъ и тамъ бывалъ,
Что вѣдомо ему, слово не забывалъ,
И Географин Дельфина изучаетъ.

Дельфинъ ево спросилъ: въ Москвѣ бывалъ ли ты,
Во обиталищи дѣвичей красоты?

Въ рассказы всадникъ мой гораздо углубился,
Москвы не зналъ,

Однако о Москвѣ вздыхая вспоминалъ,
И говоритъ: онъ тамъ со многими любился.

Дельфинъ ево спросилъ: извѣстна ли тебѣ
Въ Россіи Волга? да, я щастья тамъ и болѣ
Въ любви имѣлъ себѣ.

Цвѣшовъ колико въ полѣ,

Толико тамъ

Прекрасныхъ дамъ.

Москвы сей городъ больше вдвое,

А можетъ быть и впрое.

На тѣ слова

Дельфинъ отвѣтствуетъ проворному дѣшину:
А ешотъ городъ, ты со мной въ которомъ нынѣ,
Въ которомъ пугаетъ безмозгла голова,

И волги больше вдвое,

А можетъ быть и второе,

А во стенахъ сихъ мѣстѣ

Толико много дамъ, колико въ небѣ звѣздъ.

Сбросилъ со спины Дельфинъ сево дѣшину,

И говорилъ еще:

Я спасъ тебя вотщѣ;

Мы возимъ на себѣ людей, а не скопину.

IX.

Волкъ и Собака.

Приятный города гораздо лѣтомъ лѣсѣ.

Въ прекрасны Майски дни былъ тамъ нежирный песъ :

А я не знаю прямо ,
Прогуливался ль тамо ,
Иль пищи онъ искалъ ;
Хотя въ лѣсу и густо ;

Захочется ль гулять когда въ желудкѣ пусто ?

Насилу ноги песъ отъ голоду таскалъ ;

Конечно пищею онъ тамъ себѣ ласкалъ :

Не много надобно на это толку ;
Однако дождался песъ новыхъ бѣдъ ,
Достался на обѣдъ

Онъ самъ , голодну волку :

Пришелъ собакѣ той изъ свѣта вонъ отвѣздъ.

Хоть песъ не жиренъ ,

Однако волкъ и кости ѣстъ.

Собака знаетъ то , что волкъ не смиренъ ,

И что изрядной онъ солдатъ ,

И что хоть онъ безъ латъ ,

Когда надуешь губу ,

Не скоро прокуситъ ево удобну шубу.

Пса волкъ привѣстствуетъ : здорово сватъ :

Не хочешь ли шны , братъ ,

Бархататься со мной , и силъ моихъ отвѣдать ?

Поймалъ собаку волкъ , и хочетъ пообѣдать.

Собака говоритъ :пусти меня домой ,

И называется она ему кумой ,

Любезной куманекъ ,пусти сударикъ мой ,

Пусти меня домой :

Изволь послушать ,

Пусти меня и дай еще ты мнѣ покушать !

Въ дому у насъ великой будетъ пиръ ,

Зберется къ намъ весь миръ ;

Такъ я остатками стола поразжирѣю,
И куманьку на кушанье созрѣю.

Приди ты послѣ къ намъ,
А я живу вотъ тамъ.

Песѣ правду говоритъ, волкъ еще видитъ самъ.
Побѣжала домой кума, оставивъ куму
Надежду и веселу думу.

По времени тамъ онъ стучался у воротъ;
Но дѣло то пошло совсѣмъ на оборотъ;
Воронникъ былъ въ три пуда

Песѣ;

Тяжелъ потъ волку вѣсѣ;

Боялся волкъ мой худа,

И утекала опшоль, большею рысью, въ лѣсѣ.

Х.

Два скупыя.

Два друга выдавать монеты были тупы,
А попросту гораздо были скупы,
И говорили такъ: вишь деньги не вредятъ,
Хоть ихъ и не ядятъ:

Науки и умы мѣшковъ не побѣдятъ.

Систему ету я и самъ принимаю.

Зарылъ одинъ изъ нихъ червонцовъ кучу въ землю,
Другой увѣдалъ то; такъ дѣло шло на ладъ,

Сыскаши кладъ:

Порыть лишъ только смѣло;

Хотя безсовѣстно то дѣло;

Однако въ воровствѣ утѣха есть и сласть,

А совѣсть у скупыхъ со всѣмъ другою спатью:

Лежитъ она въ мѣшкахъ и за печалью.

Ограбить и окрасть,
 У нихъ геройска страсть.
 Пускай безчестно то, пускай немилосердо,
 И для ради шово хранится совѣсть твердо,
 У таковыхъ людей:
 Они и спятъ на ней.
 Червонцы скаредъ мой повыбрилъ,
 И дружне золото подпибрилъ,
 А шотъ ево подозрѣвалъ,
 Обычай вѣдая наперстниковъ подробно;
 Съ нимъ купно прежде воровалъ
 Онъ самъ, подобно,
 И говорилъ ему, я взвѣрѣ распочу,
 Оспавша золота, другую половину,
 Когда погибшава обратню не подвину:
 А ешьли я свои червонцы возвращу;
 Я инде ихъ заколочу,
 И скрою,
 И со оставшими я, тамъ то, ихъ зарю:
 Вотъ такъ то здѣлать я хочу.
 Оскалилъ и на тѣ червонцы смрадникъ зубы,
 И лижетъ губы,
 И мнитъ: такъ я тебя не едакъ поучу:
 Я кучку у тебя и ету ухвачу.
 Украдены обратню
 Зарылъ червонцы онъ,
 А шотъ ихъ вырылъ вонъ,
 И говорилъ ему: рой яму ты спократно;
 Однако вѣр ты мнѣ, не збудетъ твой сонъ,
 И чпо хопя ты всю вселенную изрыщешъ.
 Напредки моего и шелега не сыщешъ.

XI.

Черепаша.

Болтаньемъ мы добра во вѣки не найдемъ,
И часто только имъ мы въ пагубу идемъ.

Намѣрилася черепаха,
Изъ царства Русскова зѣвать:
Въ пути себѣ не видя страха,
Въ Парижѣ хочетъ побывать.
Не говоритъ уже по Русски,
И вретъ и бредитъ по Французски.
Съ ней больше о Руси ни кто не говори,
И только это ври:

Парижъ, Верзалья, Тюльери.
Ее всегдашнія о Франціи погудки,
И путешествіе увѣдали двѣ упки,
И говорятъ ей такъ: въ пути тебѣ потѣшь;
Не лучше ли въ Парижѣ, мадамъ, тебѣ лешъшь,
А мы тебѣ лешъшь поможемъ:

Ты знаешь, черепахъ конечно мы не гложемъ,
И не для нашей ты родилася яды;
Такъ мы не зѣлаемъ, мадамъ, тебѣ бѣды,
А намъ во Францію извѣстны всѣ слѣды.

Согласна съ ними черепаха,

И стала птаха;

Да какъ она лешитъ? а вотъ:

Ей упки дали палку въ рошъ,

И понесли ту палку,

Подобно какъ порчезъ иль нѣкую качалку,

И говорятъ; молчи, лепи и домъ неси;

Но пташичка не помолчала,

И закричала:

Превосходительство мое на небеси.

Но только лишъ уста свои разверзла птаха;

Оторвалася она: лешла къ верху птаха,

А къ низу черепаха.

Часть VII.

Е

Изъ спаленки своей шага не выходя,
 Лезла въ сѣлаки, и небо находя;
 Но стѣ нескромности, свои разшибла лапы,
 Носъ, рыло и палачы.

XII.

Олень и Лошадь.

Опасно мѣстію такей себя ласкать,
 Которой больше лѣзя нещастія сыскать.

Съ оленемъ кокъ имѣлъ войну кроваву.
 Оленю удалось побѣдоносца сазву
 И лазры получишь,

А именно коня гораздо проучишь.
 Возносишя олень удачною судьбою,
 Подосно какъ буишь удачною борьбою,
 Или удачею кулачна бою,

Иль будиши Ахиллесъ,
 Какъ онъ убилъ Гектора.

Отъ гордости олень изъ кожи лѣзъ.
 Такая шо была на чистомъ полѣ ссора,
 Съ оленемъ у коня.

А конь мой мнишь: пускай олень побишь меня:
 Я ешу шутку,
 Оленю опшучу.

И опшачу,
 Имѣетъ конь догадку,
 И ищешъ сѣдока.

Сыскалъ, подставилъ конь и спину и бока:
 Взуздаль сѣдокъ коня и осѣдаль лошадку,

А конь ему скакать велишь,
 Олена обресси сучишь,

И полной мѣстію духъ конской веселишь.

Сѣдокъ ружье имѣетъ,
 Стрѣляшь умѣетъ.
 Исполнилось то чего мой конь хотѣлъ,
 Сѣдокъ оленя налепѣлъ,
 И въ цѣль намѣря,
 Подцаналъ онъ рогаши звѣря.
 Побѣду одержавъ конекъ домой спѣшилъ;
 Однако онъ къ уздѣ крѣпохонько пришилъ.
 Лошадку глядяпъ и ласкаютъ;
 Однако ужъ коня домой не отпускаютъ,
 И за узду ево куда хопятъ таскаютъ.
 Конюшка мой въ ярмѣ,
 Конечикъ мой на стойлѣ,
 А по проснѣ въ шюрѣмѣ,
 Хопъ нужды нѣтъ ему ни въ кормѣ и ни въ поилѣ.
 Стрѣлокъ лошадины соперника убилъ,
 А конь сей мѣстѣю свободу погубилъ,
 И только подъ сѣдломъ, хозяина, поскачетъ,
 О прежней вольности вспомнишь и заплачетъ.

ХІІІ.

Мужикъ и Кляча.

Имѣя умъ,
 И много думъ,
 Природу мы поносимъ,
 Когда о таковыхъ дѣлахъ мы Бога просимъ
 И дѣлаемъ молитвой шумъ,
 Помоществуемы ищась быти небесами,
 Какія мы дѣла исполнить можемъ сами,
 Безъ тяжелой клячи возъ,
 Мужикъ на ней возмѣтъ навозъ,

Клячонка съ силою везетъ товаръ союзно;
 Однако на возу гораздо грузно,
 А по дорогѣ грязь.
 Мужикъ, ярьсь,
 Рукою дѣлаетъ размахи,
 И палкою даетъ лошади шахи.
 Конь мучится, и кровь печенъ изъ конскихъ латъ.
 Шахалъ, шахалъ мужикъ, и далъ лошади матъ.
 Онъ руки къ небу воздѣваетъ,
 И Геркулеса призываетъ:
 Великій Геркулесъ возри ты къ сей странѣ,
 И помози навозъ ты клячѣ везти и мнѣ!
 Кричитъ мужикъ и кланяется въ ноги,
 Валяся въ грязи среди дороги.
 Низшелъ тотчасъ
 Съ Олимпа гласъ:
 Навозу никогда, дуракъ, не возятъ Боги;
 Однако я
 Твой возъ подвину:
 Сними, свинья,
 Съ телеги грузу половину.
 Исполнилъ то мужикъ,
 Работая и плача.
 Прошелъ мужичій крикъ,
 И пошатнула возъ умученная кляча.

XIV.

Олень и дочь его.

Не хвастай рыцарь мочью,
 Ездывая усъ,
 И бредь, не нимъ, себѣ обѣ епомъ ночью,
 Когда ты трусъ.

Оленька нѣкогда родителя спросила :

Скажи , мнѣ бапюшка , на что оленю сила ,

И столько рогѣ ;

Коль только отъ однихъ ему спасенье ногѣ ?

Когда увидишь ты собаку ,

Начни когда съ ней драку ;

Почто тебѣ дрожать ,

И прочь бѣжать ?

Олень отвѣтствуетъ : то правда , мнѣ и стыдно ,

Что храбрости моей не видно ,

И часно размышлялъ я такъ :

Иль я дуракъ ,

Зубитъ и я , да яжѣ еще рога имѣю :

Коль сколькожѣ и у пса , коль я считаю умѣю :

И нѣтъ у пса копытъ ;

Такъ ешо мнѣ немалой стыдѣ ,

Что бѣгаю прочь я и драхься съ нимѣ не смѣю .

Собачей сынѣ ты песѣ :

Такъ бѣгай отъ меня на предки самѣ ты въ лѣсѣ .

Не думай ты что я теленокѣ ;

Или что честь моя лишѣ только отъ коленокѣ .

Бездѣльникѣ сукинѣ сынѣ ! такія ли рога ,

Не поразятѣ камолова врага ?

Не уступлю я впередѣ тебѣ ни двухѣ ступеней :

Не станешѣ больше ты въ лѣса гонять оленей .

Я больше отъ тебя не изогну коленей ;

Но слова , дочка , я здержати не могу :

Услышу только дай , забудусь и бѣгу .

XV.

Есопъ и Буянъ.

Беспутной человекъ въ Есопъ бросилъ камень,
 Хотя ему Есопъ не здѣлалъ ни чего:
 Беспутства, младости и глупости по пламень.
 Бываетъ и у насъ буянство таково.

Буянъ, старинный нешмеръ;
 Лишь только въ немъ инова рода въшеръ.

По модѣ куромша, Зефиръ,
 И любви онъ спокойствие и миръ.
 Старинной куромша Борю всѣмъ подобенъ;
 Гурлитъ, свиститъ, и злобенъ.

Благоуханенъ самъ любовный въшеронъ,
 Благоуханной розы ищешъ.
 Другой, къ возлюбленной на ерокъ,
 На иноходцѣ рыцешъ,
 И точно какъ Борей орешъ и свищешъ.

Мнѣ мнится не Персей ли онъ,
 А пупъ великой въ маломъ
 На одноколѣ топъ, и будто Аполлонъ,
 Лишь только съ опахаломъ.

Нѣтъ, это кунидонъ,
 Ко Психѣ ѣдетъ онъ.
 А тотъ лешипъ конечно не въ бесѣду,
 Лешипъ избавитъ Андромеду.

А мой Персей,
 Безвинкова обидитъ,
 И глупости своей не видитъ,
 Припасенны имѣя въ ней.
 Есопъ ему копѣйку давъ: за прудъ тебѣ заплаща,
 Сказавъ,
 И указавъ
 Ему селяни на улицѣ богата,

И говорилъ : швырки въ него ;
Онъ дастъ тебѣ побольше моего.

XVI.

Обѣщаніе.

Сулить и не держати слова,
Исторія не нова,
Кто едакъ посулитъ,
Тотъ суетной меня надеждой веселитъ :
Открытымъ образомъ, безсмыдно, лицемѣритъ.
А на конецъ ему ни кто не вѣритъ.
И даже ни чего
На свѣтѣ нѣтъ его.
Какой то человекъ во время бури въ морѣ,
Когда скончався не угубой то горе,
На жертву посулитъ десятка два воловъ ;
Но еспяли жертва вся отъ сихъ лишь только словъ ;
Такъ можно посулить полсолони и словъ.
Отъ бури онъ избавленъ,
И жертвованъ оставленъ ;
Однако ни овцы на жертву не дастъ,
И прежней пѣсенки онъ больше не поетъ.
Морскія вѣтры усмирѣли,
И больше не ворчатъ,
А жертвенны волы гораздо разжирѣли,
Они же и мичитъ.
Конечно боги,
Противъ сево срамца, по правдѣ стали строги,
И объявить ему послали сонъ,
Что сыщеть онъ,

Вотъ тамъ и тамъ , подъ нѣкою осиною ,
 Копора шакова и шакова то миней ,
 Червонцовъ миллионъ .

Найши награду ,
 Идетъ посульщикъ мой ко кладу .

Но что онъ тамъ нашель ?

Къ разбойникамъ зашелъ .

Разбойники ево въ минушу изловили ,
 Ограбили и удавили .

Осина опъ того листочки шевелитъ ,
 Всегда въ качаніи листки ее бывають ,

Хотя Зефиръ почивають .

Но что осина намъ велитъ ,

И что она вѣщаетъ ?

Безъ исполненія бездѣльникъ обѣщаетъ .

XVII.

Орлиха , Веприха и Кошка .

Гнездо на деревѣ свила въ дуплѣ орлиха ,
 Въ низу гнездо имѣла шупъ веприха ,

А посреди ,

Гнездо имѣла кошка .

Гнездо напереди ,

Да позади ,

Да посреди ;

Такъ стало при лукошка .

Пшеницы въ лукошкахъ шѣхъ ,

А у пшеницовъ и матки шупъ у всѣхъ .

Не вѣла съ роду кошка ,

Ни орлятъ ,

Ни вепрятъ ;

Такъ вышелъ изъ лукошка ,

Орлякъ говоритъ :

Не оплачайся ты ; веприха поморитъ
Твоихъ орлятокъ.

А послѣ по жъ веприхъ говоритъ :
Не оплачайся ты ; орляха поморитъ
Твоихъ вепрятокъ.

Присягою обѣимъ ушвердивъ ,
Что сей доносъ неживъ ,
Другъ друга устрашася ,
Не выходили мапки вонъ ;
Но живота отъ голоду лишася ,
Пшеницъ оставили безъ оборонъ ,
А кошка ,
Орляшъ ,
Вепряшъ ,

Достала два лукошка.

Читашель : памятуй , сударь ,
Что пакетной смушникъ , негоднѣйшая пварь.

XVIII.

Молодой Сапиръ.

Иззябъ молодой Сапиръ ,
И мнитъ оставить миръ ;
Не лзя съ морозомъ избѣваться.
Куда отъ служи той дѣваться ?
Дрожитъ ,
Бѣжитъ ,
И какъ безумной рыщетъ ,
Согрѣться мѣста ищешъ ,
Найли себѣ нислѣгъ ,
И къ шалашу прибѣгъ.

Тупъ жилъ пастухъ; и спалъ пастухъ Сапира грѣши,
 Спалъ руки опдаувати,
 Сапиръ мой спалъ зѣвать!
 Не мыслилъ больше умерети.
 И вѣсно чшо бы жизнь морозу въ жерпву нести,
 Себя погибшимъ числети,
 О жизни сталъ онъ мыслити,
 И захопѣлъ онъ вѣсти.
 Когдабъ онъ вѣсти хотѣлъ по смерти, былобъ чудо,
 А епо ничево.
 Топъ подчивалъ ево,
 Далъ корму своево,
 И кашу положилъ Сапиру онъ на блюдо.
 Чшо дѣлать? каша горяча,
 И ежется какъ свѣча.
 Пастухъ на блюдо дуестъ,
 И кашу ложкою въ уста Сапиру суестъ.
 Сказалъ Сапиръ мича:
 Прошелъ мой голодъ;
 Пора шеперь домой
 Просити хозяинъ мой.
 Я смышлю, хопъ и молодъ,
 Чшо страшны шѣ уста, въ которыхъ жаръ и холодъ.

XIX.

Раненой.

Вѣтъ люди, кси такъ себѣ самимъ
 Необычайно лицемѣрнѣ,
 Чшо ясной истины не вѣрнѣ,
 Какъ ихъ ни увѣрай, и чшо ни скажешъ имъ,
 И чшо еде чуднай ни чувствилмъ своимъ.

Не басню я скажу, исторію открою,
 И причину изъ нее соспрою.
 Когда Полтавска брань была,
 И збили Шведовъ мы и съ мѣста и съ дороги
 Судьбина воину нещастье навела:
 Пробыли тамъ изъ насъ кому по ноги.
 Пришелъ, по брани той.
 Къ нему знакомой въ гости,
 И говоритъ ему: приятель мой,
 Я слышалъ, у тебя въ рукахъ пробиты кости.
 Въ ногахъ отвѣтствовалъ больной.
 Въ рукахъ, я знаю прямо,
 И слышалъ тамъ и тамо.
 Больной отвѣтствовалъ: мнѣ лучше можно знать,
 И руку спалъ рукой въ увѣрку поминать.
 Не вѣрится пому: я знаю прямо,
 И слышалъ тамъ и тамо.
 Тотъ руки оголилъ, и обѣ пскизалъ,
 А тотъ ему сказалъ:
 Во всемъ такъ войскѣ рѣчь, а я не лицемѣрю,
 И на прямки скажу, что я тебѣ не вѣрю.

XX.

Лисица и Терновой кустъ.

Стоялъ терновой кустъ.
 Лиса машейничать обыкла,
 И въ плушки вникла:
 Науку воровства всю знаетъ наизусть,
 Какъ сынъ собачій,
 Науку о крючкахъ,
 А попросту безсовестной подьячій.
 Лисицъ ягоды прелесны на сучкахъ,

И дѣлаетъ она въ терновникѣ лапой хватки,
Подобно какъ писецъ примзется за взяпки.

Терновой кустъ,
Какъ ягодой, такъ шилемъ густъ,
И колился; лиса ярился,
Что промыселъ ее безъ добычи варился.
Лисица говоритъ терновнику: злодѣй!
Всѣ лапы искололъ во злобѣ твоей.
Терновникъ отвѣчалъ: бранись какъ ты изволишь:
Не я тебя колю, сама себя ты колишь.
Читайшь! знаешь ли къ чему мои слова?
Каковъ терновой кустъ, Сатира такова.

XXI.

Кобель и Сука.

У кобеля взяла, для нужды, сука ларь.
Просила такъ: пожалуй, государь,
Пусти меня въ нево, на время,
Поколь мое пройдетъ беремя,
А самъ ты выйди вонъ.
Не грубиянъ былъ онъ:
Она брюхата;
Къ ее услугамъ хата.
Почтенье къ дамамъ онъ имѣлъ,
И какъ на свѣтѣ жить, онъ это разумѣлъ.
Благополучно шутъ на свѣтѣ пошамъ щеняшки,
И ползуютъ рабашки;
Пора квартиру покидать;
Да проситъ и она, и сыновья, и дочки,
У кобеля, отсрочки;
Учтивый кавалеръ отсрочку долженъ дать.

Еще, еще, и такъ давно прошло беремя;
 Сноялицѣ събѣжать давно съ квартиры время.
 Вздурили на конецъ отсрочкою ево.
 Спущайте, говоритъ, изъ дома моего.
 А сука ужъ не такъ хозяина встрѣчаетъ,
 И на прямки ему, не выйду, отвѣчаетъ:

Поди ты прочь,
 А мнѣ отсрочь,

И помни, позабывъ пусыя враки,
 Что спали ужъ мои щенки теперь собачки.

XXII.

Левъ и Оселъ.

Тщеславный, хвастуя, устами устрашаетъ,
 И сердце только тѣмъ въ удачѣ утѣшаетъ:

Герой себя дѣлами украшаетъ,
 Побѣдой возвышаетъ.

Левъ нѣкогда звѣрей хотѣлъ пужать,
 Принудить ихъ дрожать,
 И изъ лѣсу бѣжать,

Чтобъ было ихъ найти удобно,

И приказавъ ослу кричати злобно.

Трусавъ оселъ, когда дерется иль молчитъ,
 И очень яростенъ, когда кричитъ:

Тогда онъ храбростью подобенъ Ахиллесу.

Надуся мой оселъ и спавъ оселъ мой гордъ,
 Кричитъ какъ чортъ,

И крикомъ гонитъ вонъ звѣрей оселъ изъ лѣсу.

Такова не было тамъ страха никогда.

Львовъ кончился обѣдъ. Или мой крикъ напрасенъ,
 Льву выпязь говорилъ? довольно ль я ужасенъ?

Мнѣ мнился то что я и льву опасенъ.
 А левъ свѣдѣствовалъ ему на это: да:
 Клянусь тебѣ дружокъ я такъ коликко честенъ,
 Что есмьли бѣ не былъ ты толикко мнѣ извѣстенъ;
 Спрашился бы Самсонъ и я тебя тогда.

XXIII.

Два Крадуна.

Два были молодца, и оба крадуны.
 Они ища себѣ приуса,
 У повара подпирнули часть мяса:
 А повара не каздуны;
 Который виноватъ дѣшина, знать не можно.
 Они подьяческимъ божились образцомъ,
 И заиралися спояли крѣпко въ томъ,
 Что это ложно.
 Свидѣтель Богъ тому что мяса я не крадъ,
 Одинъ божился такъ, и присягнушь я смѣю.
 Свидѣтель Богъ тому, я мяса не имѣю,
 Другой божился такъ. Одинъ то мясо крадъ,
 Другой покражу бралъ;
 Однако насъ признаешь совѣсть нудишь,
 Что Богъ не по крючкамъ насъ судишь.
 Крючками какъ ни говоришь,
 Не можно кляпвы разоришь;
 Божба не въ словѣ,
 Въ какой бы ни была обновѣ:
 И кто клянется такъ,
 Не можетъ совѣстнымъ назваться онъ никакъ.

XXIV.

Волки и Овцы.

Не вѣрь безчестнаго ты миру никогда,
 И чти врагомъ себѣ злодѣя навсегда.
 Съ волками много лѣтъ въ побранкѣ овцы жили:

Съ волками, наконецъ,

Установленъ миръ вѣчный у овецъ.

А овцы имъ собакъ закладомъ положили.

Одной овцѣ волкъ братъ, той дядя, той отецъ;

Владычествуетъ вѣкъ у нихъ Аспрей въ полѣ,

И спорожи овцамъ не надобны ужъ боля.

Перемѣнился нравъ и волчье естество.

А волки давъ овцамъ отраду,

Текутъ ко стаду,

На мирно торжество.

Не будетъ отъ волковъ овцамъ худыхъ судьбинокъ,

Хотя собакъ у стада нѣтъ;

Однако Рималня, Сабинокъ,

Уносятъ на подклятъ.

Грабительски сердца наполнилися жолчью;

Овечье стадо все пошло въ поварню волчью.

XXV.

Голова и члѣны.

Члѣнъ члѣну въ обществѣ помога,

А общій трудъ ко спасенію дорога.

Послушайте, какой былъ некогда совѣтъ!

Сказала голова желудку: ты, мой свѣтъ,

Изрядно работаешь :

Мы мучимся , а ты глотаешь .

Что мы ни накопимъ ; спремимся ты прибрать ,
И наши добычи стараешься сожрать .

Какой бояринъ ты , чпобъ мы тебѣ служили ?
Всѣ члбны , весь совѣтъ желудку извѣщаль :

Мы швердо положили ,

Что бѣ , шакъ какъ ты живешь , и мы покойно жили .
Но что послѣдуетъ ? желудокъ истощаль ,

И въ гробъ пошелъ : а при ево особѣ ,
Увянувъ купно съ нимъ подобно какъ шрава ,
Всѣ члбны , и сама безмозгла голова ,

Покояшся во гробѣ .

XXVI.

Рыбакъ и Рыбка .

Попалось рыбаку , на рыбной ловлѣ , въ руки ,

Изъ нѣвода полщуки ;

Однако рыбы часть не шаква ;

У етова куска и хвоспъ и голова ;

Такъ ето шшучка ,

А именно была не щука то , да щучка .

Была гораздо молода ;

Однако въ нѣвода

Заходитъ и щенокъ , да только лишъ не сучей ,

Но жителей воды , а здѣсь попался щучей .

Рыбакъ былъ простъ , или сказать яснай , рыбакъ

Былъ нѣкакой дуракъ .

Щучонка бросилъ въ воду ,

И гсвогилъ онъ шакъ :

Къ предбудущему году ,

ости и выросши, а я шебѣ явлю,
то я прямой рыбакѣ, и щукѣ большихъ ловлю.
А я скажу: больша вѣ небѣ птица,
Похуже нежели вѣ рукѣ синица.

XXVII.

Мужикѣ и Блоха.

Мы часто ето примѣчаемѣ,
Что дерзко божеству скучаемѣ,
Судьбу винимѣ,
И мнимѣ

Искати полного блаженства,
Среди несовершенства,

Какѣ будто слабому удобно естеству,
Быть равнымѣ божеству.

Гѣмѣ, кое существо и временно и плѣнно,
Блаженство полное не можетѣ быти плѣнно,
Хотя существовать намѣ Богѣ опредѣлилѣ,
И много своего намѣ щастья удѣлилѣ.

Кричитѣ мужикѣ, кѣ Олимпу, велегласно,
И преужасно,
Какѣ будто свѣтѣ
Падетѣ.

О чемѣ, на высоту, ужасный гласѣ бросаетѣ?
Блоха ево кусаетѣ.

Кричалѣ, изѣ кожи лѣзѣ:
О сильный Геркулесѣ!

Довольно ты себя прославилѣ:

Но, ахѣ! почто сію злу Гидру ты оставилѣ?

Мужикѣ, не лучше ли молчать,
А не кричать,

И вѣ едакой бѣдѣ Олимпу не скучать?

XXVIII.

Заяцъ.

Толкнулъ какой то лъва рогами звѣрь :

За то скотинѣ всей рогатой ,

Нездасіе тепѣрь ,

И ссылка плашой.

Вѣ приказѣ

Пришелъ о томѣ указѣ.

Готовѣ осмотрѣ , и выемка готовѣ.

Ступай , не говори ни слова ,

И понесите вонѣ отсель шѣла ,

Рога и души.

Большой зайцу страхѣ та ссылка навела ;

Рогами мнитѣ почтутѣ вѣ приказѣ зайчьи уши.

До зайца томѣ указѣ ни вѣ чемѣ не надлежитѣ ;

Однако онѣ какѣ тѣ подобно прочѣ бѣжитѣ.

Страхѣ зайца побѣждаетѣ :

А заяцѣ разсуждаетѣ :

Подъячій люте ,

Подъячій плутѣ :

Подъяческія души ,

Легко пожалуютѣ , вѣ рога большія уши :

А ежели судьи и судѣ

Меня оправлятѣ ;

Такѣ , справки , выписки одни меня задавятѣ.

XXIX.

Рѣка и Лужа.

Вѣ какой то нѣкогда странѣ ,
 Пресильная востала буря :
 Отъ вѣтра , отъ дождя проѣзжій очи щуря ,
 И отъ воровъ бѣжа , приѣхалъ на конѣ ,
 Къ великой лужѣ ,
 И думаетъ , рѣка сто крапъ ша моря хуже .
 Такой былъ шумъ :
 У всадника смутился умъ ;
 Передобомъ рѣка , а за спиною воры ;
 Потребны мысли скоры ,
 И самы крапки зборы ,
 Рѣку переплывать ,
 Когда не хочетъ онъ въ послѣднiе зѣвать .
 Не плылъ ни конь , ни онъ , и бѣжалъ онъ исправно ,
 Рѣка
 Не глубока ,
 И родилась недавно .
 Настала пишина опять ,
 А воры отъ него не отстаютъ на пядь .
 Къ прямой приѣхалъ онъ рѣкѣ и ко глубокой ;
 Но бури нѣтъ жестокой ,
 И никакой ; вода пиха ;
 Проѣзжій говоритъ : ты рѣчка не лиха ;
 Безъ трепета въ тебя я , рѣченька , бросаюсь ,
 И безъ препяствiя спасаюсь :
 Что ты , что чистой лужъ , мнѣ это все одно ;
 Но всадникъ мой пошелъ и съ лошадыю на дно .
 Отъ пихости ни кто злодѣйскiя не труситъ :
 Которой лаетъ песъ , не скоро тотъ укуситъ .

XXX.

Ворона и Лисица.

Ворона сыромъ овладѣла,
 Ворона добычью воронья ремесла,
 Кусочикъ сыру унесла,
 И на дубу сидѣла,
 Во рпу сво державъ,
 Ни крошечки еще сво не поклевавъ.
 Лисица скалитъ зубы,
 И разбваетъ губы,
 Со умиленіемъ взираючи на сыръ,
 И говоритъ: весь миръ
 Тебя ворона хвалитъ:
 И чаю что тебѣ не много по печалитъ:
 И подлинно по такъ;
 Являетъ по твой зракъ.
 Прекрасная ты птица
 Я прямо говорю, какъ добрая лисица:
 Какія ноженъки! какой носокъ!
 Какія перушки! да ты жъ еще пбвица:
 Мнѣ сказано, ты пбть велика мастерица.
 Раскрыла дура ротъ, упалъ кусокъ.
 Лисица говоритъ: прости сестрица,
 И помни, матка, по, каковъ у лбсти сокъ.

XXXI.

Есопъ и Кошунъ.

Есоповъ господилъ гостей когда по ждалъ
 На ужину кб себѣ: приказъ Есопу далъ,

чтобъ было кушанье поранѣе готово,
И столъ великъ.

Есопъ обыкъ

Внимать и исполнять господско слово,
И отвѣчалъ ему: исполню, государь:

И взявъ фонарь,

бѣжалъ, сыскавъ огня, колико стало мочи,
Не дожидаясь ночи.

Свѣчу зажегъ,

Обратно бѣгъ:

Коцунъ ему попался,

И въ смѣхъ утопался,

Какъ рыба въ немъ купался,

И говорилъ: ослу ты знашь родня:

Куди съ свѣчей бѣжишь средь бѣлова, ты, днл.

На дерзку отвѣчалъ Есопъ ту рѣчь упрека:

Бѣгу сыскаѣпи человѣка.

А я отвѣтствую! коцунъ, не пушай вракъ,

Коль дѣла ты не знаешь.

На что съ упреками о томъ напоминаешь?

Есопъ уменъ, а ты дуракъ.

XXXII.

Львица и Лисица.

Хотя бѣ трудился весь ты вѣкъ,

Не знавъ отдыха ни предѣла,

Большой не будешь человѣкъ,

Безъ важнаго ты дѣла.

Не величайтесе трудами никогда;

Но славю труды.

Втвердила спесь лисицѣ :
 Сказати львицѣ ,
 Превозношу себя :
 Полутче я тебя ,
 Рождаешѣ по левенку
 Ты , въ цѣлый годѣ ,
 А я не по лисенку ;
 Мой лутче плодѣ .
 А львица отвѣчала :
 Ты бѣ лутче помолчала ,
 Не трапя словѣ :
 Раждаю менше я , да я раждаю львовѣ .

XXXIII.

Пропоколѣ.

Укралѣ подьячій протоколѣ :
 А я не лицемѣрю ,
 Что етому не вѣрю .
 Владетѣ ли въ таковой расколѣ ,
 Душа , такова человѣка !
 Подьячія тово не дѣлали въ вѣкѣ вѣка .
 И можетѣ ли когда имѣть подьячій страсть :
 Чтобѣ сталѣ онѣ красть !
 Нѣтъ я не лицемѣрю ,
 Что етому не вѣрю ;
 Подьяческа душа ,
 Гораздо хороша .
 Да правда говоритѣ гораздо краснорѣчно :
 Увѣрила меня что было то конечно :
 У правды мало врактѣ ;
 Не спорю было такѣ .

Судья шово приказа ,
 Былъ доброй человекъ ;
 Да лишъ во весь онъ вѣкъ ,
 Не выучилъ ни одново указа.
 Однако осудилъ за прополокъ ,
 Подьячева на колъ.
 Хоть ешо строга ,
 Да не гораздо много.
 Миѣ жалко только то : подьячій мой ,
 Отшоль , не принесетъ полушички домой.
 Подьячій , нѣсколько , въ лицѣ перемѣнялся ,
 И извинялся ,
 На милосердіе судью маня ,
 И говорилъ : попустилъ чортъ меня.
 Судья на то : такъ онъ теперь и оправдался.
 Я право ешова , мой другъ , не дожидался.
 За прополокъ ,
 Ево поймать , и посадить на колъ.
 Однако ты судья , хоть городъ весь изрыщешь ,
 Не скоро чорта сыщешь ;
 Пожалуй справокъ ты не умножай ,
 Да ешова на колъ сажай.

XXXIV.

Судъ.

Жилъ , былъ судья мартышка ,
 И слѣдственно имѣлъ мартышкинъ и умишка.
 Судья дай толкъ ,
 Сказалъ шакъ волкъ ,
 Лисица зорла ,
 Украя ,

Овцы кусокъ ,
 Безъ сожалѣнья ,
 Изъ волкова имѣнья ;
 Такъ дай ей сокъ .
 Лисица не молчала ,
 И отвѣчала :
 Клянусь тебѣ судья ,
 Что отъ роду нигдѣ не крали мяса я .
 Прогнѣвалась вся судейская упроба :
 Кричитъ судья : вы лжете оба ,
 Иишь шѣмъ упружены судейская особа :
 Я съ вами болѣе не говорю :
 Подице къ моему секретарю :
 Въ землянкѣ онъ живетъ во срубѣ ,
 Берлогу онъ пасетъ ,
 И лану въ ней сосетъ ,
 И лѣтомъ , и зимой , въ медвѣжей ходитъ шубѣ .

XXXV.

Бочка.

Въ гостяхъ я нѣкогда сидѣлъ одинъ ,
 Лишь дома былъ шово со мною господинъ :
 Тутъ не было ни дамъ , и ни людей учоныхъ ;
 Такъ спали говорить о яблокахъ мочоныхъ .
 Хозяинъ спрашивалъ хочу ли ихъ я ѣсть :
 Пожалуй я сказалъ , а онъ велѣлъ принесть .
 Полсотни принесли на блюдѣ превеликомъ :
 Хозяинъ удержалъ дурачество шо крикомъ :
 Журналъ ,
 И говорилъ :

Намъ надобна гора , а вы несете кочку ;
Вонъ , вонъ , и лучше всю сюда внесите бочку .

Сталъ шумъ ,

Мы слышимъ то , да мы заговорились :

Вдругъ двери наснѣжь распорились :

Пришло мнѣ въ умъ ,

Нейдетъ ли въ обручакъ , иль жонка чья , иль дочка .

Конечно въ обручакъ , да только бочка .

XXXVI.

Свѣча.

Въ великомъ польза , польза въ маломъ ,

И все потребно что ни есть ;

Но разна польза , разна честь :

Солдатъ не можешь ты равняться съ генераломъ .

Свѣча имѣла разговоръ ,

Иль паче споръ :

Съ кѣмъ ? съ солнцемъ : что она толикожъ бѣлокура ,

И столько жъ горяча .

О дерзкая свѣча !

Великая ты дура ,

И солнцу говоришь : свѣтло ны въ день ,

А я свѣтла въ ночную тѣнь .

Гораздо мене въ тебѣ безумка жиру ,

И мене въ тебѣ гораздо красоты ;

Избушкѣ свѣтишь ты ,

А солнце свѣтитъ миру .

XXXVII.

Кисельникъ.

Гороховой кисель мужикъ носилъ ,

И конопляно масло :

Кисель носить ево желаніе погасло ;

Такъ ето ремесло кисельникъ подкосилъ ;

Маленекъ отъ него доходъ ; ему потребно

Другое , и другимъ онъ началъ торговать ,

А именно : онъ началъ воровать :

Такое ремесло гораздо хлѣбно .

Замаранья масломъ пшарь ,

Зашла въ олтарь .

Неповинуясь ни Богу ни закону ,

Укралъ изъ олтаря кисельникъ мой Икону ,

И другу своему онъ ето говорилъ :

А потъ ево журилъ :

Кафтана твоего не можетъ быти таже ;

Ты весь отъ масла будто въ сажѣ ;

Пристойно ль въ олтарь въ такой одеждѣ красть ?

Не меньше я тебя имѣю ету спрасть ,

И плащнице почище я имѣю ,

Да я изъ Олтаря украсть не смѣю .

Кисельникъ отѣчалъ : не знаешь ты Творца ,

Отъемля у меня изъ Вышняго надежду :

Не смотришь Богъ на чистую одежду ;

Взираетъ онъ на чистыя сердца .

XXXVIII.

Моспъ.

Трудненько торговать ,

Полегче воровать .

Мужикъ казенной мостъ на откупъ какъ по вытеръ :
 Проходимъ трудности на несъ онъ состо пудъ :

А сверхъ того всегда казенной мостъ былъ худъ.

Къ рѣкѣ пришелъ соколъ , да щука , да Юпитеръ :

Испорченъ мостъ ,

И только голова осталася да хвостъ ;

Не лзя черезъ рѣку перебираться :

Досадно , а не лзя съ купцомъ богатымъ драться :

А епотъ лбѣдникъ , по Русски ето , плутъ ,

И позабылъ со всѣмъ давно ременной жгутъ ,

По Русски кнутъ .

Соколъ на воздухъ , щука въ воду ,

И стали на другомъ прохожи берегу .

Юпитеръ не такова роду ,

И мыслитъ : я летаць и плавать не могу :

Стоитъ задумавшись : посадской примѣчаетъ ,

Что мысли у него гораздо глубоки ,

Поглубже и рѣки :

Иль инко сказать , гораздо далѣки ,

Подалъ берега другога той рѣки :

А по Юпитерски , толико высоки ,

Колико до небесъ отъ моста и рѣки .

О чемъ ты думаешь ? Юпитеръ отвѣчаетъ

Откушцику : я думаю о томъ ,

Что мнѣ на васъ давно пора бросати громъ .

XXXIX.

Воля и Неволя.

Сказалъ песъ волку : волкъ ,

Конечно у тебя несвѣжъ гораздо толкъ ;

Ты только рыщешь ,

И корму ищешь :

А я о кормѣ не тужу;
 Служи какъ я служу;
 Мнѣ жаль тебя полико видя нища.
 Не едакая мнѣ дается пища,
 Какая у тебя.
 Я завтра буду у себя;
 Приди ко мнѣ откушать.
 Приятно въ голодѣ такія рѣчи слушать.
 Пришелъ, и видитъ онъ собаку на крѣпи:
 Во ожерельи песъ, однако на цѣпи.
 Оборотясь мой волкъ уходитъ осторожно.
 Обѣдъ былъ тотъ вопшѣ.
 Бѣжитъ отъ полъ волкъ, бѣжитъ колико можно,
 И прежней пищею питается еще.

XL.

Противу естествовенникъ.

Былъ нѣкой человекъ:
 Такова не было враля подъ небесами,
 И чудесами
 Наполнилъ вѣкъ.
 Являлся ему гораздо часто черти.
 Противу естествовенникъ, какъ мы, подверженъ смерти.
 О лютая печаль!
 Скончался враль:
 Ходилъ купаться,
 Воды излишно почерпнулъ,
 Хлѣбнулъ,
 Сталъ пьянъ, заснулъ,
 Не могъ проснаться.

То свѣдала жена,
 И въ верхѣ рѣки за мужемъ рыщетъ,
 Повыше гдѣ понуль, утопша мужа ищетъ,
 И говоритъ она:
 Противу естества, ему казались черти;
 Рѣка ево несетъ конечно въ верхѣ по смерти.

XLI.

Бубны.

Услышанъ барабанный бой жестокой,
 Въ близи, и на горѣ высокой:
 Война была въ низу, стоялъ путь ратный станъ:
 Тронулся и въ долу подобно барабанъ.
 Къ ружью къ ружью, кричатъ, блядя команду строгу,
 И бьютъ вездѣ тревогу.
 Но все сраженье то безъ крови обошлось:
 Нашлось,
 Въ верху рабята были,
 И въ бубны били.
 Смотря изъ далька, не правъ и не вини,
 И скорѣ не будь въ отвѣтъ:
 Знай вещи инаки въ дали очамъ на свѣтъ,
 Какъ подлинны они.

XLII.

Хромая Лошадь и Волкъ.

Хромова волкъ коня увидѣлъ: вотъ, мой свѣтъ,
 Себѣ сказалъ, тебѣ свѣтъ:

Скажися ты ему, что докторъ ты и лѣкаръ,
 И сверхъ того еще аптекаръ.
 Сказался пакъ, и мнитъ лѣчишь коня.
 А конь ему сказалъ: не прогай ты меня;
 Я конь гораздо грубой:
 И въ зубы далъ ему щелчокъ:
 Еще примолвивъ то: прости волчокъ
 Беззубой,
 То зная каковы кони,
 И помни что лѣчишь умѣютъ и они.

XLIII.

Лисица и Кошка.

Сказала кошкѣ такъ лисица:
 Скажи ты мнѣ сестрица,
 Ты кормишься мышами, въ домъ здѣсь,
 Вѣкъ весь,
 А за это тебя раби, рабыни, хвалятъ,
 И никогда не опечалатъ,
 А я мой другъ,
 Не знаю чемъ прогнивала я слугъ,
 И похвалой себѣ ужъ больше не ласкаю,
 Что дуръ,
 Я куръ
 Таскаю,
 Какъ я сюда приду, встаетъ великой шумъ.
 О чемъ шумятъ, не вображу я въ умъ:
 Бѣгутъ ко мнѣ для драки,
 И люди, и собаки.

XLIV.

Пѣшухъ и жемчужное зерно.

Кто Притчи презираетъ,
 И пользы въ нихъ не зрѣтъ,
 И ни чево себѣ изъ нихъ не избираетъ,
 О людяхъ таковыхъ Федръ ето говоритъ:
 Пѣшухъ нашелъ зерно жемчужно:
 Оно ему не нужно;
 Куда ево дѣвать?
 На шею онъ ево не хочетъ надѣвать.
 Невѣжѣ Федръ ума не умножаетъ.
 Невѣжа умъ, пѣшухъ жемчугъ уничтожаетъ.

XLV.

Лисица и Орехъ.

Ся вамъ Притча то друзья напоминаетъ,
 Глупецъ ученія печется убѣгать,
 И то пренебрегаетъ,
 Чево онъ самъ не знаетъ,
 И тѣ дѣла дерзаетъ поносить.
 Которыхъ онъ не можетъ раскусить,
 И все то кажется ему бездѣлка.
 Орехъ беззубая находитъ бѣлка,
 И въ ротъ:
 Помучилась, не раскусила,
 И выплюнувъ, орехи поносила:
 Какой негодной плодъ!

XLVI.

Верблюдъ.

Когда безумца чтутъ ;
 Не умъ причиною , другое нѣчто чтутъ.
 Верблюдъ гордится спалъ ; верблюда звали въ гости ,
 Въ господской домъ.

Онъ гордости крикъ , шумъ , содомъ ,
 И запясаи всѣ въ верблюдѣ кости.

Идетъ

Въ обѣдъ :

И мысли у верблюда

Поѣсть ему съ серебрянаго блюда.

Онъ только то себѣ спарался вобрзизить ;
 Однако спали тамъ навозъ на немъ возить.

XLVII.

Свинья и Волкъ.

Свинья въ родахъ ; и у свиней
 Рождаются рабятка

А по свиному поросятка.

Лежатъ они при ней ,

И молоко сосунѣ у матери свинятка.

Пришелъ къ ней волкъ ,

Безъ гнѣва ,

И въ двери хлева

Толкъ :

И говоритъ родильницѣ какъ другу :
 Какую мнѣ велишь явить себѣ услугу ?

А я служить готовъ, моя въ чемъ только мочь.
 Свинья отвѣстствуетъ сама ему какъ другу:
 Коль хочешь мнѣ явить услугу,
 Поди отселя прочь.

XLVIII.

Левъ припворившійся больнымъ.

Левъ болѣнъ,
 А въ истиннѣ не болѣнъ онъ,
 И былъ доволенъ,
 Что здѣланъ имъ законъ,
 Ийти къ нему на посѣщенье,
 Всѣ звѣри, воспрять последнее прощенье.
 Лисица не пришла къ нему;
 Причиною тому,
 Что множество звѣрей къ нему въ лѣсъ темный вхо-
 дитъ,
 И ни одна душа отпола не выбродитъ.

XLIX.

Лисица и Курятникъ.

Въ курятникъ пощая лисица въ щель пролезла;
 Куръ пима исчезла;
 Куръ бѣстъ,
 Куръ бѣстъ, и кровь курячю пьетъ.
 Покушавъ, вонъ лисица поспѣшетъ;
 Да брюхо вылезть ей мѣшетъ.

Часть VII.

Каковъ лиса обѣдѣ?
 Попалась лиса въ охабку,
 Хозяину на шапку.

L.

Крокодилъ и Собака.

На той рѣкѣ, слышетъ котора Нилъ,
 Пила собака, пилъ
 И крокодилъ:
 А пилъ собакъ говорилъ,
 Сердечушко мое, подвинься къ крокодилу.
 Она отвѣстствуетъ ему:
 Сердечушко мое, проотивно шо уму,
 Чтобѣ я охотою пошла въ могилу.

LІ.

Олень и Овца.

Вѣ зѣймы просилъ олень себѣ сѣнца:
 Пожалуй, говоритъ, сударыня овца,
 Ссуди меня, и дай мнѣ сѣна два три пунѣ,
 А я отдамъ тебѣ, въ томъ волкъ тебѣ порука:
 Отдамъ тебѣ на срокъ.
 Она отвѣстствуетъ: шаккой урокъ,
 Не для овцы; у волка зубы спроги,
 А у тебя гораздо резвы ноги.

ЛII.

Судно въ морѣ.

Погибнетъ судно въ морѣ,
И вскорѣ
Оно,
Въ послѣдній разъ застонетъ,
Пойдетъ на дно,
Потонетъ.

Тутъ нѣкто на кормѣ у кормщика спросилъ:
Корма иль носъ потонетъ прежде.
Отвѣтилъ ему: въ кормѣ осталось болѣ силъ.
А потѣ сказалъ на то: я смерти жду въ надеждѣ,
Хоть жизни не спасу;
Мой врагъ на кораблѣ въ носу.

ЛIII.

Старикъ и Оселъ.

Старикъ осла когда то пасъ:
Въ потѣ часъ
Услышалъ шумъ; была война въ близи; гадатель
Легко узналъ, подходитъ неприятель.
Старикъ мой сѣлъ,
Не мѣдя, на осла: ступай оселъ;
Оселъ непремѣняетъ
Походки, и тогда.
Старикъ ослу пен етъ,
И палкою осла нещадно погоняетъ.
Рабѣетъ и кричитъ: бѣги; пришла бѣда.

Осея́ отвѣтствуетъ: какой бѣжать напастн?
 Начто потребно мнѣ бѣжать?
 Во чьей ни буду власти,
 Бременъ моихъ ни кто не можетъ умножать.

LIV.

Собаки и Кость.

Въ дѣлахъ безумныя напрасно ждуть успѣха;
 Намѣренія ихъ достойны только смѣха.
 Псы видѣли, въ рѣкѣ большая кость лежитъ:
 Взять легче кость, рѣку мнѣ выпить надлежитъ,
 Рѣку хлебаютъ,
 Водю пучатся, распучась погибаютъ.

LV.

Воробѣй.

Смѣялся воробѣй,
 Въ когтяхъ орла онъ зайца видя:
 Бѣжать умѣй,
 Ты смерти некавидя.
 А ястребъ ту насмѣшку прекратилъ:
 Насмѣшника подобно ухватилъ.

LVII.

Спрѣлокъ и Змѣя.

Глазами голубя спрѣлокъ осѣпиль,
И только изъ ружья въ него намѣпиль,
Змѣя въ правѣ бѣду клубя,
Въ него пустила жало.

Змѣя тебѣ, при томъ, сказати надлежило:
Другова незамай храни себя.

LVII.

Кротъ.

Земля разверзла ротъ:
Изъ норки выползъ кротъ.

Чишатель,

Когда ты славныхъ дѣлъ быть хочешь почитатель;
Изъ устъ моихъ крота исторію вземай!

Кротъ выползъ изъ земли,
Изъ темной вышелъ ночи,
Слепыя вынесъ очи,

Поползалъ онъ, и въ норку влезъ.

Кротъ былъ не зорокъ,

Ни солнца, ни луны не видѣлъ, ни небесъ.

Невѣжи выползли конечно всѣ изъ норокъ.

LVIII.

Дѣвка.

Варутъ дѣвка на рѣкѣ мывъ платье зарыдала,
И въ тяжкой горести объ ещомъ разсуждала:

Какъ замужемъ родитѣ , иль сына , или дочь ,
 А что носила во утробѣ ,
 Увидитѣ то во гробѣ .
 Вообрази себѣ ты дѣвка перву ночь !
 Повеселяе дѣвка стала ,
 И вдругъ захохотала .
 Не плачь , не жасочи , дружечикъ мой ;
 Да платье мой !

LIX.

Левъ и Клопъ.

Клопъ дерзкой льва кусалъ ,
 И вмѣсто яда , вонь на льва бросалъ .
 Поиманъ клопъ : пренецетъ онъ отъ страха ,
 И думаетъ : не будетъ больше праха ,
 На свѣтѣ , моево ;
 Однако левъ не раздавилъ его ,
 Сказавъ ему ! клопы мной вѣчно не попрутся :
 Ты вѣдай то , что львы съ клопами не дерущся .

LX.

Осель дерзновенный.

Здорово братъ , сказалъ осель , когда то , льву .
 Левъ думаетъ : я такъ тебѣ не назову :
 И мнитъ : никакъ осель рѣхнулся .
 Однако левъ
 Не вшелъ во гнѣвъ ,

Лишь только усмѣхнулся,
 И думалъ: естли бѣ ты поблагородный былъ;
 Такъ ты бы эту рѣчь конечно позабылъ,
 И съ нею бы ты, въ вѣкъ, ко мнѣ не припехнулся,
 То вѣдая тогда,
 Что брашомъ девъ ослу не будешь никогда.

LXI.

Хвала и Хула.

Указовъ истинцы когда молва не въ силу;
 Пустой лишь только звукъ, и громкая хвала,
 И громкая хула.
 Не знаю кто сказалъ, какому то зоицу:
 Меня ты жулишъ другъ возлюбленный всегда,
 А я тебя хвалю всегда;
 Однако намъ ни кто не вѣршитъ никогда.

LXII.

Угольщикъ.

Когда худа родня, такія же сосѣды,
 Такія же друзья, такія же бесѣды;
 И чистыя сердца чернятся иногда.
 Не сообщайтесь съ плутами никогда!
 Гдѣ угольщикъ живетъ, тамъ черныя собаки,
 И бѣлыя, въ дому, все цвѣшомъ одиноки.

LXIII.

Ученой и Богачъ.

Разбило судно ;
 Спасается трудно ;
 Жестокой вѣтръ , жесточе какъ палачъ ;
 Спаслись однако шупъ , ученый и богачъ .
 Ученой разжился , богатой вѣ горѣ .
 Наука вѣ головѣ , богатство вѣ морѣ .

LXIV.

Меналькъ и Палемонъ.

Меналькъ и Палемонъ пасли стада вѣ долини ,
 Не зная что любовь ;
 Не загорѣлась ихъ еще сѣй страстью кровь ,
 И думали они лишъ только о скотинѣ .
 Имена близко шупъ своихъ овецъ пасла ,
 И вѣ сѣтъ любовную Меналька занесла .
 Горитъ , печалится , горитъ Меналькъ и спраждетъ :
 Не сполько , вѣ жаркѣй день скотина пипи жаждетъ ,
 Какъ страстью жаждетъ онъ .
 Уже ево овецъ деленитъ Палемонъ ;
 Меналькъ о стадѣ не печется ;
 По всякой часѣ къ Именѣ мчется
 Былъ долженъ узы онъ молчанья разорвать ,
 Любовь открытъ , и что любовь исполковать .
 Кслико говоритъ любовна страсть приятна ,
 Когда сердца къ утѣхѣ распалитъ ,
 Тодико гресна , когда сна развратна :
 Меня ни что не веселитъ :

Страдаю при тебѣ, терзаюся заочно:

А естли взглянешъ ты, когда,
Приятно на меня, хотя и неарочно,

Отъ радости, тогда,

Я виѣ себя бываю,

И все на свѣтѣ забываю;

Но вдругъ пускаю сонъ,

Что то пустой былъ сонъ.

И только гдѣ твои ступили ноги,

Мнѣ милы тѣ драгая и дороги.

Ты мнѣ

Всеночно видишия во снѣ.

Я часто мыслию тебя милую,

И сладостно горю,

Съ тобою говорю,

Тебя цѣлую.

Молчи коль то любовь; во злую

Вошла уже я страсть.

О лютая напасть!

Я чувствую страсть ону.

Меналькѣ! я сто все имѣю къ Палемону.

Сей учишь, насъ,

Расказъ,

Чтобъ мы поменше врани,

И не наладивъ струнъ на скрыбкѣ не играли.

LXV.

Угадчикъ.

Отъ лютого судьи не можно зберечись,

И щещино бѣдному о томъ печись;

3 5

Не будетъ никогда конецъ. ему успѣшенъ,

Спрашннѣ дьявола неправедной судья,

Покамѣсть не повѣшенъ.

Объ этомъ басенка моя.

Такое было дѣло:

Угадчикъ осужденъ,

Открышь угадку зрѣло,

А ежели не такъ, умрети принужденъ.

Угадчикъ передъ судъ пришелъ, безъ страха, смѣло,

И думаетъ: за то мнѣ смерти не видашь;

О чемъ помышляю я, удобно отгадашь.

Судья послѣдую злодѣйскому уставу,

Имѣвъ людей казнить великую забаву,

Взявъ ласточку въ кулакъ, и вотъ ево слова:

Скажи мнѣ, ласточка мертва, или жива:

А думаетъ онъ такъ, когда толъ мертва скажетъ;

Такъ живу онъ ее угадчику покажетъ:

А ежели, живой, угадчикъ объявитъ;

Такъ онъ ее въ рукъ сожметъ и умертвитъ.

Угадчикъ отвѣчалъ: жива ль она, или мертва,

Ты лютой челоуѣкъ, а я злой смерти жертва.

LXVI.

О слова кожа.

Былъ оселъ, и всякой день

Отъ хозяевъ былъ онъ битъ, часто погоняли,

Подъ беременемъ за лѣнь,

Всякой часъ они ему палкою пѣняли.

Умеръ сей несчастный звѣрь,

Окончалъ онъ бѣдну жизнь и труды несносны:

Успокоился шепѣрь;

Но хозяева ему и по смерти злосны,

И не помня прежнихъ ранъ,
 Какъ бивали по спинѣ, въ голову и въ рожу,

Продали на барабанъ,
 Доброва работника, за работу кожу.

Пересѣлся вѣкъ вопиѣ,
 Чтобъ избавиться ослу, палокъ и убоя:

И по смертнн бьютъ еще,
 Часто палками ево, посреди покоя.

Оплачуся суеты,
 Еспьли бѣ чувстввовалъ ты боль; въ злой бы въ вѣкъ
 былъ долѣ;

Преблагополученъ ты,
 Что не чувствуешъ оселъ ты побоевъ болѣ.

Всѣхъ минется тварей вѣкъ:
 Что родится, то животъ смертью заключаетъ;

Будь доволенъ человекъ,
 Что твои конечно смертъ суеты скончатъ.

LXVII.

Спреказа.

Въ зимнѣ время, подаянья

Проситъ жалко спреказа,

И заплаканны глаза,

Тяжкова ея спраданья,

Представляють видѣ.

Муравейникъ посѣщаетъ,

Люту горестъ извѣщаетъ,

Говоритъ:

Спражду;

Сжался, сжался муравѣй,

Ты надѣ бѣдностью моею,

Ушли мой алчѣ и жажду!

Разны муки я терплю :

Голодъ ,

Холодъ

День таскаюсь , ночь не сплю.

Въ чемъ прудилась ты въ лѣто ?

Я скажу тебѣ и ето :

Я вспѣвала день и ночь.

Коль такое ваше племя ;

Такъ лети опселя ты прочь ;

Поплясаши время.

LXVIII.

Мореплаватели.

Встала буря , вѣтры дуютъ ,

Тучи помрачили свѣтъ ,

Воды , разъярясь , волнуютъ ,

Море плещетъ и реветъ.

Корабельщики спонзуютъ ,

И въ отчаяннн кричатъ :

Что значатъ они не знаютъ :

Мачты ломаются , прещатъ.

Вдругъ настала перемена ,

Возвратилась тишина ,

Скрылась сѣдая пѣна :

Усмирѣла глубина.

Зря желанія успѣхи,
Страхъ и горестъ погубя,
Мореплавыцъ средъ успѣхи,
Отъ веселья внѣ себя.

Научимся симъ ненастемъ,
Внѣ себя не быть когда;
Въ жизни щастье со нещастьемъ
Премѣняется всегда.

Конецъ II. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ТРЕТІЯ.

П Р И Т Ч И

КНИГА ТРЕТІЯ.

І.

Саширѣ и гнусныя Люди.

Сквозь темную предъ окомъ шучу,
Взгляни чипшпсель ты
На свѣшски суемы!

Увидишѣ общаго дурачества шы кучу;
Однако, для ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда, не шевели ево;
Основанна сія надъ страшнымъ кучи адомъ,
Наполненна различнымъ гадомъ,
Покрыта ядомъ.

Съ великимъ пастухи въ долину были спадомъ.
Когда?

Не думай, что тогда,
Когда, для человека,
Текали часы златова вѣка,

Когда еще наукъ премудрость не ввела,
И въ свѣтѣ истина безъ школъ еще цвѣла,
Какъ не былъ чинъ еще достоинства свидѣтель,
Но добродѣтель:

И словомъ я скажу, вопшъ епо на конецъ:
Реченны пастухи вчера пасли овецъ.
По всякой день у нихъ была тревога всяка:
Вздоръ, пьянство, шумъ и драка,

И словомъ пакъ :

Изъ пашва эдѣлаи они себѣ кабакъ :

Во гладку ,

И въ брюхо , и въ бока ,

На мѣсно молока ,

Цѣдили водку ,

И не жалѣлъ ни кино , ни зубъ , ни кулака .

Кабашной некипарѣ сей имѣючи лѣтъ двомъ ,

А бѣшеную жизнь имѣвъ небеснымъ царствомъ .

Ошѣ водки голова болитъ ;

Но водка сердце веселитъ :

Молошное пиво не диво ;

Ево хмельнай и пиво ;

Какое жѣ имѣ пиво и пиво ,

Коль водки не купишь ?

А деньги для чево инова имѣ конитъ ?

Вѣ лѣсу надѣ доломъ симъ Саширѣ жилѣ очень близко ;

И лварію ихъ онѣ презрѣнною считалѣ ,

Что низки пакъ они , живущѣ колико низко .

Всегда онѣ видѣлъ ихъ , всегда и хахопалѣ ,

Что нѣтъ ни чести шупѣ , ни разума , ни мира .

Поймали пастухи Сашира ,

И бьютѣ сево ,

Безѣ милосердія , невинна Демокрита .

Не видитѣ помощи Саширѣ ни ошѣ ково ;

Однако Панѣ пришездѣ спасити Сашира бита :

Сашира опилалѣ онѣ , и говорилѣ имѣ Панѣ :

За что подѣлали ему вы сполько ранѣ ?

Напредки меньше пѣйте ;

А что смѣялся онѣ , за что себя вы бѣите .

А ты , въ передѣ , мой другѣ ,

Ко наставленію , не дѣлай имѣ услугѣ ;

Опасно наставленіе строга ,

Гдѣ звѣрства и безумства много .

II.

Пшаха и дочь ея.

Какая то во ржи жила на нивѣ пшаха,
 А съ нею дочь ея жила:
 На нивахъ жатва ужъ была;
 Такъ жителъницамъ симъ то было не безъ страха:
 И прежде нежели зачнутъ шу ниву жать,
 Имъ должно отвѣзжати:
 Въ другое мѣсто перебраться;
 Чтوبъ имъ со жательми на жатвѣ не подраться.
 Мать вышла вонъ на часъ, не вѣдаю куда,
 И дочкѣ говоритъ: когда
 Придетъ хозяинъ нашъ на ниву:
 Имѣй головку нелѣнivu,
 Ты дочь моя тогда:
 Послушай что онъ скажетъ,
 И что слугамъ прикажетъ.
 Какъ мать приѣхала домой по томъ,
 Кричала дочь объ етомъ дѣлѣ:
 Ахъ, матушка моя, пора, пора отселя:
 Оставимъ етомъ домъ:
 Пора, пора отселя;
 Хозяинъ приказалъ друзей на жатву звать,
 И взвтрѣ станутъ жать;
 Пора душа моя отселя отвѣзжати.
 Мать ей отвѣтъствуетъ: не бойся радость;
 Не искусилася твоя о дружбѣ младость;
 Не будутъ жать, ей, ей!
 Друзья не жали;
 На нивѣ не было друзей;
 Тому причина та: друзья не приѣзжали.
 Поотлучилась мать,
 Вѣла рабенку шутъ молву внимати.

Хозяинъ приходилъ : ихъ хочетъ домъ ломать ,
И звать послалъ родню ; вить ихъ не нанимать .
Дочь то же говоритъ какъ матушку встрѣчаетъ :

А матушка ей то же отвѣчаетъ :

Севодни и вчера слова у нихъ одни.

Во учрежденномъ дни ,

На нивѣ не было родни ;

Родня не прибѣжала ,

И хлѣба не пожала .

Пооплучилась мать ,

Вѣля рабенку шутъ молву внимать .

Прибѣхала обратно мать ;

Пришло репортовать :

Съ дѣтьми и со слугами ,

Хозяинъ взвѣтрѣ хлѣбъ намѣрился пожасть ,

И говорилъ : сожнемъ мы брашцы хлѣбъ и сами .

Мать ей отвѣтствуетъ , то мя распоряжать :

Когда хлѣбъ хочетъ самъ уже хозяинъ жать ;

Пора душа моя отселѣ отбѣзжать .

III.

Волкъ и Козленокъ.

Козленка волкъ поймалъ и растерзати хочетъ :

Козленокъ не хлопчетъ ,

То вѣдая , что волкъ несклонной молодецъ ,

И мыслитъ : ну пеперь пришелъ ужъ мой конецъ .

Единымъ жизни онъ довольствовадся лѣтомъ ,

И разлучается со свѣтомъ .

И говорилъ онъ такъ :

Когда слезами весь ево кропился зракъ ,

И всѣ дрожали члѣны :

Простите рошцы и вы луга зблены ,

Прекрасныя цвѣтки и быстрыя струи :

Простите на всегда поварищи мои ;

Въ сей часъ я всѣ свои

Забавы позабуду ,

И съ вами на лугахъ я прыгать ужъ не буду.

А хищникъ говоритъ : попрыгай и у насъ ,

Какъ прыгаютъ у васъ.

Отвѣтствуетъ козленокъ :

До прыганья ли мнѣ въ прегорестный сей часъ ;

Отъ страха не могу поднять и колънокъ.

Волкъ пѣсню зашпунувъ козленка веселитъ ,

И передъ смертію плясать ему велитъ.

Услышавъ волчій вой къ разбойнику для драки

Бѣгутъ ; отъ стада собаки.

Волкъ инако запѣлъ :

А именно въ зубахъ собачьихъ захрипѣлъ.

О естли бѣ такъ всегда спѣсенный свободдался ,

А утѣснитель такъ по волчью награждался !

IV.

Соловей и Кошка.

Не на зѣленой вѣткѣ ,

Пѣлъ нѣгдѣ соловей , но въ золоченой кѣткѣ.

Межъ пѣнья своево ,

Взираетъ изъ окошка.

Влюбилася въ него ,

Хозяйска кошка ;

Послушать пѣсенъ подошла ,

И мыслитъ , я обѣдъ хорошенькой нашла.

Подшедша говоритъ : пречуднова ты нрава ,

Любезный соловей :

Я это говорю по совѣсти моей ;

Когда пвоя вся слава ,

И вся швола забава,
 Въ поиманьи сидѣшь.
 Онъ ей отвѣтствовалъ: куда себя мнѣ дѣшь,
 Когда моя несчастна доля?
 А въ прочемъ можетъ ли приятна быть неволя?
 У кошки на умѣ обѣдомъ овладѣшь;
 Такъ кошка похваля свободѣ начинаетъ,
 И живо соловью ее напоминаетъ:
 Вообрази себѣ ты ясны небѣса,
 Попроки быстрыя, зѣленья лѣса,
 Луга цвѣтами испещренны,
 Рукою естествова безъ злата ухищренны:
 Воспомни въ воздухѣ сладчайшій ароматъ:
 Шахъ, шахъ дала ему, и скоро будетъ матъ.
 Задумалася птичка:
 Безъ пѣсенъ соловей таковъ же, какъ синичка;
 Но кошкѣ въ пѣсняхъ нужды нѣтъ;
 Потребенъ ей обѣдъ.
 Хотя хозяина я симъ и позамаю;
 А клѣшку разломаю,
 Лети ты вонъ мой свѣтъ,
 Такъ кошка говоритъ: и вонъ ево зоветъ.
 Сей дружеской совѣтъ,
 Ни мало не опасенъ;
 Пѣвецъ на то согласенъ.
 Что жъ было на конецъ?
 Пѣвецъ
 Оставля свой разумокъ,
 Изъ клѣшки къ ней въ желудокъ.

V.

КОШЪ И МЫШИ.

Былъ котъ и взятки бралъ :
 Съ мышей онъ кожи дралъ ,
 Мышей гораздо мучилъ ,
 И столько имъ искучилъ ,
 Чиня всегда содомъ ,

Что жительство мышей , а именно потъ домъ ,
 Казался жителямъ симъ капоргою лютой ;

Свирѣпой потъ
 Мучитель , котъ ,

Десятка по два ихъ щелкалъ одной минутой.
 Ненасыпимый котъ и день и ночь акалъ ,
 И цѣлу армию мышей перещелкалъ.

Вся помочь имъ опъ ногъ ; однако худы шанцы ,
 Въ которыхъ можно захрампы :

А можетъ быть еще и ноги изломать ;
 Зарылись на конецъ они въ подполье въ шанцы ;
 Чтوبъ котъ не могъ ихъ болѣе замать :

И ни одна оптолѣ не выходитъ ;

Ни мышачья хвоста котъ больше не находитъ ,
 И тщетно разѣваетъ ротъ :

Постигся котъ :

Прошли коповы хватки ;

Простите взятки !

Подъячій ! знаешъ ты ,

Какъ мучатся копы ,

Которы ни чево содрать не могутъ болѣ ,
 И сколько тяжело въ такой страдати долѣ.

Сыскалъ мой котъ себѣ подъяческой крючокъ :
 Умыслилъ дать мышамъ онъ новенькой щелчокъ ,
 И задними онъ гвоздь ногами охватилъ ,

А голову спустилъ ,

Какъ будто онъ за то , что грѣшенъ .

Повѣшенъ ,

Являя, что мышамъ уже свободной путь :
 И льстится мой мышей подъячій обмануть.
 Не слышно болѣ разбойникова шуму ;
 Такъ мыши здѣлали въ подкопѣ думу ,
 Не отступилъ ли прочь герой :
 И изъ коллегіи всѣ выступили въ спрой :
 И чтя коша не за бездѣлку ,
 Выглядывающѣ только въ щелку
 Увидѣли , что котъ ихъ живъ ,
 И лживъ ;
 Ушли назадъ крича : по прежнему котъ бѣшенъ ,
 По прежнему съ насъ котъ стремится кожи драть ,
 И взятки брать ,
 Хотя ужъ и повѣшенъ .

VI.

Пармской сырѣ.

Рогата спутника лиса увидѣвъ мира ,
 Почла ево остаткомъ сыра .
 Но гдѣ тогда была луна ?
 Была въ колодезѣ она ;
 Извѣстно по , что на небо не вспрынешъ ,
 А въ ямѣ спутницу старухину доспанешъ .
 Взманилъ кусокъ лису ,
 И говоришь она : легохонько опшолѣ
 Я ето унесу :
 Сіятельнѣйшій сырѣ ! уже въ моей шкѣ волѣ :
 А я
 Нижайшая служница швола .
 Начто ей мѣдлить болѣ ?
 Лисица , въ мигъ ,
 Въ колодезѣ прыгъ ;

Но боги збѣлали незпно сырѢ водою ,
 Колодязь ей бѣдою.
 Что хочешѢ вымышлять изволь ;
 Не вылѣзешѢ опшоль.
 Лисица силился и скачетѢ ,
 Лисица мучится и плачетѢ :
 Не сырны памѢ ей дни ; мокроядѣнье , постѢ ;
 Лисица опустила хвостѢ :
 Лиса страдаетѢ ,
 И смерти ожидаетѢ ;
 Но и вѢ опчаянѣи нашла лисица толкѢ .
 ШелѢ мимо волкѢ :
 Лисица говоритѢ : изволишѢ ли обѣдать ,
 И сыру пармскова дражайшій кумѢ отвѣдать ?
 УжѢ я симѢ кушаньемѢ насытила себя :
 А что осталось ; пакѢ ето для тебя .
 РазвѣсилѢ уши волкѢ и губы ,
 И скалитѢ зубы .
 СілетѢ сырѢ вѢ очахѢ у волка и вѢ умѢ ;
 ПрыгнулѢ дражайшій кумѢ кѢ возлюбленной кумѢ .
 ИзѢ волка кумушкѢ кумѢ лѣсенку поставилѢ :
 Куму избавилѢ :
 Кума опшоль вонѢ :
 А онѢ
 Опшоль вылетѣть ни выпрянуть не можетѢ ,
 И пармской сырѢ еще по нынѢ тамо гложетѢ .

VII.

ВолченокѢ собакою.

Волчонка взялѢ пастухѢ и выросилѢ его ,
 У стада своего .
 ВолчокѢ овцамѢ добра желаетѢ ,
 И на волковѢ по песью летѢ ;

Тому причина та, что спалъ онъ вѣрный рабъ;
 Причина вѣрности, волчокъ гораздо слабъ:
 А ясно объявить не въ скользъ, но почнымъ толкомъ:
 Волченокъ нашъ волчокъ; еще не спалъ онъ волкомъ.
 Теперь онъ братъ овецъ:
 Какъ выростетъ со всѣмъ, такъ будетъ имъ отецъ;
 Однако въ дѣлѣ колкомъ,
 Не прямо вѣдомъ мнѣ предбудущій ихъ рокъ;
 Такъ трудно прорѣкать: да я жъ и не пророкъ,
 Но молваю на угадъ: волкъ, чаю, будетъ волкомъ:
 А подлинно сказать конечно не могу:
 А ежели скажу; такъ можетъ быть солгу.
 Волкъ выросъ, спитъ пастухъ когда то крѣпко ночью,
 А волкъ собрався съ мочью,
 Ужъ дѣлаетъ не такъ:
 Сперва зарѣзалъ онъ, ловарицей, собакъ,
 И принялся за стадо,
 Скотъ рѣжа какъ Троянъ подъ Троей Ахиллесъ:
 По томъ нашъ волкъ пастушье чадо,
 Подъ лаврами пустился въ лѣсъ,
 И тамъ побѣдоносно скачетъ:
 Пастухъ проснувся плачетъ.
 Поплачь дуракъ,
 А въ предки изъ волковъ не дѣлай ты собакъ!

VIII.

Волкъ Пастуховъ другъ.

Былъ волкъ и былъ пастухъ:
 У волка былъ не волчій духъ:
 Являли такъ ево притворны виды:
 Не дѣлаетъ обиды,

Волкъ епотъ ни кому ;
 Пастухъ повѣрился ему ,
 Какъ вѣрну другу своему .

Пастухъ мой съ волкомъ ладитъ ,
 И друга своево спася отъ сабакъ ,
 Въ пастушье платье рядитъ ,
 И ходитъ иногда съ нимъ онъ и на кабакъ ,
 И ловко съ волкомъ подбиваетъ ;
 Такъ мой пастухъ и пьянъ бываетъ ,
 И пѣсни голосомъ онъ волчьимъ попѣваетъ :
 Высоко мѣрю музыку онъ беретъ ,
 И горло все деретъ :
 Вспѣвая по бурлацки :
 А по просту сказать : вспѣваетъ по дурацки ,
 И по разбойничью кричитъ :
 Всею улицу встревожитъ онъ рачитъ .
 Волкъ лѣстью и обманомъ ,
 Съ безмозглымъ за стаканомъ ,
 И другъ и сватъ
 И братъ .

Средь ночи нѣкогда пришли они ко стаду :
 Пастухъ гребетъ ко сну , а волкъ ко кладу :
 И хитрый мой ловецъ ,
 Десятка полшара , а можецѣ быть и болѣ ,
 Зарѣзалъ тушъ овецъ ,
 И ихъ перетаскалъ съ кварталы по револѣ .
 Проснувшись пастухъ увидѣлъ волчью лѣсть :
 А гдѣ дѣвался волкъ легко по было свѣдать ;
 : Пошелъ обѣдать .
 Казался честенъ волкъ ; какаѣ въ волкъ честь !

IX.

Песѣ нешерпящій нападенія.

Не знаю какъ зашодши въ лѣсѣ ,
 Съ волками жилъ какой то песѣ .
 Что волчье ссѣство суровенько и гнѣвно ,
 Извѣстно ето намъ ;
 Мой песѣ съ волками шамъ ,
 Грызется повседневно .
 Хоть шерсть у волка и густа ;
 Однако песѣ до ребръ волковъ въ лѣсу хватаетъ ,
 И ребры у волковъ считааетъ ,
 И волчьи шамъ кишки какъ мипки онъ мощаетъ :
 Иной волкъ тамо безъ хвоста ,
 Иной безъ уха ,
 Иной безъ бока , иль безъ брюха ;
 А все тому причина песѣ ,
 Который шамъ коробитъ лѣсѣ ,
 Какъ Трою Ахиллесѣ ;
 Однако песѣ не виненъ ,
 И чиненъ ;
 Не тронетъ ни ково ,
 Когда не трогаютъ его :
 А ежели кто тронетъ ;
 Застонетъ ;
 И закричитъ ,
 И побычачью зарычитъ :
 Заплачетъ :
 И можетъ бышь еще о трехъ ногахъ лоскачетъ .
 Вездѣ о псѣ молва ,
 И въ волчьемъ обществѣ поносныя слова ,
 Что онъ ссѣдей гложетъ ,
 И что почти ни съ кѣмъ ужиться онъ не можетъ .
 Повсюду волки то звонятъ ,
 И пса бранятъ ;

Бездѣльникъ волкъ по ихъ примѣтѣ :
 Но что написано у пса на нихъ во отвѣтѣ ?
 Безъ васъ я былъ бы всѣхъ смиреня псовъ на свѣтѣ :

Х.

Война за бабки.

Два въ бабки мальчика играли :
 И бабки зорали :
 Къ войнѣ за бабки собрались ,
 И подрались
 Когда рабятки подурили ;
 Довольно , чтобъ отцы рабятковъ пожурили :
 Или съ отеческой грозой ,
 Посѣкли ихъ лозой ;
 Но чадолюбіе отцамъ не по пвердило ;
 Оно болвановъ разсердило :
 И думаютъ они : вопъ то диня мое ,
 А по швое ;
 И слѣдственно мое мнѣ мило :
 Твое постыло .
 И чтутьъ судящія родителн спазъ ,
 Изъ книги самой знашной ,
 Хошя и непечашной ,
 Кто мнѣ милый , такъ тошъ и правъ .
 Одинъ взялъ мальчика чужова ,
 Другой другова :
 Тотъ выдралъ пукъ волосъ и подписалъ указъ ,
 Крича : не прогай насъ .
 Другой , не говоря ни слова ,
 У мальчика вонъ вышибъ глазъ .
 За гривы и ошцы другъ у друга берутся :
 Судьи дерутся :

Хоть были на судѣ не сходны вѣ голосахъ ;
 Однако сходно шрутся ,
 И руки одново ихъ мнѣнья вѣ волосахъ .
 Другъ друга плотно жали :
 Сосѣды прибѣжали .
 Взбѣсались бранцы вы , сосѣды говорящѣ .
 Сосѣды ихъ мирящѣ ;
 Но что за мирѣ ; одно дилля хохолѣ поправитѣ ,
 А глаза вѣ лобѣ ни кшо другому не поставитѣ !

ХІ.

Пѣни Адаму и Евѣ.

Женѣ крестьянинѣ говорилѣ ,
 Иль паче праотцевѣ предѣ нею онѣ журилѣ :
 Когда бы Адамѣ и Ева !

Не скушали плода съ заказаннава древа ;
 Я жилѣ бы какѣ хопѣлѣ ,
 И надѣ сохою бы трудяся не пошѣлѣ :

Бранищѣ Адама ,
 И кавалерѣ и дама .

Услыша господинѣ Адаму бранѣ ,
 И что поестѣ мужикѣ женѣ несвойску дрянѣ ,
 Крестьянина зоветѣ болгарскихѣ щей опшѣдать :
 И мужа и жену кѣ себѣ зоветѣ обѣдать .

Госповѣ покрытый столѣ
 Поставленѣ на столѣ молодой нѣжнѣйшій волѣ :

А попросту пѣленокѣ ,
 Копорый только чудѣ лишѣ вышелѣ изѣ пѣленокѣ ;
 Илѣбѣна , ушка , гусь , бораній съ кашей бокѣ ,

Сѣинья капчона ,
 И съ курицей пирогѣ :
 Яичница , дрочена ,

Курдюкъ ордынскія овцы,
 Щи, попрохъ и рунцы.
 Къяся мой мужикъ; да ето и не чудо;
 Вотъ ето только худо:
 Одно закрыто блюдо:
 И раскрывашь ево
 Не вблено, ни для ради чево.
 На единъ какъ вѣрну другу,
 Супруга говоритъ супругу:
 Посмотримъ муженекъ, какое ѣство тутъ.
 Ахъ, жонушка, не лъзя; э ето такъ толкнутъ,
 Что мы не скоро встанемъ:
 И развѣ отъ дубины впрянемъ.
 Однако, муженекъ и душенька моя!
 Иль баринъ нашъ ворожея?
 Когда ему о томъ ни кто изъ насъ не скажетъ;
 Такъ чемъ онъ то докажетъ?
 И впрямъ такъ жонушка: а крышка не крѣпка;
 Печати нѣтъ на ней и нѣтъ на ней замка.
 Раскрылась крышка:
 А тамъ сидѣла мышка,
 И выскочила вонъ;
 Прешелъ мужикъ законъ.
 Слова боярскава мышонокъ не забудетъ;
 Однако ужъ назадъ не будетъ.

XII.

Новой календаръ.

Порядокъ естества умѣетъ Богъ уставить,
 И въ естествѣ Себя великолѣпно славить.

Къ Юпитеру принесъ крестьянинъ календаръ ,

И расписалъ подробно ,

Ко хлѣбородію для года чпо способно :

Когда потребенъ дождь , сушь , холодъ , жаръ .

Онъ книжку шу подноситъ ,

И проситъ ,

Чпобъ было полько шо лишъ ради нивъ ево .

Юпитеръ опвѣчалъ : я самъ шово

Не здѣлаю , опричь тебя ни для ково ;

Я больше разума имѣю ,

И здѣлаю календаръ получше я умѣю :

А ежели когда бываетъ онъ и худъ ;

То тайна еспесива и праведенъ мой судъ .

Крестьянинъ етому не вѣритъ :

Вотъ такъ шо , мыслитъ онъ , Юпитеръ лицѣмъ вѣритъ .

Когда бы въ небесахъ между боговъ я жилъ ;

Со вѣмъ бы естество не такъ расположилъ ;

Всегда бѣ была весна , всегда цвѣли бы розы ,

И не было бѣ зимы ;

На что морозы ?

И въ вѣкъ бы не пахали мы :

Не молвилъ бы погда прикащикъ : вы лѣнныы :

И хлѣбъ давали бѣ намъ неселянныя нивы .

А ето что за сѣтъ !

Весь годъ покою нѣтъ .

Рождались бы собой домашнія потребности :

Съ горохомъ пироги , печоны хлѣбы :

А я бы на пѣчи непопленой потѣлъ :

И гусь бы жареной на столъ ко мнѣ летѣлъ .

Настало : кончилось ево желанно лѣто :

А здѣлалось вотъ ето :

Не возвратился въ деревню сѣмена :

И съ нивъ мужикъ пожалъ ихъ полько имена .

XIII.

Надутый гордостью Оселъ.

Оселъ везъ дровни : въ нихъ стоить большой кумиръ ,
Збѣгается весь миръ ;

Безумныя народы ,

Противу разума и чувствія природы ,

Зовутъ ево владыкой и ошцомъ ,

И господомъ творцомъ :

На землю падая , въ громогласномъ крикѣ ,

Творятъ моленіе вселенныя владыкѣ.

Ни кто и намѣкнувъ слово погда не могъ ,

Что ѣдетъ то не Богъ ;

За это мудреца не палкой приударятъ ;

Изжарятъ ;

Кому захочется пропасть ?

Мала у разума : у силы больше власть.

Кричатъ и мудрецы , не только прошчи люди :

О Творче милосивъ ко твари вѣчно буди !

Присвоилъ шутъ оселъ себѣ топъ весь поклонъ ,

И думаетъ , Богъ онъ :

Кричитъ : я , я вселенной обладатель ,

Земли и небеси создатель ,

И блага всякаго податель.

Не долго былъ оселъ въ прешажкой сей винъ ;

Ударили ево дубиной по спинѣ ,

И глупому ослу то ясно показали ,

И доказали ,

Сломивъ дубиной гордый рогъ ,

Что онъ оселъ не Богъ.

XIV.

По трудахъ на покой.

Жила, была вдова: а у вдовы былъ сынъ,
 И только былъ одинъ:
 Рабенокъ лѣтъ десятка.
 Любила сына матка,
 На свѣпѣ болѣе всево,
 И нѣжила ево.
 У малова была извадка:
 Иль, можетъ быть, и страсть:
 Охотникъ былъ онъ красть.
 Накралъ у тетушекъ чепцовъ и шапокъ:
 А на конецъ укралъ у мапери подкапокъ:
 О всемъ извѣстна мать;
 Однако мать
 Не хочетъ мальчика замать:
 А я бѣ велѣлъ ему все ребры изломать.
 Ужъ мальчикъ мой дѣтина;
 Не шапки на умѣ у мальчика, скотина;
 Барана стибрилъ онъ, по томъ быка: она
 Не прогасть ево; стяни хотя слона;
 Но сколь та гадина велика,
 Толика,
 У кражи едакой огромна и прилика:
 Да тамъ же крѣпкой караулъ:
 А то бѣ дѣтина мой слона конечно здулъ.
 И то прискучилось дѣтинѣ;
 Не мыслитъ больше о скотинѣ;
 Сосѣдни кѣпти сталъ ломать:
 О всемъ извѣстна мать;
 Однако мать
 Не хочетъ сына позамать.
 Прискучилось ему по кражамъ увиваться;
 Въ разбойники пошелъ дѣтина добиваться:

Трудился долго памѣ дѣшина мой :
 И лѣзигѣ на покой.
 Рыдаетъ мать и сына обнимаетъ ;
 И жалостно ево ко сердцу прижимаетъ.
 Прощался съ ней сынѣ , отгрызѣ у дуры носѣ ,
 При вѣчной говоря разлукѣ ,
 Любезной матери , негодной есей сукѣ ;
 Причина ны , что я повѣсою возросѣ.

XV.

Сѣкира.

Рубилѣ мужикѣ дрова у самыя рѣки ,
 Въ которей воды глубоки :
 Упалѣ топорѣ на дно : мужикѣ надѣ нимѣ страдаетѣ :
 И плачетѣ и рыдаетѣ ;
 Потерянѣ день : пройдетѣ дрова рубить порѣ :
 Да жалѣ я топора ;
 Безѣ денегѣ епова ни кто не дастѣ на рынкѣ ;
 Хотя для дровѣ ,
 Да на воровѣ
 И много топоровѣ :
 А денегѣ у него гораздо мало въ кринкѣ.
 Меркурій сжаливѣся приходитѣ на рѣку ,
 И общаетѣ мужику ,
 Что онѣ по дну рѣки порыщетѣ ,
 Сѣкиру сыщетѣ :
 И мужику
 Онѣ сиру ,
 Зашую подаетѣ сѣкиру.
 Кричитѣ мужикѣ : сѣкира не моя :
 Даетѣ серебряну : и еша не моя .

Даетъ желѣзную: вотъ ето то моя,
 И ету упустилъ на етомъ мѣстѣ я:
 Я золота и сребра и въ домъ не имѣю,
 И лгати не умѣю:

Не всякъ такъ честно говоритъ:
 Меркурій за ето ему и тѣ даритъ.
 Другой увидѣтъ то, въ рѣку топоръ кидаетъ,
 И пакъ же какъ и тотъ рыдаетъ,
 И золотой сѣкиры ожидаетъ.
 Меркурій говорилъ нахальну мужику:
 Искати топора ты самъ поди въ рѣку.

XIV.

Раздѣлъ.

Съ великимъ малому имѣть опасно дружбу:
 Загаркали: походъ, война, идутъ на службу;
 Но кто герон тѣ? оселъ, лисица, левъ:
 И разбѣряются геройски души.
 Ружье лисицѣ хвостъ, ослу большія уши,
 А льву ужасный зевъ:
 Изъ зева смерть и гнѣвъ:
 Взоръ люта звѣря блещетъ,
 И лѣсъ
 Трепѣщетъ:
 Не Геркулесъ,
 Во кожѣ львиной:
 Съ разбойничей дубиной,
 Приходитъ ко лѣсамъ;
 Во львиной кожѣ левъ шуда приходитъ самъ:
 И кто имъ встрѣтятся нещадно всѣхъ караетъ,

Имѣя брань :
И собираетъ
Дань.

По добычи домой пустился,
Съ побѣдой возвратился :

И коихъ онъ звѣрей геройски одолѣлъ,
Ослу велѣлъ

Дѣлити, на три части.

Оселъ мой знаетъ то давно,

что должно раздѣлять наследіе равно ;
В ословой спороны былъ сей дѣлежъ безъ страсти :

И сверхъ того еще указы такъ велѣтъ ;
Дѣлятъ ;

Но части не исправны ;

Причина, что все равны.

Прогнѣвался мой левъ и заушилъ осла,
казавъ : ты епова не смыслишь рѣмсла,
и мои правила въ дѣльбѣ со мною главны.

Оселъ : охъ, охъ !

И вдругъ издохъ.

А левъ велѣлъ лисѣ дѣлить находку :
и хочется лисѣ ийти во львову глотку ;
и овишь едину часть и часточку съ кулакъ ,

Лисица положила ,

И другу удружила.

но, левъ спросилъ , тебя училъ дѣлити такъ ,
что ты мнѣ едакъ услужила ?

Лиса туда сюда хвостпишкомъ вертъ ,
Ошвѣтствуетъ ему : олова смерть.

XVII.

Два Оленя.

Канія способы найши

Чтобъ лужу перейти,

И что бы въ ней со всѣмъ не замараться?

Черезъ лужу два хотятъ оленя перебраться:

Одинъ по краюшкамъ лѣпился какъ ми будь,

И замарался снѣ; однако лишъ чудъ, чудъ;

Не только у него остались чисты роги,

Не только шло, да и ноги,

Отъ сей проселошной дороги,

И замарались сани у ногъ пороги,

Которы по пресну копытами зовушъ:

Ихъ крѣпки башмани копытами слыгутъ.

Другой олень хсочетъ,

И лужу перейти другимъ порядкомъ хочетъ:

Ругается, кричитъ: изгаженъ ты свинья:

Не сдѣкъ перейду, сватъ, ету лужу я:

И безоссяка страху,

Съ размаху

Скокъ,

Со всѣхъ четырехъ ногъ:

Не видно болѣ оленей легкой туши;

Мой врютился олень по самы въ лужу уши,

И сѣшу навязавъ пустыхъ на шею пѣнь,

Насилу выдрался изъ лужи мой сани:

И послѣ брани,

Изъ лужи вылезъ снѣ какъ вышелъ онъ изъ бани

И свѣжъ и чистъ,

Какъ послѣ дождика весной збленой листъ.

XVIII.

ДВѢ КРЫСЫ.

Сошлись на кабацкѣ двѣ крысы,
 И почали орать:
 Бурлацки пѣсни пѣть и горло драть,
 Вокругъ поспавленной путѣ мисы,
 Въ котору пиво льютъ,
 И изъ которыя подѣ часѣ и много пьютъ.
 Осталось немного пива въ мисѣ:
 Досталось то пиво крысѣ:
 Довольно нектару одной и мало двумъ;
 Одна беретъ на умъ:
 Лишуся епой я забавы,
 Когда сестра моя пренебрежетъ уставы,
 И выпьетъ нектаръ весь она,
 Одна,
 До дна:
 Въ приказахъ я бывала,
 И у подъячихъ я жила;
 Уставы знаю я:
 И говорила ей: голубушка моя!
 Ты кушай радость воду,
 И почитай во мнѣ дружечикъ воеводу;
 Вишь я ево:
 А про хозяина, сестрица, швоево,
 Не только слуха,
 Да нѣтъ и духа,
 И пиво выпила до суха:
 А мѣрою съ два брюха.
 Сестра ворчитъ, и говорила такъ:
 Такой бесѣдой впредь не буду я ласкаться,
 И на кабацкѣ,
 За воеводскими я крысами шаскаться.

XIX.

Змѣи, голова и хвостъ.

Простымъ довольствуйся солдатъ мундиромъ,
 Коля бышь тебѣ не лъзя, дружечикъ, командиромъ;

Въ велику можетъ честь,
 Великой только умъ опечество вознестъ:
 А голой чинъ рождаетъ только лѣсть;
 Ползя правою,

Змѣинъ поссорился хвостъ люто съ головою,
 И говоришь: не все тебѣ меня водить:
 Изволишь иногда сама за мной ходить;
 Какое право ты имѣешь,
 Сестрица и дружечикъ мой,
 Что ты меня таскаешь какъ дѣвка юбку смѣешь?
 А ежели змѣя лежишь уставъ такой;
 Таскайся же и ты подобно шакъ за мной.

Бранилися и помирились:
 Договорились,
 Но перемѣнкъ впредь,
 Диктаторскую власть имѣшь.

Въ диктаторствѣ хвоста все время темны ночи,
 И ни чево,
 Въ диктаторствѣ его,

Не видятъ никогда диктаторскія очи.
 Въ правленіе то все кривымъ путемъ идутъ,
 И шествуя путемъ негладкимъ смерти ждуть;
 Лѣсъ, камни голову щелкая раздробили:
 А съ ней и самово диктатора убили,
 Не зрѣвша ни пуши ни солнца, ни небесъ.
 Деревья, камня, разбойники то были,
 И безъ труда слѣпова погубили:

Не спасся бы слѣпой отъ нихъ и Геркулесъ,
 Ни зяцъ бы слѣпой отъ нихъ не удался;
 Но въ когши къ нимъ конечно бы ввалился.

Лѣпому каменья враги, и врагѣ и лѣсѣ.
Женчалася змѣя; дикшаторѣ сѣ стула слѣзѣ.

XX.

Щастіе и Сонѣ.

Хвалился нѣкогда ему сонѣ данной частью,
И сильною своею властью,
Рассказывая щастію,
Что онѣ простова мужика,
И дурака,
Вѣ боярской чиңѣ поставилѣ,
Прославилѣ,

И золотѣ ему кадушекѣ пять наплавилѣ.

Всево довольно онѣ имѣлѣ:

Не зная азбуки и грамотѣ умѣлѣ,
И словою во всей подсолнечной грѣмелѣ:

А лучше и всево: любовницу имѣлѣ,

Прекраснѣйшую саму:

Такую даму,

Какихѣ десятиа нѣтъ у насѣ и на Руси.

Нагнувшись предѣ нимѣ покорствуй и пруси,

И милости себѣ у идола проси.

Имѣлѣ еще болванѣ повадку,

Когда ково не влюбилѣ онѣ,

Тому содѣлалѣ тяжкій спонѣ,

А иногда и лихорадку.

А щастіе даетѣ

Такой ему отвѣтѣ:

Во брѣдѣ истинны ни на полушку нѣтъ:

Что здѣлалѣ ты мой свѣтѣ,

Я эдбала сама , и слово въ слово то же ;
Но дѣйствіе мое гораздо подороже ;

То истинна была :

И даръ мой только смерть едина отняла.
Сонъ на епо сказалъ : обѣимъ имъ мѣчталось ;
Да твой боявиъ то все по жизни позабылъ ,
Какой сонринъ онъ на свѣилъ епомъ былъ :
А мой боявиъ тово по снѣ не позабылъ ,
Какой боярицъ онъ на свѣилъ епомъ былъ ;
Такъ лучше , что хопя то въ памяти оспалось.

XXI.

Падушка и кафшанъ.

Падушка и кафшанъ имѣли разговоръ :
Кафшанъ велѣ эту рѣчь : хозяинъ мой , мой взоръ
Весельемъ наполняетъ ;
Живетъ въ улѣхахъ онъ и щастіе пльняетъ ;
Куда ни-войдемъ мы , потъ часъ
Хорошій сполъ , хороши вины :
И изъ тово , что ставяиъ передъ насъ ,
Не можемъ мы ни сѣсть , ни выпить половины ;
Какая лучше жизнь ! компаній ты имѣй
Куда ни-придешъ тучи :
Червоцевъ кучи :
Лишъ карты разумѣй :
И за большимъ стаканомъ ,
Большимъ хозяинъ мой мнѣ кажется и паномъ.
А ежели когда съ красавицами онъ ;
Онъ точной Купидомъ :
Галантерѣи , екипажи ,
Лакеи , егеры и пажи :

Ухвачено то все боярскою рукой:

И райской чувствуетъ душа ево покой.

Отвѣстствуетъ падушка:

Не такова, мой другъ, ево покойна душка:

Я знаю лучше то:

И, можетъ быть, нигдѣ не мучится ни кто,

Какъ онъ спраждаетъ;

Послѣдній онъ кусокъ имѣнья доядаетъ:

Родительское все имѣнье промоталъ,

И долгу на себя съ три пуда нахваталъ.

Какъ онъ покой шѣрлешъ,

Онъ это спанство единой мнѣ вѣрлешъ:

Всю ночь вѣрлешъ онъ, съ несносныя поски,

Входя, въ отчаянны, въ мысль люту и глыбоку:

Вѣрлешъ, то съ правова, то съ лѣвова онъ боку.

А я и гробовой страшнай мошамъ доски.

XXII.

Высокомѣрный Оселъ.

Боится, говорятъ, левъ пѣсни пѣтуха;

Она пропивна львову слуху,

Ушамъ ево лиха;

Не любитъ левъ музыки сей и духу.

Судьба когда то принесла

Въ глаза ко льву осла:

Что встреча та худя, оселъ мой то смѣкаетъ;

И утекаетъ;

Однако бы уйши отъ смерти не успѣлъ,

И злой бы рокъ ему конечно приключился,

Когда бы въ близости пѣтухъ не прилучился,

И пѣсни не запѣлъ.

Левъ страхомъ закипѣлъ,

Смутился ,
 И отъ осла назадъ поворотился ;
 Помнилось ослу , что страшный левъ
 Отъ храбрости ево трухнулъ , и испугался ;
 И пролилъ мой оселъ на льва ословый гнѣвъ :
 Догнать и изловить льва сильно домогался :

Насѣлъ

На льва оселъ ,
 И на зубахъ у льва висѣлъ .

ХХІІІ.

Высокомѣрная Муха,

Лошакъ большое бремя несъ :
 А именно шелегу везъ :
 Грузна была шелега :
 Хотя у лошака и не велика мѣга ;
 Однако онъ
 Не слонъ :
 И естѣли взрючено пудъ тридцать ; такъ помянетъ ,
 Попрѣетъ и устанетъ .
 А муха на возу бренчитъ ,
 И лошаку , ступай , кричитъ ,
 Ступай скорай , ступай , иль я пустое мѣлю ?
 Не довезешъ меня ты едикъ и въ недѣлю ,
 Туда , куда я ѣблю :
 Какъ будто тотъ лошакъ для мухи подряженъ ,
 И для нее впряженъ .
 Ярился муха дюже ;
 Хотя она болыня мѣлка :
 И жестоко кричитъ на лошака ,
 За то , что онъ везетъ шелегу неуклюже .

раздулась барыня; но есть и у людей
 Такія господа, которыхъ и туже,
 Раздувшись гоняютъ лошадей,
 Которы возятъ ихъ, и коихъ сами хуже.

XXIV.

Заяцъ и Черепаха.

Бѣжали въ запуски со зайцомъ черепаха,
 Къ Москвѣ рѣкѣ съ Невы,
 Изъ Петербурга до Москвы,
 Хотѣла, и кладутъ большой они закладъ.
 И пощадила со всеѣмъ она содомомъ:
 Со брюхомъ, со спиной и съ домомъ.
 А заяцъ мыслитъ такъ: лишъ только захочу;
 Я дуру облечу:
 Пускай она тащится,
 И выиграшь закладъ оскала зубы щипится:
 А я побѣду получу,
 Закладникъ ухвачу,
 И этой госпожѣ въ Москвѣ покажочу.
 Три мѣсяца прошло: а можетъ быть и болѣ;
 Пора и зайцу въ поле:
 Не время ужъ лежать;
 Пора бѣжать:
 Пришли часы побудки;
 Бѣжитъ, и въ сунки
 Далеко за Невой рѣкой:
 А именно въ Тверской уже ямской:
 А та
 Дни съ три уже прошла Тверскія ворота.

XXV.

Обезьяна и Медвѣдь.

Себя увеселять,
 Мартышка и медвѣдь пошли гулять.
 Мартышка дубъ увидя,
 Медвѣдю говоритъ: послушай кумъ! весь свѣтъ
 Увижу я отполю, и то чево и нѣтъ.
 На самой вышкѣ сидя,
 Встанцѣя на нево,
 Она сѣдлетъ башню:
 Отполю видитъ лѣсъ, рѣку, луга и пашню,
 И кума своево;
 Но кумъ ей кажется отполю мѣлкой сошкой,
 Большою мошкой,
 И малой кошкой;
 Кума
 Сошла съ ума,
 И куманька пренебрегаетъ,
 Ругаетъ,
 И говоритъ ему: твой ростъ
 Съ мей хвостъ:
 А нѣ мѣрѣ сей еще твоя въ добавокъ шуба.
 Станцѣлася мартышка съ дуба,
 Спустилася съ вышинъ,
 Превосходительство незнапно присудя,
 И мѣряетъ медвѣдя;
 Однако на низу не потъ уже аршинъ.

XXVI.

Соловей и Кукушка.

По мрачной ноши,
 Приятно воспѣвалъ на дровѣ соловей;
 Еще прекраснѣе тогда казались роши,
 Отъ пѣсни сей.

Рабята у дровѣ шупъ вѣшви отнимали,
 Деревья свѣжія ломали,
 И пѣсни соловья ни мало не внимали.

Кукушка говоритъ: ты пой, или не пой,
 Не внятень соловей прохожимъ голосъ твой;
 Такая пѣсенка приятна не бывала:

А естли я открою ротъ;
 Такъ пѣнье въ рощахъ сихъ пойдетъ на оборотъ:
 Закувала,
 И вопитъ на суку.

Рабята пѣсню ту внимаютъ,
 И прутья не ломаютъ,
 Да только лишъ кричатъ за ней, куку, куку:

Кукушкѣ подражать не трудно;
 Она поетъ не чудно.

Съ пастушкой шелъ пастухъ,
 И стали зажимать отъ хорной пѣсни слухъ.

По томъ и соловей запѣлъ; они внимаютъ,
 Увеселяя духъ:

А тѣ опять себѣ деревья шупъ ломаютъ.

Что? спрашивалъ, кукушку соловей:
 Не лучше ль пѣсенка твоя моей?

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
 А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

XXVII.

Ослища и Кобыла.

Себѣ лъзя Логикой и Физикой ласкать,
И Математикой, чтобѣ Истинну сыскать:

А инако не можно,

И заключеніе конечно будетѣ ложно:

Четвертый способѣ былѣ до нынѣ прежде кнутѣ,
Кто добрый человекѣ узнать, или кто плутѣ.

Лишѣ только трудно,

Когда не врать,

О вкусѣ во вещахѣ намѣ ясно разобрать:

А это чудно;

Видѣ Истинна и тамо есть;

Хотя и не легко тамѣ Истинну обрѣсть.

Кобыла

Осла любила.

Какой кѣ ослицу жарѣ!

Ослища сухѣ и дряхлѣ, и старѣ,

Изморщенѣ, жиловатѣ и мерзокѣ,

Кричатѣ ослинымѣ зыкомѣ дерзокѣ,

И не дослоинѣ былѣ,

Не только онѣ кобылѣ,

Но ни болошныя лягушки,

Не споя ни полушки.

Спросили у нея:

Такова скарета, съ чево любить ей сродно,

И что въ немѣ ей угодно?

Она отвѣщивуетѣ на то: въ немѣ я

Все вижу, что прельстившѣ удобно нѣжны души:

Большія уши,

И съ фальбалою лобѣ,

Кабланы зубы,

И сини губы:

А паче, что Кашей мой пахнетѣ будшо клоцѣ.

Иштатель, чѣмъ гадка скопина, коя чухнетъ,
И роза, чѣмъ клопа гораздо лучше пахнетъ?

XXVIII.

Ненадобное сѣно.

Презрительнъ и гнусенъ
Ненасытимый человекъ,
Который въ весь свой вѣкъ
Лишь деньги собирать искусенъ,
И кто своихъ питаетъ такъ людей,
Какъ кормитъ живодеръ на одрѣхъ лошадей,
Богатствомъ ни себѣ довольства не являя,
Ниже ево другимъ на нужды убѣляя.

Какой то песъ

На сѣно влѣбъ:

Такой онъ пищи не желаетъ;

Но естли по клочокъ сѣнца

Придетъ корова, или овца;

Песъ лаетъ.

Скупой!

Вотъ образъ твой.

Всѣхъ больше стрѣсти сей подвластныхъ старички,

Безграмотныхъ дурачки,

Носящи на носу очки,

И идѣ въ ушробѣ,

Изсохшія во злобѣ,

И почитай уже лежащія во гробѣ,

Изморщенные какъ свѣрчки,

Или согнившія сморчки.

Такому псу желаютъ люди смерти,

И чпобѣ ево скорый отсель взяли черти.

XXIX.

Арапъ.

Чье сердце злобно ;
 Того ни чѣмъ исправить не удобно ;
 Нравоученіемъ сво не претворю ;
 Злодѣй Сатиру чтя злодѣйствіе сугубитъ ;
 Дурная бабница зить зѣркала не любитъ.
 Козицкій! правду ли я это говорю ?
 Не лъзя во злой душѣ злодѣйствія убавить.
 И такъ же Крипника немисленнымъ писцамъ ,
 Толико нравился какъ волкъ овцамъ ;
 Не можно Автора безумнова исправить :
 Безумныя чтецы имъ свѣрхъ того покровъ ,
 А Авторство неисходимый ровъ ;
 Такъ лучше Авторовъ несмысленныхъ оставить.
 Злодѣи тщатся пусть на свѣтѣ семъ шалишь ,
 А Автофы себя мѣчпою веселишь.
 Былъ нѣкто въ банкъ мышь искусенъ и проворенъ :
 Арапа сутки мылъ , Арапъ остался чоренъ :
 Въ другой день банщикъ потѣ Арапа поволокъ
 На полокъ ;
 Арапа жаритъ ,
 А по крестьянски то , Арапа паритъ ,
 И черношу съ него старается спертъ :
 Арапъ мой прѣшетъ ,
 Арапъ потѣшетъ ,
 И кожа на Арапѣ паѣшетъ :
 Арапу чорнымъ жить и чорнымъ умерѣть.
 Сатира , критика совсѣмъ подобны банкъ ;
 Когда кто вымаранъ , тово въ ней лъзя омыть :
 Кто чоренъ родился , тому во вѣкѣ такъ быть.
 Въ злодѣй чести нѣтъ , ни разума въ чурбанѣ.

XXX.

Порча языка.

Послушай Басени, Мотонисъ, пы моей:
 Мотри въ подобіи на испинну пы въ ней,
 И отвращеніе имѣй,
 Опіѣ пѣхъ людей,
 Которыя ругаются собою,
 Имъ смѣюся я съ Козицкимъ и съ Тобою.
 Въ дремучій вшодши лѣсъ,
 Въ чужихъ краяхъ былъ пѣсъ,
 И согражданъ своихъ поставивъ за невѣжей,
 Жилъ въ волчей онъ спранъ и во спранъ медвѣжей:
 Не далаъ больше пѣсъ; медвѣдемъ онъ ревелъ,
 И волчьи пѣсни пѣлъ.

Пришедъ опшоль ко псамъ обратно,
 Отецескій языкъ не къ стапи украшалъ:
 Медвѣжій ревъ и вой онъ волчій въ лай мѣшалъ:
 И почалъ говорить собакамъ не понятно.

Собаки говорили:

Не надобно твоихъ намъ новенькихъ музыкъ,

Ты портишь ими нашъ языкъ:

И стали грызть ево и уморили.

А я надгробіе читалъ у пси сево:

Во зѣкъ отецескимъ языкомъ не гнушайся,

И не вводи въ него

Чужова, ни чево;

Но собственной своей красою украшайся.

XXXI.

Лѣкарской Слуга.

XXXII.

Криводогадливыя Собаки.

Догадкой заключать дѣла хопя и можно;
Но заключеніе не рѣдко будетъ ложно.

Какой то нѣгдѣ лѣкаръ жилъ:

У лѣкаря служилъ

Дѣшина:

По виду человекъ, по разуму скопина,
И думаетъ онъ такъ: мой лютой господинъ
Во всей подсолнечной пиранъ такой одинъ;
Не спуститъ онъ живымъ; онъ мертвымъ не спу-
скаетъ:

Вить ето мнѣ не сонъ!

Я видѣлъ самъ, какъ онъ

Черева изъ людей шаскаетъ;

Я вижу, что и я пово жѣ дождусь конца;

Ушолъ отъ лѣкаря: скорый бѣжитъ гонца.

Изрядно заключалъ потъ лѣкарской служитель!

Другая Басенка: приѣхалъ градожительъ

Въ свой загородной домъ,

Во дни приятна лѣта,

На время удалиться свѣта,

Оставивъ городской содомъ.

Ягнятъ,

Козлятъ,

Тѣлятъ,

Овецъ, борановъ быютъ:

На столъ ему даютъ:

Убили и быка велика, хлѣбна;

Говядина была на столъ ему потребна.

Собаки говорятъ: весьма помѣщикъ крутъ:

Казалось имъ, они то очень ясно видятъ:
Собаки барина безмѣрно ненавидятъ

И говорятъ: бѣда:

На волка баринъ нашъ походитъ:

И видно череда

До насъ доходитъ.

Собаки истинну догадкою нашли:

Другъ друга щцалися догадкою подзарить,

И отъ хозяина ушли:

А ихъ не стали бы ни во-щу класть, ни жарить.

XXXIII.

Кораблекрушеніе.

XXXIV.

Осада Византіи.

Востала буря;

Глаза Еола ищуря,

Валъ

До неба воздымалъ;

Трещитъ корабль и мачты гнутся,

Канаты рвутся;

Воздѣли на суднѣ всѣ руки къ небесамъ,

И корабельщикъ самъ:

А море лютое кончину приближило;

Кидается въ воду надлежало,

И къ берегу поплыть,

Когда не хочется на днѣ конечно быть;

Однко въ воду не бросались;

Одной молитвою спасались;

Хоть Богъ имъ явственно сей мыслию сказалъ:

Кидайтесь въ валы, и берегъ покажалъ.

На погубленіе корабль ссаяленъ ;
 Лишъ кормщикъ разуму послѣдуя избавленъ :
 А прочія молясь погибли въ корабль :
 Лишъ кормщикъ хоть и нагъ остался на землѣ.

Когда приступомъ Магомета ,
 Византія была со вѣмъ осаждена :
 Имѣя жителей премножествомъ полсѣща ,
 Единымъ только тѣмъ она побѣждена ,
 Что зрѣлу разуму они не покорились ,
 И всѣ , вбѣжавъ во храмъ , во храмъ затворились.

XXXV.

Двѣ Козы.

Когда то двѣ козы вотъ такъ то жизнь тѣряли ;
 Собаки вмѣсто паркъ ихъ время пряли ;
 Всей силой козы въ лѣсъ отъ нихъ шекуть ;
 Однако за собой и псовъ они влекутъ ;
 Не быстростию ногъ злодѣевъ убѣряли ,
 Что скроются въ лѣсу ,
 А имъ одинъ желѣзкъ оставяшъ на носу :
 Такія мысли псамъ двѣ козочки вперяли.
 Въ лѣсъ узкой былъ проходъ ;
 Не можно вдругъ волочь въ ворота двухъ подводъ.
 На почтѣ добѣжавъ до самыхъ тѣхъ воротъ ,
 Остались они спасенія зѣ надеждъ ;
 Однако завели двѣ дуры разговоръ :
 Вступили въ споръ ,
 Которой дуръ преждѣ ,
 Ийщи на Пановъ дворъ :
 Не къ стапамъ тѣ затѣи :
 Я внука Амалтеи : .
 А я отъ той козы , котору Галамемъ ,

Въ даръ дая Циклопъ,
 Преславный Полифемъ единоголазый лопъ.
 О знашномъ родъ враки,
 И паркы и собаки,
 Не много чшутъ:
 Застали ихъ собаки шутъ,
 И родословіе козамъ исполковали:
 А именно: псы козъ до крошички склѣвали.

XXXVI.

Чурбаны.

Да сына у отца, и оба не въ нево:
 А я не вѣдаю въ ково:
 Да мнѣ жъ и дѣла нѣтъ ни мало до шово.
 Отецъ дѣтьми не можетъ овладѣти;
 Родитель шупъ и остры дѣти.
 Дуранъ,
 Дурачеству ихъ учитъ
 Рабшокъ мучитъ:
 Они не слушають шѣхъ вракъ,
 И мысль имѣл смѣлу,
 Хотятъ учиться дѣлу.
 Онъ былъ гораздо старъ;
 Утухъ любовный жаръ,
 И не приходитъ въ умъ любовный дѣду голодъ,
 Который чувствовалъ какъ былъ еще онъ молодъ;
 Въ крови и день и ночь у дѣда только холодъ;
 Такъ нѣтъ отъ дѣдушки плода;
 Хотя жена и молода;
 Земля плодотъ безъ солнца не рождаетъ;
 Старикъ дѣтей другихъ не ожидаетъ:

А естли бы жена рабенка родила ;
 Такъ дѣду бѣ еша вѣсть не радости была.
 Старикъ велѣлъ подати себѣ чурбановъ ,
 И вырѣзалъ болвановъ .
 Родились дѣтушки : онъ вопишъ : какъ хочу ,
 Своихъ я дѣтушекъ теперь поворочу .
 Отъ молчаливости они не множику скушны ;
 Однако завсегда родителямъ послушны .

XXXVII.

Л е т я щ а я Ч е р е п а х а .

Пренебрегая солнца жаръ ,
 Вотъ новый возлѣстель стремится мой Икаръ ,
 Какъ будто птица :
 Понашему ей имя черепаха ,
 Прося орла съ покорностью стенья :
 Пожалуй поучи летать меня .
 Намъ быть птицами способно ,
 Коль азъ да буки мы умѣемъ прочитатъ :
 А это не удобно ,
 Чтобъ былъ когда успѣхъ безъ крылѣй въ верхъ летать ;
 На низъ такъ можно ;
 Лишъ только бѣ было то немножко осторожно ,
 И вмѣсто всякова въ лѣтаніи добра ,
 Не поврѣдитъ ребра .
 Орелъ хохочетъ ,
 А птица все хлопочетъ :
 И естли въ верхъ не лезя , на низъ летѣти хочетъ
 Въ ногтяхъ орла летитъ подъ небеса ,
 И видитъ подъ собой и горы и лѣса :
 Слетѣла въ низъ , погибла :
 Какъ кожа ни толста всю въ дребезги разбила .

Пегасъ быстрый орла и вышибитъ весь сокъ :
 А я Парнасъ высокъ ;
 Потребны къ музамъ мысли свѣжи ;
 такъ помните вы то парнасскія невѣжи !

XXXVIII.

Чинопобивая Свинья.

Извѣстно то , что многимъ
 Чины давно вошли въ оброкъ четвероногимъ ;
 Калигулы коню великое давно ,
 Достоинство дано ;
 Однако не одни лошадки ,
 Имѣли таковы припадки ;
 Но многія скопы ,
 Носили безъ плодовъ почетныя цвѣты .
 Взмурзилась и свинья ; чтобъ ей повеличаться ,
 И чиномъ опличаться ;
 За чимъ де болѣе всево на свѣтѣ чтунъ ;
 Такъ точно главное достоинство все шунъ ;
 А безъ того была какая бы причина ,
 Искать и добиваться чина .
 Отказано свинѣ ; въ ней кровь кипитъ :
 Свинья свиньей храпитъ ,
 Свинья змѣей шипитъ ,
 И отъ досады той не ѣстъ , не пьетъ , не спитъ .
 О чемъ свинья хлопочетъ !
 Какой по Философъ по видитъ , и хахочетъ ,
 И говоритъ онъ ей : безумная свинья !
 Скажи голубушка моя ,
 Къ чему названія свинья пустава хочетъ ?
 Она отвѣтствуетъ ему :
 Къ тому ,

Чтobъ было сказано когда о мнѣ въ банкетѣ ,
 Какъ я войду въ чины :
 Превосходительной покушай вѣщины.
 Онъ ей отвѣшпствовалъ : колъ нѣтъ меня на свѣщѣ ;
 Начто мнѣ чинъ душа ?
 Свиница же при томъ не чиномъ хороша .

XXXIX.

Орелъ.

Орелъ летитъ ;
 И воздухъ весь подъ нимъ колебляся свиститъ ;
 Онъ тучи побираетъ ,
 И къ солнцу свой полетъ отважно простираетъ ,
 И всю подсолнечну оттолкъ озираетъ
 Онъ выраниялъ перо въ полетъ изъ крыла :
 И стало копѣйцо отъ етова стрѣла .
 Стрѣлокъ орла подмѣшилъ ,
 И въ самыхъ облакахъ стрѣлой орла осѣшилъ ;
 Падетъ орелъ и падъ сн слова въщялъ :
 Когда онъ томный духъ изъ тѣла испущалъ ;
 Съ тоской мой боль умноженъ ,
 Что прежде былъ летя я толъ неостороженъ :
 Далъ самъ изъ крылъ моихъ оружье на себѣ .
 О ты перо мое , кончаюсь отъ тебя !

XL.

Ворона и Вороненокъ.

Когда врагами сталъ весь честный свѣтъ тебѣ ;
 Не сыщешъ ты нигдѣ убѣжища себѣ .

У вороники,
 Дни были нѣкогда для ней гораздо лихи;
 Ея любезный сынъ безмѣрно занемогъ:
 Свалился съ ногъ,
 И на постелѣ,
 Едва держался духъ у вороненка въ тѣлѣ;
 Спрадеетъ духъ,
 И хочетъ покидать и перья онъ и пухъ.
 Мать сътуетъ и плачетъ безъ утѣхи;
 Но смерти плачъ не дѣлаетъ помѣхи.
 А сынъ увѣщевалъ ее и говорилъ:
 Чтوبъ рокъ твою печаль въ веселье претворилъ;
 Проси ты матушка, проси всѣмъ сердцемъ нынѣ
 Боговъ, о мнѣ своемъ любезномъ сынѣ!
 Отвѣстивовала мать: о сынъ, о кровь моя!
 Въ послѣдній разъ тебя я вижу предъ собою!
 Къ которому, увы! прибѣгну богу я;
 Ихъ жертвы крадены сынокъ мой всѣхъ побою.

XLII.

Олимпѹ посвященныя деревья,

Безсмертныя преклонивъ Олимпъ и небеса,
 Себѣ избрали дребеса:
 Венера миршѹ, дубъ Юпитеру попался,
 Къ зѣлкей Дяфнѣ Фебъ усердно прилипался:
 Минерва подѣ покровѣ оливу избрала,
 Одна она съ плодомъ изъ тѣхъ деревъ была.
 Минервѣ дивно то, начто богамъ безплодны
 Деревья, и ни въ чемъ съ ихъ честію несходны.
 Юпитеръ отвѣчалъ имъ шипла наша честь.
 Минерва говоритъ: да нечево съ нихъ ѣспѣ;
 Такъ слава суетно себѣ почтѣнья проситъ
 Когда она плоды народу не приноситъ.

XLII.

Прозьба Венеры и Минервы.

Незнающихъ любви Венера поносила,
 И нѣкогда она Юпитера просила,
 Чтобъ бросилъ онъ свой громъ на сихъ людей.
 И здѣлалъ то Юпитеръ ей:
 Сразилъ полки людей,
 Сосущихъ молоко изъ матернихъ грудей,
 И тѣхъ, которыхъ себя хопя познали,
 Но только чудь еще ходили начинали.
 Отъ горести такой,
 Отцовъ и матерей повсюду слышанъ вой.
 Невѣжъ и дураковъ Минерва поносила:
 И такъ же и она Юпитера просила,
 Чтобъ бросилъ онъ свой громъ на сихъ людей.
 Юпитеръ онаго не здѣлалъ ей,
 И иначе слова си въспрѣчаетъ,
 И тако отвѣчаетъ:
 Надежды долженъ сей я въ вѣкъ тебѣ лишитъ;
 Когда не восхочу земли опустошитъ.

XLIII.

Любовь и Дурачество.

Дурачество браниться смыслитъ,
 И бранихъ словъ не числитъ,
 Когда сердясь разинетъ ротъ.
 Съ дурачествомъ посеорился Еротъ,
 И мысль имѣя смѣлу,
 Въ него бросаетъ острую стрѣлу;
 Но лишъ его до реберъ только хлопъ:
 А топъ его дубиной въ лобъ:

И выбивъ у младенца очи,
 Ему содѣлавъ день темной осенней ночи;
 Такъ боги за это дурачество плѣшми:
 Со приговоромъ тѣмъ: напредки дней не тьми!

А чтобъ Ероть не збился со дороги;

Велѣли боги

Дурачеству, ево водить;

Не можетъ безъ него съ тѣхъ дней Ероть ходить.

XLIV.

Льдина и Камень.

Ребенокъ и дуракъ-то было совокуино,
 Сыскалъ дурачество другому не приступно,
 И въ самой центрѣ невѣжества влѣтѣлъ.
 Гораздо нѣкогда онъ кушать захопѣлъ:
 Къ ядѣ почувствовавъ въ желудкѣ жаркой пламень,
 И въ ледникѣ корму краспѣ не знаю какъ зашелъ:
 А въ ледникѣ потчасъ обѣдъ себѣ нашелъ:

И льду взялъ тамъ кусокъ и камень;

Однако жафъ алыбы ни мало не утухъ;

Ледъ холоденъ, а камень сухъ:

Въ печи кусокъ холодной грѣетъ;

Кусокъ холодной прѣетъ:

И выпрѣлъ изъ него въ горячей банѣ духъ.

А шѣло

Толико жѣ пропѣло,

Что только лишъ о немъ единъ остался слухъ.

Надъ пищей стой умъ у поваренка тѣмнися:

А поваренокъ мой стремится,

Сухой кусокъ поразмочить,

И умягчить.

Не то о камнѣ , что о льдинѣ ;
 Изъ перваго куска мой поларѣ выжалъ сокъ :
 А сей ево кусокъ ,
 Ни мало не размокъ ,
 И здравствуетъ еще лежа въ водѣ и нынѣ .

XLV.

О спускная.

Корабль отъ бури въ морѣ покетъ ;
 Народъ на суднѣ спонетъ :
 Слугѣ хозяинъ путь спускную даетъ ;
 Но въ ней ужъ пользы нѣтъ ;
 И безъ спускной лѣзя ийти на оный свѣтъ .
 Нѣтъ мѣста благости фортуны нѣтъ и злобѣ ;
 Когда мол нога уже во гробѣ .

XLVI.

Непреодоляемая природа.

Не сыщешь рыбы въ лужѣ ,
 Колико во трудахъ прилѣженъ ты ни будь ;
 И цѣлой годъ хотя ты въ лужѣ рыбу удь :
 Не сыщешь никогда ты розы въ зимнѣй спужѣ ,
 Ни мягкости во чорствомъ калачѣ ,
 Ни жалости во пьяномъ полачѣ ,
 Ни разума въ безмозгомъ рѣмачѣ .
 Ворону говоритъ училъ учитель :
 Ворону сѣкъ , и былъ воронинъ онъ мучипель :

И надъ наукою ворону онъ моритъ ;
 Ворона ни чево не говоритъ .
 Не здѣлаетъ во вѣкъ красавца изъ уroda ;
 Ни кто слово не дастъ чево не дастъ природа .

XLVII.

Лисица и Йожъ .

Противностью указа ,

Когда не хочешь быть несчастливъ больше риза ;

Такъ дѣлать не приноси въ приказы изъ приказа .

Хотѣла переплыть черезъ рѣку лиса ,

И въ тинѣ плавучи увязла :

И болѣе часа ,

Въ томъ мѣстѣ , гдѣ погрязла ,

Терзаема отъ мухъ ,

Гоминитъ и мучитъ духъ :

Увидѣлъ это йожъ и сжалился надъ нею :

А сжалась говорилъ : я мухъ гоняшь умѣю :

И естели хочешь ты , я это учиню ,

И всю сію толпу мухъ потчасъ отгоню .

Лисица говоритъ . не надобно : да что же ?

Вотъ что : сія уже къ моей прилипнувъ кожѣ ,

Довольно напились , и ужъ не много пьютъ :

А естели стонишь ихъ другія сядутъ шумъ ,

И кровь мою со веѣмъ до капли изеосутъ .

XLVIII.

Ружьё.

Среди дни бѣла волкъ къ овечушкамъ бѣжитъ :
 Имѣлъ паспухъ ружье ; вздремалъ ружье лежитъ ;
 Такъ волкъ озрѣвшись не очень и дрожитъ.

Ружье ево страшаетъ ,

И застрѣлиши обѣщаетъ :

А волкъ отвѣтствуетъ : гроза твоя мѣлка ;
 Ружье не дѣйствуетъ , съ нимъ нѣтъ когда стрѣлки :
 Худая безъ него тобой овцамъ опрада ,
 И къ лѣсу погнавши овечушку изъ стада ,

Сказалъ нишъ волкъ : лѣсѣ епотѣ очень густѣ ;
 Такъ ежели меня друзья сыскаютъ вамъ нада .
 Вотъ епта буду я ; стрѣляйте въ епотѣ кустѣ .
 Сокрылся волкъ , овца за трудъ ему награда .

А слѣдующу рѣчь я знаю низустъ :

Коль истинны святой начальники не внемлютъ ,
 И беззаконниковъ не наказуя дремаютъ ;

Начто законъ ?

Иль только для того , чтобъ былъ написанъ онъ ?

XLIX.

Пшичникъ и Скворецъ.

Чтобъ городъ былъ народенъ ,
 Потребно , чтобъ народъ былъ веселъ и свободенъ ;
 Дабы блаженство въ немъ съ довольствіемъ текло ,
 И къ жительству людей стремительно влекло .

Разставленную сътъ скворецъ на дравѣ сядя ,

Въ лѣсу увидя ,

Спросилъ у пшичника : скажи ты мнѣ , мой другъ :
 Начто такой заборъ обвелъ ты епта вокругъ ?

А потѣ отвѣтствовалъ: по города границы,
 въ который прилетятъ со мною жини пшцы.
 Кворецъ съ охотою ко пшичнику слетѣлъ;
 Но вылетѣть не лзя, колико ни хотѣлъ:
 И выдираяся, колико ни потѣлъ,
 Стоналъ, и возопилъ: жилище ето строга:
 И будетъ жетелей въ семъ городѣ не много!

L.

Кувшинъ.

Потребны вымыслы всево на свѣтѣ болѣ.

Нашла кувшинъ ворона въ полѣ:

А въ немъ на днѣ вода;

Хотѣлось ей попить; да по ея бѣда:

Вода низка; такъ носъ не дошагнетъ туда.

Кувшинъ перевернуть; польется вонъ вода:

Кувшинъ на правой бокъ; польется же вода:

Кувшинъ на лѣвой бокъ; польется же вода:

Кувшинъ оставитъ такъ; начто же въ немъ вода?

Отъ юга,

Съ востока, съ запада и съ сѣвѣра бѣда;

Мала воронушкѣ кувшинова услуга;

Побѣждена вода,

Колико ни упруга:

Ворона камешки кладетъ туда;

И поднялась вода.

LI.

Козленокъ.

Къ козленку волкъ пришедъ, разинулъ зѣвъ,
И проситъся во хлѣвъ:

Сынкомъ зоветъ рабенка;

Однако обмануть не можетъ онъ козленка;
Колико ни твердишь,пусти ты мать во хлѣвъ;
Нарѣчіе сво грамашикою чахнетъ,
И волкомъ пахнетъ.

Козленокъ отвѣчалъ: дружокъ, такой мой полкъ:
Я знаю то, что мать моя коза, не волкъ.

LII.

Тѣленокъ.

Тѣленокъ кормленный убитъ!

Нутръ вынутъ,

И изъ него кусокъ сабакъ кинутъ;

Но мяса песъ не ѣстъ, и говоритъ:

Я помню какво тому, кто очень сытъ:

А естѣмъ это я забуду;

Такъ самъ я скоро пищею буду.

LIII.

Безмозглая голова.

Начто и голова, когда ума въ ней нѣтъ;

Видь я людскихъ головъ не жарю,

Нашедъ лисица харю,

Ей это говоритъ: безмозгла ты мой свѣтъ;

И мнѣ не надобна ни въ ужинъ, ни въ обѣдъ.

LIV.

Кружка.

Лилось вино изъ кружки,
И вылилось оно у кружки все изъ мѣдръ:
Худыя по вину хорошему игрушки.
Вино фалерное то было пишетъ Федръ:
А я другое здѣсь вино напоминаю;
Причина та, что я фалерскава не знаю;
То было не оно:

А было по венгерское вино;
Съ Горациемъ мнѣ въ вѣкъ попить не удалось:
Венгерское лилося!

Вино все вытекло до дна,
И въ кружкѣ не было ни капельки вина:
А кружка пахла; лѣзя знать было безъ догадки,
Что были въ ней вина венгерскава остатки.

LV.

Калигулина Лошадь.

Калигула любовь къ лошадушкѣ храня,
Поставилъ консулемъ коня;
Безумну цесарю и смрадному маня,
Всѣ чуютъ боярникомъ сіятельна коня:
Превосходительствомъ высокимъ питаютъ:
Какъ папу въ туфлю всѣ лошадушку цѣлуютъ:
Въ сенатѣ отъ коня и ржанье и вонь.
По преставленіи Калигулы сей конь,
Хотя высокаго уклзомъ былъ онъ роду,
Не кажется уже Патриціемъ народу,
И возишь Консуль воду.

Невтонъ ,

Не бравъ рецептами къ почтѣнію лѣкарства ,
Въ почтѣннѣ жилъ безъ барства ,
Въ почтѣннѣ умеръ онъ .

LVI.

Стряпчій .

Какой то человекъ ко стряпчему бѣжитъ :
Мнѣ три ста , говорилъ , рублей принадлежитъ :
Что дѣлать надобно тяжбою , какъ онъ чаетъ :
А стряпчій отвѣчаетъ :
Совѣтъ мой пошъ :
Поди и отнеси дяку рублей пять сотъ .

LVII.

Сократовъ Домъ .

Сократовъ хуленъ домъ , за то , что домъ былъ малъ ,
И дружескимъ бесѣдамъ пѣсенъ ;
Сократу слухъ такой гораздо былъ чудесенъ :
Сократъ на то сказалъ :
Друзей числомъ большимъ пускай безумцы льстятся ;
Мои друзья въ одномъ чуланѣ умѣстятся .

LVIII.

Пастухъ Мореплаватель.

Имѣвъ веселы дни и не тревожны ночи,
 На берегахъ морскихъ скотину пасъ пастухъ,
 Красою естества увеселяя духъ,
 Увеселяя слухъ,

И обонаніе и очи:

 Душа ево вездѣ

 Приятство находила,

И беспокойствія нигдѣ

 Ему не вводила.

Въ приятный нѣкогда зря вѣчеръ, на водахъ
 Плавущи корабли, помыслилъ о судахъ:

И что не видитъ онъ ни страха, ни препятства,
 Плавущимъ по морямъ искателямъ богатства,

И что отъ бури не всегда,

 Смущается вода,

И что отъ вѣтра злова,

Смущаются подобно иногда,

 Лугъ, нивы, рощи и дуброва.

Онъ распродалъ овецъ: собрался онъ въ отъѣздъ,

 Жилище то оставилъ,

 Гдѣ Флору и Помону славилъ,

И отлучается отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ,

Нарциссы гдѣ цвѣли, гдѣ розы обитали,

Гдѣ всякой нѣ розамъ день зефиры прилетали,

Гдѣ солнечны лучи по зѣлени блистали,

И прохладила дровъ во время жара пѣнь,

Гдѣ нѣжная свирѣль играла всякой день,

 И соловьи свистали.

Пастухъ надеждою богатства обольщенъ,

 И для ради обѣимъ жизни слезной,

Растаялъ со своей пастушкойю любезной,

И изъ объятія прекрасной отпащенъ.

Съ водою отъ нея спокойство утешаетъ ;
 Уже на кораблѣ онѣ волны разсѣкаетъ .
 На завтрѣ пастуховъ машется въ морѣ зракъ ;
 Пучина подъ ногой , надъ головою мракъ :
 Тамъ дуча бездну возмущаетъ ,
 И гнѣвнаго приходъ Борея предвѣщаетъ ;
 Сводъ неба весь темнеетъ ,
 Долъ моря посинелъ ,
 И плещетъ пѣна :
 Ужасна видится природы всей премѣна .
 Явился злой Борея ,
 Въ жестокости своей :
 Разверзъ уста и ревомъ дуетъ ;
 Машется бездна и волнуется :
 На суднѣ паруса визжатъ ,
 И снасти всѣ дрожатъ :
 Корабль до облакъ возбѣгаетъ :
 Возноситъ валъ ево и въ процасть низвергаетъ .
 Врученный сей корабль Борею и судьбамъ ,
 Безъ управленія лешаетъ по водамъ :
 Отрѣзало по томъ сей бурю кормило ,
 И мачты поломило :
 И вдругъ Борея корабль о камень весь разшибъ ;
 Разрушился тотчасъ корабль и въ мигъ погибъ .
 Спасенія не зря несчастливый спонущъ ,
 Впослѣднѣя зря свѣтъ препѣвуща и понущъ :
 Корысть невѣрнаго въ край свѣта понесла ;
 Но для любовницы судьба ево спасла ,
 И доску бѣднаго руками ухватила ,
 На коей пастуха къ пастушкѣ возвратила .
 Надежда у него скошину опила ;
 Пастушкина любовь ему скоша дала :
 И скопъ по времени форпуна развела .
 Онѣ иъкогда смотрѣлъ опять на шихо море ;
 Съ приморскія земли ,

И на плывущи корабли:

И вспомня прежне горе,

Вѣщаетъ онъ: о море, море!

Отнимешъ у меня ты деньги ужъ не вскорѣ.

Не ластися ко мнѣ опять маяя къ судамъ:

И вѣдай ты, что я уже твоимъ водамъ,

На предки никогда ни шелега не дамъ.

LIX.

Осужденникъ и Левъ.

Проконсульской слуга во Африкѣ утекъ;

Но сей сыскался человекъ.

Что я скажу о немъ, тому повѣрить можно;

Свидѣтель Аппіонъ; такъ я скажу не ложно.

Пойманъ рабъ, и въ Римъ рабъ бѣглый приведенъ,

И къ смерти осужденъ.

Исполнены боязни,

Ведутся грѣшники на мѣсто лютой казни,

И быть растерзаннъ отъ яростнаго льва.

Кого не утрашатъ кончина такова,

И кто не вострепещетъ,

Коль смерти передъ нимъ сія коса заблещетъ!

Уже собрался градъ къ позорищу сему;

И выведенъ ужъ левъ ко дѣйству своему;

Во осужденныхъ кровь предъ дѣйствомъ замерзаетъ:

Одинъ по одному

Неволью со львомъ сразивши дерзаетъ:

Съ лютейшей яростью несчастныхъ левъ жерзаетъ.

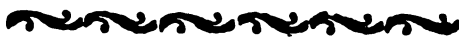
И сей рабъ выведенъ, который убѣжалъ:

Ужасна кончина зрима;

Омлялъ и задрожалъ;

Не будетъ больше зрѣть и свѣта онъ и Рима:

Левъ бросился къ нему разинувъ страшный зѣвъ ;
 Но вдругъ остановился левъ ,
 И озираетъ онъ невольника прилѣжно :
 По томъ любовь со жалостью смѣся ,
 И въ видѣ ласковомъ веселье износя ,
 Онъ лапами сево раба объемлетъ нѣжно :
 Всѣ зрители пришли во удивленье симъ ;
 И отъ чего сіе не понималось имъ ;
 Но жизнь раба не прекращенна ,
 Вина ухода опущенна ,
 Свобода возвращенна :
 Ко изліанію такихъ ему оспрадъ ,
 Со щедрою судьбой согласенъ былъ и градъ :
 Отъ пагубы раба звѣрь дикій избавляетъ :
 Андродъ , рабъ тако слылъ , гражданамъ събѣялетъ :
 Какъ я ушелъ ,
 Въ пустыняхъ нѣкогда къ великому мнѣ спраху ,
 Бѣжалъ сей левъ ко мнѣ съ пресильнаго размаху ,
 И въ ужасѣ меня прегѣщуца нашелъ ;
 Но всю оставивъ люцу грозу ,
 Ласкаетъ онъ меня ,
 И предомной сменя ,
 Боль чувствуя казалъ мнѣ въ лапѣ левъ занозу ;
 Я вонъ ее извлекъ : левъ ласпился ко мнѣ :
 И жилъ по томъ я купно ,
 Въ пустынной шой спранъ ,
 Съ звѣремъ неопшущно :
 Когда прошла съ нимъ жизнь охоша шамъ мод.
 Хотя я жилъ и безъ боязни ;
 Сокрывшись тайно я ,
 Поманъ , изведенъ на мѣсто лютой казни .

LX.

Испинна.

Хотя весь свѣтъ
 Изрыщешъ,
 Прямая испинны не сыщешъ;
 Ее на свѣтѣ нѣтъ;
 Семь тысячъ лѣтъ,
 Живетъ
 Она высоко,
 Въ такихъ мѣстахъ, куда недогадешъ око,
 Какъ быстро взоръ ни понеси:
 А именно живетъ она на небеси;
 Такъ я тебѣ скажу объ етомъ поученье:
 О чемъ ты сблужешъ напрасно человекъ,
 Что твой не дологъ вѣкъ,
 И скоро нашихъ тѣлъ со духомъ разлученье?
 Коль свѣтъ наполненъ суеты;
 Такъ ясно видишь ты,
 Что все на свѣтѣ семъ мѣщы:
 А наша жизнь не жизнь; но горестъ и мученье.

LXI.

Надежда.

Надежда нашими сердцами обладаетъ,
 И часто суетнымъ весельемъ услаждаетъ:
 Надѣюсь имѣть я тысячу рублей;
 Однако сподолько же они въ машинѣ моей,
 Какъ тѣ, попорыя въ машинѣ моей лежали,
 И убѣжали:

Что было у меня и опъ меня ушло ,
 То спало не мое ужъ болъ :
 А что меня еще по нынъ не нашло ;
 Подобно не въ моей же волъ ;
 Къ чему жъ мбчпанье плестя .
 Что было ,
 То спыло :
 Что можетъ быть ; такъ по моимъ еще сыло :
 Мое лишъ только то , что есть .

LXII.

Б р ѣ д ѣ .

На что будить , когда кто сладной видитъ сонъ ?
 Былъ нбкакой дѣшина :
 А по просну скопина :
 И спящу услужилъ по скопски другу онъ .
 Любиалъ ево прятель дѣвку ;
 Да не въ издѣвку ;
 Вдыханьями онъ сердце все раздулъ :
 Онъ такъ ее любилъ , какъ любятъ мѣжны души :
 Въ любовномъ озерѣ пронулъ ,
 По самы уши ;
 Но срда у нее однако не пронулъ ;
 Она была упорна ,
 И на любовь ни мало незговорна .
 Въ любовномъ помыслѣ онъ нбкогда заснулъ ,
 И ту , которая любви ненавидитъ ,
 Въ хороминѣ своей какъ будто въ правду видитъ ,
 Грѣмитъ ево съ постели гласъ :
 О шреблаженный часъ !

Ты скоро мнѣ мою любезну присудяишь.

Пришель закричалъ: пришель мой ты брѣдишь:

И разбудилъ его:

А я не здѣлаю шово.

LXIII.

Глупость.

Каковъ дуракъ? мертвецъ каковъ?

И въ чемъ различіе у нихъ и дураковъ?

Какая разности у нихъ примѣта?

Дуракъ ворошится, и вѣстъ и пѣетъ

А мертвой нѣтъ.

Къ чему сказка эта?

Къ тому, что глупыя дѣла только бремя свѣта.

LXIV.

Супружество.

Тотъ во бракѣ мыслитъ имѣти сласти;

Безъ препятства жертвовать нѣжной страсти;

Кто похуляишь можетъ игры и смѣхи,

Нѣжной тѣхки!

*

Тай въ любви съ прекрасною въ вѣкъ женою;

Но прочти сплетенную басню мною;

Нѣчто прежде, нежели бракъ васъ свяжетъ,

Басенка скажетъ.

*

Усмотрѣла розу пчела прекрасну,

И имѣетъ душу она къ ней спрасну,

Ароматъ собрать со прекрасной паетъ;

Къ ней прилетаетъ.

Сокомъ наполнился какъ жабла,
Изъ куста пчелз наслаждалъ лешбл;
Но одна ей въ сердце игла поцада;
Мертва упала.

LXV.

Любовь.

Проходяй рѣкѣ въ погѣ,
Пришелъ на брегъ рѣки,
Ийти не можешъ болѣ;
Въ ней воды глубоки:
Прейду, мнѣшъ, только прежде
Пускай рѣка пройдетъ,
И стоя въ сей надеждѣ,
Конца дяданца ждешъ.

Изображаетъ ясто,
То, пламень во крови,
Тово кто ждетъ напрасно,
Взаимныя любви:
Прохожева обманетъ
Текущая вода,
Тово любить не станетъ
Ирса никогда.

Конецъ III. Книги.

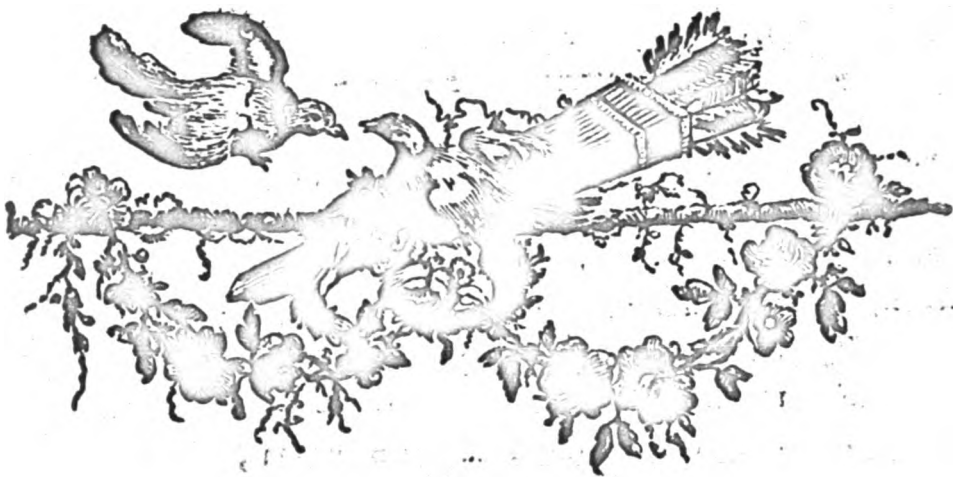
ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

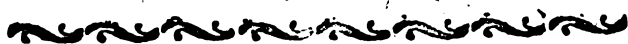
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

П Р И Т Ч И

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1.

Прохожій и Буря.

Едва прохожій бурю сноситъ ,

И Зевса тако проситъ :

Ты больше всѣхъ Боговъ , Зевесъ ;

Уйми ты ярости прогнѣванныхъ небѣсъ !

Гремитъ ужасный громъ и молнія блистаетъ ,

Во мрачныхъ облакахъ по сферѣ всей лѣтаетъ ;

А мракъ , дожди и градъ на землю низмѣшаетъ ;

А изъ земныхъ изшедшій ибѣръ ,

Шумитъ , реветъ по всюду вѣтрѣ :

Нль буду я въ сей день судьбинѣ злой ловиша ?

Пренебрегается молитва ,

И гласъ его сей пустъ и празденъ небѣсамъ ,

Что дѣлаетъ Зевесъ , то вѣдаетъ онъ самъ .

Разбойникъ , въ оной часъ , въ кустахъ отъ бури
скрылся ,

И будто въ хижину подземную зарылся ;

Но видя изъ куста прохожева въ пущи,
 Не можешъ онъ ни какъ на добычу нейши,
 Не помня свястости, онъ мысль имѣешъ смѣлу,
 И на прохожева напратъ онъ остру стрѣлу;
 Пустилъ: но сей ударъ погибъ,
 Ее противный встрѣ опшибъ.
 Безъ бури бы душа прохожева изъ пѣла,
 Конечно въ воздухъ полетѣла.

II.

Змѣя и Слонъ.

Была змѣя, и вздумала она
 Повергнути слона,
 И спала спрога
 Противъ сего скирда, хоромины, или спота.
 Ланцетъ во ршу взяла,
 Пришла она къ горѣ и подымаетъ брови,
 Цырюльничкомъ змѣя была,
 Пускаше льняной крови,
 И кровь она влѣчетъ:
 Изъ жила у слона потскомъ кровь течетъ.
 Змѣя волнуясь въ жилау дѣду,
 Преславную свою предчувствуетъ побѣду.
 Пуская слонъ,
 Баракшется слонъ,
 А ша свою побѣду славитъ.
 Падетъ хоромина сія,
 Падетъ и подъ собой цырюльника онъ давитъ:
 Скончался слонъ, скончалась и змѣя.

III.

Лисица и Кошка.

Лисица съ кошкою средь рожицы гуляла,
И кошку похваляла

Проворство своео ума;

А кошка говорила:

Ты много курь у насъ, дружокъ, переморила;

Я знаю то сама,

Что кушанье себѣ изъ кражи ты грювишь.

Напрасно ты меня злословишь,

И ты мышей вишь ловишь.

Ловлю:

Однѣко я тебѣ вопѣ это объявлю:

Господской на это имѣю я приказъ;

Вишь непоказано квартиры имѣ у насъ;

Живутъ безденежно, воруютъ повсечасно,

Уносятъ кормъ, какой найдутъ;

Гоняютъ ихъ, они изъ дома вонъ найдутъ,

Такъ ихъ терпѣшь напрасно;

А ты у насъ цыплятъ перевела,

Хозяйка ешова приказа не дала,

Не для тебя цыплята наши жабны,

Они, дружокъ мой, и намъ самимъ пошребны,

Такъ лутчебы у насъ ты вѣчно не была.

Мѣжду премудрыхъ ты себя, голубка, числишь,

И мыслишь

О томъ лишъ, какъ тебѣ куреночка спесать,

Куряпинки поѣсть и крови пососать:

Но вдругъ пришла бѣда, пришло себя спасать.

Такъ кошка говоритъ: сестрица, повернися,

Или хопя, дружечикъ, оглянися;

Пришла минуша, намъ попрыгать, поплясать.

Покинь ты враки,

Пришло теперъ до драки,

За нами гонятся собаки,

Часть VII.

М

Не шушка то, лиса ;
 Хвоста вертене не много вишь поможетъ ,
 И со хвостомъ тебя догнавъ , собака сгложетъ .
 Минуша настаетъ послѣдняго часа :

Лисица гордость отпѣхнула ,
 Трухнула ,

И лисьи волосы отъ ужаса вспряхнула .
 Далеко убѣжашь ни какъ неможно прочь ,
 И путается шумъ , какъ будто въ темну ночь ,
 А кошка

Ушла на дерево и смотришь изъ окошка ,
 Какую дастъ лиса собакамъ дань ,
 И какъ окончится воинска еша брань .
 Не пощадилн псы хорошей лисьей шубы ,
 Раскрыли губы
 И во премудрую лису вонзили зубы .

IV.

Заяцъ и Лягушки.

Испуганъ заяцъ и дрожитъ ,
 И изъ кушарника къ болоту онъ бѣжитъ ;
 Тревожатся лягушки ,
 Едва остались въ нихъ душки ,
 И становящся въ строй ,
 Великой думаютъ явился имъ герой .
 Трусливой заяцъ ихъ хстя непобѣждаетъ ;
 Однако досаждаешъ .

Я шрусъ ,
 Однако безъ войны я далъ лягушкамъ шусъ .
 Кто подлымъ родился , предъ низкими гордится ;
 А предъ высокими онъ ползая , не радится .

V.

Александръ и Парменіонъ.

Войскъ вожду греческихъ, Царь перскій дщерь давалъ,
Полъ Азіи ему приданымъ обѣщаетъ,

Чтобъ онъ ему спокойство даровалъ,
И чрезъ Пословъ ево объ епомъ извѣщаетъ.
Парменіонъ такой давалъ ему совѣтъ:

Когда бы Александръ я былъ на свѣтѣ,
Я взялъ бы потъ часъ то, что перскій Царь даетъ.
Во Александровомъ сей слышитъ мужъ отвѣтъ:
Отвѣтствовалъ ему на слово ето онъ;
И я бы взялъ, когдабъ я былъ Парменіонъ.

VI.

Генрикъ IV. и Вдова.

Въ Парижѣ Генрикъ такъ Четвертой отвѣчалъ,
Какъ будто нѣкое онъ дѣло помѣчалъ.

Пришедъ ко Генрику вдовица говорила:

Мнѣ крайню женщина обиду сотворила:

Сказала, я вдовой четырехъ родила,

Злодѣйка на меня прегрубо солгала:

Король отвѣтствовалъ: не праведенъ свѣтъ нынѣ,

Приложитъ ко всему всегда по половинѣ.

VII.

Пучокъ лучины.

Нельзя дивиться, что была
 Подъ игомъ Росская держава,
 И долго паки не цвѣла,
 Когда ея упала слава;
 Вить не было тогда
 Сего великаго въ Европѣ царства,
 И завсегда
 Была вражда
 У множества князей едина государства.
 Я это въ прищѣ подтверждаю,
 Которую теперь скажу,
 Что Россовъ та была паденія причина:
 Была пучкомъ завязана лучина;
 Колико руки ни помить,
 Нельзя пучка переломить.
 Какъ россы, такъ она разсыпалась подобно,
 И стало изломать лучину всю удобно.

VIII.

Змѣя согрѣшая.

Змѣю мужикъ нашелъ, она гораздо дрябла,
 Озябла,
 Прикладываетъ онъ усердіе свое,
 И отогрелъ ее.
 Онъ думалъ это такъ и здѣлать надлежало;
 Она въ него вонзила жало,
 И говоритъ ему она слова сіи:
 Не согрѣвай змѣи.

IX.

Шалунья.

Шалунья нѣкая въ бесѣдѣ,
 Въ торжественномъ обѣдѣ,
 се брѣдила безъ словъ Французскихъ ни чего,
 Хотя она изъ языка сево
 Не знала ни чего,
 Ни слова одново:

однако знаніемъ хотѣла поблнспаши,
 и ставила слова Французскія не кѣ спати;
 казала мѣжду тѣмъ: я ѣду дѣлашь куръ.
 казали дурицѣ, внимая по сосѣдки:
 какой плешешъ ты вздоръ, куръ дѣлаютъ насѣдки!

X.

Медвѣдь танцовщикъ.

В Москвѣ случилось медвѣдю побывашъ.
 какую въ городѣ имѣть ему опраду?

Онъ опданъ маскараду,
 Учиться танцовать;

А маскарады не наскучатъ,
 боша и ни чему они и не научатъ;

А музыканты вишь не мучатъ,
 Они здоровья не вредятъ,

Хотя сево и дешдашатъ,
 За деньги вишь дурятъ.

Алсать медвѣдь изрядно научился;

въ прочемъ туть не лъзя ни въ чемъ искуснымъ бытъ;
 утъ должно всѣ дѣла прямыя позабытъ.

о маскарадомъ сей танцовщикъ разлучился,

На полъполушки путь онъ дѣла не нашелъ,
И тайно онъ ушелъ.

Во маскарадахъ онъ испорченной вздурился,
Въ танцовщика со всѣмъ медвѣдь перетворился,
Въ лѣса ушелъ и пляшетъ тамъ
По всѣмъ мѣстамъ.

Медвѣди это видятъ,
И ремѣло они безпрочно ненавидятъ,
И думаютъ они, на что въ Москвѣ оно,
Ни хлѣбъ, ни каша то, ни пиво, ни вино,
Къ чему тамъ учатся такому ремѣлу;
Мы лучше подражать хотимъ ослу;

Тотъ воду возитъ;
А! что ремѣло ни грѣшѣтъ, ни морозитъ,
И прибыли въ немъ нѣтъ на свѣтѣ ни какой
И скажемъ мы по смѣло:

Къ чему преславной градъ такой
Въ такое мѣское вмѣшался дѣло?
Иль скуки тѣмъ инымъ не можно утолить,
Не лучше ли сію забаву отдадимъ?

Господинъ Лжецъ.

Не можно проглотить, не только много кушаютъ
Несносной лжи слово;
Кто лжетъ, не помнитъ ни чего,
И ни ково,
Ниже и себя самово;

И безо лжи не вретъ ни слова одново.

Былъ нѣкто лжецъ, его
Не сносно было слушать;

Не вносна ложь тогда, коль правды гибнетъ видѣ:
 Слуга сказалъ ему: свое мнѣ слово ложно

Приноситъ только стыдѣ.

Что ты ни говоришь, мнѣ слушать не возможно.

Въ чужихъ я краяхъ былъ съ побою за всегда;

А ты о чемъ когда вѣщаешь,

И не былицею безумныхъ обольщаешь,

Я епова не видѣлъ ни когда.

А онъ приказывалъ: когда услышишь почто,

Что нѣчто я солгу

Забывся, не нарочно:

Толки меня: на чтожь имѣю и слугу?

Господчикъ во бесѣдѣ,

На стулѣ, во обѣдѣ,

Слуга за стуломъ мнитъ, теперь ужъ я могу

Толкнуть ево, и честь ево обѣрегу.

Онъ справится, такъ ложь во правду превратится,

И дядкою ево съ успѣхомъ быти льстится;

А господинъ тогда извѣстье ново далъ,

Онъ нѣки капищи, не знаю, гдѣ видалъ,

Которы множество народа умѣщали,

И многія жрецы законъ имъ вдругъ вѣщали.

Народу многому иной тамъ храмъ отверстъ.

Одно тамъ капище длиною на пять верстъ.

Слуга толкнулъ ево и вратъ ему мѣшаетъ;

Господчикъ зданіе гораздо умѣншаетъ:

А шириной, сказалъ, по капище на перстъ.

XII.

Невѣста за столомъ.

Невѣста за столомъ сидѣла,

Пора вести невѣсту на подклѣшъ;

Во ужинѣ ей нужды нѣтъ.

Не ради епова она вѣнчалась дѣла;

Она и у себя въ тотъ день довольно ѣла.
 Зѣваетъ дѣвушка, помя дѣвичій взглядъ,
 И говоритъ: я мню, давно уже всѣ спятъ.

XIII.

Слѣпой и Безногой.

Слѣпой шелъ нѣкогда дорогой;
 А на пути сидѣлъ безногой,
 И говоритъ ему, дружокъ,
 Безъ глазъ ты, я безъ ногъ:
 Дай пѣсто, дамъ я крупъ, и здѣлаемъ пирогъ.
 Возми меня, дружечикъ, на за корки:
 Не устрашатъ тебя кустарники ни горки,
 Ни темныя лѣса, ни восхожденье горъ,
 Всегда въ часы дороги
 Тебѣ мой взоръ,
 А мнѣ твои, дружокъ мой, ноги.
 Не будущъ намъ пути соединеннымъ спрочи,
 Неполчишися ты ни одному шузу;
 А я ни гдѣ не поползу.
 Другъ другу будемъ мы являти важну службу,
 И утвердимъ мы дружбу.
 Содѣлали путь скоръ
 Пользныи договоръ.
 Гораздо странствовать полехче научились.
 Не худо, что они не разлучились.

XIV.

Другъ невѣжа.

Для мужика была медвѣдева услуга,
 Котораго имѣлъ сей звѣрь себѣ за друга;
 Обмахивалъ медвѣдь его.
 Какъ нѣкогда онъ спалъ, анъ здѣлалась проруха;
 Ко спящу на носъ сѣла муха:
 Вступился звѣрь за друга своего,
 Ударилъ муху онъ и сѣ друга содралъ кожу,
 И шутъ ему расквасилъ рожу:
 Заохалъ, застонилъ
 Мужикъ шутъ лежа.
 И какъ исторію о мухѣ онъ узналъ;
 Ко дружбѣ, мыслишь онъ, не надобенъ невѣжа.

XV.

Паукъ и Служанка.

Ткалъ сѣть себѣ паукъ, не для своей забавы;
 Но ради вѣчной славы:
 Однако тщетна вся работа та была;
 Не долго слава поцвѣта;
 Служанка паука смяла,
 И славу вѣчную всю щоткой опняла.

XVI.

Красильщикъ и угольщикъ.

Худыхъ людей-знакомства убѣгай,
 И сердце къ чистотѣ единой прилагай:
 Отъ нихъ ты можешь очерниться
 И вѣчно осквѣрниться,
 Отъ ихъ бесѣдъ.
 Красильщику былъ угольщикъ сосѣдъ,

Красильщика караетъ ,
 Запудрилъ у него весь домъ ,
 И въся пудра та столпомъ ,
 Всѣ краски у него мараетъ .

XVII.

Ось и быкъ.

Въ лѣсу воспитанная съ нѣгой ,
 Подъ тяжкой претсея ось телегой ,
 И не подмазанна кричитъ :
 А быкъ , которой шо везетъ , везя молчитъ .
 Изображаетъ ось господчика мнѣ нѣжна ,
 Который держитъ худо щотъ :
 По руски мотъ :
 А быкъ крестьянина прилежна .
 Страдаетъ отъ долговъ обремененной мотъ ,
 А етова не вспоминаетъ ,
 Что пахарь изливая потъ ,
 Трудится и шягло ему на карты тлянетъ ,

XVIII.

Собака на сѣнокося.

Собаку звали въ гости ,
 На требужу , на кости :
 Она благодаритъ ,
 И говоритъ :
 Пришла бы на обѣдъ я епотъ неопложно ,
 Да мнѣ ни какъ не можно .

А для чего? Ей былъ вопросъ.
 Отвѣтствуетъ она, севодни сѣнокосъ.
 Не будете меня, просители, вы хаять,
 За то что я небуду къ вамъ;
 Миѣ тамъ,
 Кричатъ хамъ, хамъ;
 А попросту сказать, друзья, я буду лаять.
 Великія дѣла,
 На сѣнокосъ судьба собакъ подала.
 Управы нѣтъ, хотябъ ты тамъ и небыла.

XIX.

Жаръ и Служа.

Жена не любитъ мужа,
 Къ нему у ней излишня служба;
 Къ любовнику излишній жаръ:
 Обѣимъ сто имъ ударъ.
 Мужъ алчешъ, и одно сухоядење гложешъ;
 Тотъ сытъ и съ пищею исправиться не можетъ.

XX.

Возница пьяной.

Возница пьянъ, коней стѣгаетъ,
 До самыхъ ихъ ушей онъ пафшью достгаетъ:
 А лошади его за то благодарятъ,
 И говорятъ:
 За что ты лупишь насъ? Къ чему тебѣ то нравно?
 Веземъ и безъ того карету мы исправно;

Насилу здѣсь сѣишь, напитки ты любя,
 И отъ того ты прошиву насъ бесчиненъ;
 Не мы, да ты илпизся виненъ;
 Такъ должно битъ тебя.

XXI.

Французской языкъ.

Въ Парижѣ говорятъ и малыя ребята
 Французскимъ языкомъ;
 Французской имъ языкъ съ младенчества знакомъ.
 Такия маханьки учоны тамъ щенята,
 Не знаю, кто сказалъ, во Франціи бывъ самъ:
 У насъ ребятакъ учатъ,
 Наукой мучатъ;
 А тамъ
 И не учася всѣ умбюшъ по Французски,
 Какъ мы по Руски.

XXII.

Арапское лѣто.

Новоманерныя дамы были,
 И позабыли
 Въ гостяхъ о лѣточкахъ и платьяхъ говорить.
 Вить имъ по всякой часъ не все одно варить.
 Былъ жаръ тогда великой;
 Не часто видится въ Ишпаніи полойкой.
 Одна сказала шутъ,
 Что жаръ былъ очень крутъ.

Я чаю, говоритъ, Арапско лѣто долѣ,
И что у нихъ жары еще и нашихъ болѣ.
Другая паянула, сказавъ, по всемъ мѣстамъ
Такой же хладъ и жаръ; вить солнце пожъ и шамъ.

XXIII.

Посолъ Оселъ.

Въ Венеціи посломъ шалунъ какой то былъ;
Былъ гордъ и многимъ онъ довольно нагрубилъ.
Досдой на него Венеціанъ дышутъ,
И ко двору о томъ, опкозь посолъ былъ, пишутъ.
Тамъ вѣдаютъ уже о пмѣ посольскихъ вракъ.
Отвѣтствуютъ: ево простите, онъ дуракъ.
Не будетъ со осломъ у человека дракъ.
Они на то: и мы не скудны здѣсь ослами;
О мы ословъ не дѣлаемъ послами.

XXIV.

Дуракъ и Часы.

По виду шелъ дѣпина:
По разуму скопина;
Увидѣлъ солнечны часы.
Онъ вѣдалъ, вѣрныя всегда равны вѣсы;
А шутъ не равенство съ своими онъ часами
У солнечныхъ часовъ нашелъ,
И прочъ пошелъ,
Сказавъ: и солнушко гуляя небесами.
И проходя всякъ день обширны небеса,
Опстало два часа.

XXV.

Цыганка.

Цыганку женщина дарила,
 И говорила:
 Рабѣника я имѣть хочу,
 Ты здѣлай мнѣ, я ешо заплачу.
 Цыганка говоритъ на ету рѣчь погану:
 Поди кѣ цыгану.

XXVI.

Братъ и Сестра.

Братъ мошъ, сестра ево журила,
 И говорила:
 Доколь тебѣ мошашъ,
 Пора и пересташъ.
 Онъ ей отвѣтствовалъ: во злой живу я долѣ.
 Но только ты, сестра, отстанешъ отъ любви,
 И я мошашъ не буду болѣ.
 Поступкомъ тым своимъ дорогу мнѣ яви,
 И въ постоянствѣ жить по гробъ мы будемъ оба.
 Сестра отвѣтствуетъ; мошашъ тебѣ до гроба.

XXVII.

Рабяша и Ракъ.

Рабяшки у рѣки играли,
 Не дожидаяся ни ссоръ ни дракъ.
 Анъ выползъ ракъ.
 Шаля ево рабляшки въ руки брали.

Заставлю я мнить онъ, ихъ пѣсенку запѣть;
 Мнѣ стыдно отъ рабятъ ругательство терпѣть:
 Давнулъ у одново, прогнѣвався онъ, пальчикъ,
 И завизжалъ шутъ мальчикъ:
 Кричатъ рабятки всѣ, бездушникъ онъ, и плутъ;
 И здѣлали они надъ ракомъ судъ.
 Не спанешъ, говорятъ, на предки куролѣсиль.
 Хосятъ ево повѣсиль;
 Да нѣтъ веревки шутъ, такъ суетна ша рѣчь;
 Инъ голову отсѣчь.

Хвала такой предлогъ рабятки величали
 И всѣ они кричали:

Ура, ура,
 Пора, пора.

Да нѣтъ и ножика, не только шопора.
 Пораненой кричитъ, ему шо всѣхъ важняе,
 Ошмщеніе ему гораздо всѣхъ нужняе:
 Я самъ злодѣю казнь, рабятъ, изрѣку:
 Возмемъ и бросимъ мы бездѣльника въ рѣку.
 Они сей вымыселъ и больше величали,
 И болѣе еще и прежняго кричали:

Ура, ура,
 Пора, пора.

Не будетъ отъ него на предки больше страху,
 Не будетъ болѣе ево на свѣтѣ праху.
 Пришла достойная разбойнику кара,
 И бросили ево въ рѣку они съ размаху.

XXVIII.

Мужъ пьяница.

Мужъ пьяница; жена всякъ день ево журитъ
 И говоритъ

Друзьямъ ево она : я мужа поспрацаю ,
И отбучить отъ пьянства обѣцую.

А какъ ?

Вотъ такъ.

Когда напьется онъ и потѣряетъ силу
И помышленія , снесу ево въ могилу ,
И сверху прикрѣплю доской ,
А не землей ; проходъ дышать ево дамъ рылу.

Онъ етова вишь онъ

Не преснетъ ,

Воскреснетъ :

А сей увидя страшной сонъ ,
Что онъ отъ водки мертвъ , напитокъ позабудетъ ,
И пить не будетъ.

Исполнила она

Тотъ вымыселъ , какъ умная жена.

Пришла къ нему на гробъ , притворствуя рыдаетъ ,
Кричитъ : животъ меня подобно покидаетъ ,

И прекращается тоской ,

Надъ гробовой пвоей , любезный мужъ , доской.

Онъ тамъ очнулся ,

На ономъ свѣтѣ , мнитъ , въ могилѣ онъ проснулся ,

На вѣчной опошелъ покой ,

И вопитъ : жонушка , за чемъ ко мнѣ приходишь ?

Уже супруга ты здѣсь мертвого находишь.

Супруга думаешь , супруга я сплела.

Отвѣтствуетъ жена : поминки здѣсь я правлю ,

Поминокъ принесла ,

И на могилѣ я блиновъ тебѣ оспавляю.

А онъ отвѣтствуетъ , на что ?

Коль любишь ты меня ,

Не надобны они : мнѣ ради мертвой глотки

Пойди и принеси въ могилу ты мнѣ водки.

XXIX.

Хвасшунъ.

Шелъ нѣкто городомъ, но града не былъ житель;

Изъ дальнихъ былъ онъ странъ,

И лгать ему шалашъ привычкою былъ данъ.

За нимъ ево служилель,

Слуга немкой былъ и города сего,

Не изъ отечества ево.

Въздаетъ господинъ ему въцанья мовы;

И говоритъ ему: въ моей землѣ коровы

Не мѣняе слоновъ.

Слуга ему плешетъ и самъ расказенъ ковъ:

Я чаю, пуда въ три такой коровы вымя;

Слонихой лупче бы ей было даши имя.

Я думаю, у ней одинъ полпуда хвостъ;

А мы имѣемъ мостъ,

Къ нему шенерь подходимъ;

По всякой день на немъ диковинку находимъ.

Когда взойдетъ на средину,

Кто въ оной день солжетъ, мостъ тотчасъ разоидетъ,

Лишь только ажецъ найдется;

А ажецъ падетъ во глубину.

Прибѣжій говоритъ: коровы то съ верблюда,

А то бы очень былъ великъ коровій хвостъ.

Слоновьева звѣна не взрютишь на три блюда:

А ты скажи еще, каковъ бишъ вашъ ашъ мостъ?

А мостъ ашъ нашъ таковъ, какъ я сказалъ, конечно.

Такой имѣти мостъ,

Мой другъ, безчеловѣчно.

Коровы то у насъ

Поболт, какъ у васъ:

А мостъ ашъ вашъ каковъ? Сказалъ уже я ето;

У насъ же и зимой рѣкамъ вѣсна и лѣпо:

Намъ

Мосты всегда попребны по рѣкамъ.
 Коровы то и здѣсь такіяжъ какъ и тамъ;
 Миѣ только на ешотъ часъ ложно показалось,
 И отъ шово то все неловко и сказалось;
 А мостъ атъ вашъ каковъ?
 Какъ я сказалъ, шиковъ.
 Проѣзжій говорилъ: коль ешо безъ обману,
 Такъ я черезъ рѣку у васъ ходить не спану.

XXX.

Новое лѣкарство.

Какой то человекъ тоскуетъ и груститъ,
 Спокойства получить себѣ ни чѣмъ не льститъ;
 И говоритъ: на смерть я грустию оставленъ,
 Отъ инохондри я вѣчно не избавленъ.
 Отвѣтствуетъ ему дуракъ:
 Не брѣдь такихъ ты врачъ;
 Отъ грусти пѣй вино и пиво;
 Какое ешо диво,
 Что спраждешъ, государь;
 И сама подлая не спраждетъ еданъ тварь:
 Здоровье всякому всево, что есть дороже.
 Да есть ли я проспаясь, такъ будетъ послѣ то же.
 Напѣйся ты опять. Да будетъ послѣ что же?
 Опять, опять попѣй; разумна мысль моя.
 Во пьянствѣ грусти всѣ конечно позабуду:
 Но чтожъ я послѣ буду?
 Ты будешъ то, что я.

XXXI.

Лягушка.

Лягушка быть быкомъ хопѣла ;
Она вздувалась и попѣла ,
Да не прибавилося шѣла :

Ей трудъ
Былъ крупъ.

Ослабла у нея въ такой напугѣ душа ,
А шѣло вздулося и спало какъ подушка :
Подушка лопнула и преснула лягушка.

XXXII.

Мышь и Быкъ.

Озlobясь быкъ , мышей переловилъ ,
А по просу передавилъ.

И кажда мышъ быка за епо поносила ,
А нѣкая изъ нихъ подкрарся укусила ,
Ушла ,

И норочку нашла.

Не шрогаешъ ее въ норѣ быкова сила ;
А быкъ

Во норки влззипть не обыкъ ,
Осталоса быку предъ мышью погордиться
И посердиться.

Колико онъ рогами ужъ ни цѣлъ ,
Не попадетъ своей рогатиной во щель .
А мышъ ругаяся кричитъ : довольноль сыпы
Твои разбойничьи копыты ?

Не стыдноль мышъ тебѣ имѣти за врага ?
Велики у тебѣ рога ,

А рыцарство гораздо маловато.
 Зайди еще къ лягушкамъ ты во благо,
 И шамъ еще свое геройство ты яви;
 А послѣ блохъ передави.

XXXIII.

Кошка.

Читатель помни то, колико лѣши злы:
 Бугрочки не Кавказъ, а спруйки, не валы.
 Брегися ты себѣ излишней похвалы.

Мышей и крысѣ ловила кошка,
 На всякой по три день лукошка.

Хозяинъ кошку величалъ,
 И о побѣдахъ сихъ вседневно онъ кричалъ,
 И говоритъ онъ ей: ты кошка льва поймаешь,
 И изломаешь.

Поймала кошка льва,
 Да я не вѣдаю осталась ли жива.

XXXIV.

Совѣтъ боярской.

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
 Доколѣ не былъ днѣ
 Россіи Іоанъ,

Великслѣпныя еб Кремль воздвигшіи башни.
 Бѣ Россіи не было спокойнаго часа;
 Опустошались нивы

И были въ пламени лѣса:
 Татары бодрствуя несясь подъ небѣса,
 Зря сколь лѣнны
 Ийти, во праздности живущія, на брань.
 И тѣ съ насъ брали дань,
 Которыя уже возрѣть тогда не смѣютъ,
 Какъ наши знамена являясь и возвѣютъ.
 Они готовы нынѣ намъ,
 Какъ мы имъ были, во услугу.
 Не все на свѣтѣ быть единымъ временамъ.
 Несутъ Татара страхъ Россійскимъ сторонамъ;
 И разорили ужъ и Тулу и Калугу;
 Предъ Россамъ они въ сии дни грязь и прахъ;
 Однако нанесли тогда Россіи страхъ.

Уже къ Москвѣ подходятъ,
 И жителей Москвы ко препешу приводятъ.
 Татара многожды съ успѣхами дрались.

Бояря собрался
 Ко совѣщанію на разныя опѣшны,
 И дѣлаютъ совѣшны;
 Въ совѣшѣ помѣ бояринъ нѣкій былъ.
 Отъ старости сей мужъ, гдѣ Крымъ лежитъ, забылъ.

Бояра,
 Внимаютъ мужа стара;
 А онъ спросилъ у нихъ, отколь идутъ Татары?
 Съ полудни, говорятъ. — Гдѣ полдень? я не знаю.
 Отъ Тулы ихъ походъ. — Я это вспоминаю;
 Бывалъ я нѣкогда съ охотой псовой шимъ,
 И много задовъ весьма по шѣмъ мѣстамъ.

Я вамъ вѣщаю,
 Въ опѣшѣ,
 И мнѣніе свое вамъ ясно сообщую:
 Въ татарской мнѣ войнѣ ни малой нужды нѣтъ,
 И больше ни чево сказать не обѣщаю.

Меня Татаринъ не созжешъ
 И мнѣ не здѣлаешъ. . . . увѣчья,

Среди Замоскворѣчья.

Распоряжайте вы ; а мой отвѣтъ такой :
Мой домъ не за Москвой рѣкой.

XXXV.

Общая судьба.

Прохожій прочитай сіи ты строчки обѣ,
Написано на гробѣ :

Прохожій , обща всѣмъ судьба моя :
Что ты , и я то , былъ ; ты будешь то , что я .

XXXVI.

Мыши и Кошъ.

Коляко вы коша убишь ни домогались ,
Вы мыши ; вышелъ кошъ , а вы перепугались ;
И мысли ваши суета ;
Мышамъ ни какъ не лзя преодолѣть коша .

XXXVII.

Олень и Собака.

Въ попокѣ чистомъ видѣлъ
Олень себя ,
Дурныя ноги онъ свои возненавидѣлъ :
Природа , говоришь , весьма срамитъ тебя ;
И давъ прекрасныя роги ,
Дала она тебѣ прескаредныя ноги .

Аиь вдругъ бѣжитъ къ нему борзой и рѣвой пещь,
 Бросается олень мой въ лѣсъ;
 А ноги ото пса потчасъ ево уносятъ,
 И помощи себѣ ни отъ ково не просятъ.
 Сей даръ небесъ

Ево унесъ;

А роги

Оленю не дають дороги,
 Спасенъ олень ногами,
 Погибъ рогами;
 Запутался въ лѣсу,
 И былъ онъ жертвою голодну псу.
 Держись твою дружнѣе,
 Что намъ нужнее.

XXXVIII.

Сосна и хворостина.

Сказала сосна хворостникъ:

Ты будешь такава по смерть, какъ нынѣ,

Тонка, мала;

И лутчебъ ты на свѣтѣ не была.

Вѣ какую бы годилась ты попребу?

Гораздо я тебя поближе къ небу.

А та отвѣстствуетъ: судьба моя не зла;

Коль я другимъ негодца,

Такъ я отъ пагубы, отъ пошора свободна.

Опасности своей я славою не чту;

Имѣй сію всегда ты славою мѣчту.

На поплю не бѣрушъ меня въ креспьянски доми,

Ни на строеніе, какъ строятся хоромы.

Прошло дни два, и рубятъ сосну шу:

Коренья всѣ подѣ сосною прещатѣ,
И изѣ лѣсу ея въ господской домѣ тащатѣ.
Вѣ болѣзни не было отѣ саѣси ей покрова,
А хворостина та по днесѣ еще здорова.

XXXIX.

Йожъ и Змѣя.

Змѣю согрѣшяся,
Впустилъ во свой йожъ домъ;
Одна въ дому змѣя, такъ ето не содомъ,
И можетъ Мизантропъ въ такой бесѣдѣ зрѣшяся.
Скажу съ нимъ то и я:

Одна змѣя

Смятенныхъ мыслей мнѣ не можетъ приумножить,
Не только моево спокойства воспревожить.
Согрѣлася она, йожъ шлетъ ту гостью вонъ,
Къ тому онъ думаетъ, имѣетъ право онъ;
Извѣстенъ и ежу законъ.

Змѣя хлопочетъ,

И вонъ ийти не хочетъ,
И говорятъ ежу: ты знай, домъ епотъ мой;
Оставь меня ны здѣсь, а самъ пойдн домой.
Остался тамо йожъ весьма не правосудно,
Да вытащншь змѣъ ево гораздо прудно.

XL.

Ослѣпшая фортуна.

Успивъ на свѣтѣ намъ во всемъ спалъ нынѣ новъ;
О челсвѣкѣ

Не тако мыслили въ элапомъ и древнемъ вѣкѣ.
 Кто былъ великъ, великъ онъ былъ, и безъ чиновъ:
 Такъ и достоинства мѣчшанья не вперяли;
 Не пирами людей достойныхъ измѣряли;

И славы дѣлалъ шумъ

Единой полкъ умъ

И честность:

Другое было все, презрѣнна неизвѣстность,
 Фортуна не слѣпа еще тогда была,
 И прозорливою всегда она слыла;
 Однако и тогда безумцовъ было болѣ.

Сія великая толпа,

Колико ни глупа,

И нынѣ и до полѣ

Взгордився, овладѣвъ премудростью хопѣла,
 Сказавъ: довольно я передъ тобой сѣрѣла;
 Мнѣ даромъ то, что я не знаю ни аза,
 И выбила она фортуны вонъ глаза.

Фортуна ослѣпилась,

И отъ достоинства неволѣй ослѣпилась,
 Неволѣй и къ толпѣ безумныхъ прилѣпилась;

Людей преспала разбирашь,

И въ жмурки начала на свѣтѣ семъ играть.
 А къ пользѣ общества единый той найдется,
 Фортуны кто когда незапно попадется;
 Но сколько въ насъ невѣжъ, толико мудрыхъ кѣтъ,
 Такъ больше и во храмъ фортуны ихъ идетъ:
 Аспрея видя то отъ страха запряслася,
 И шаръ земной презрѣвъ ни небо вознеслася.

XLI.

Посулы.

При нуждѣ ибѣшо дасть Юпитеру всево
 На жертву посулилъ, и недалъ ни чево;
 Разбойникамъ потомъ попался въ руки,
 И ждетъ души своей со тѣломъ онъ разлуки,
 Сулитъ Юпитеру и болѣе шово;
 Но ужъ посулами не прогазетъ ево.
 Коль только на словахъ казны онъ терпитъ шрапу,
 Сулитъ разбойникамъ за жизнь онъ дасть заплашу;
 А тѣ по вѣдають, что онъ не сохранилъ
 И Зевсу данныхъ словъ, и клятвѣ измѣнилъ,
 Не внимають ужъ ево прошенію, ни спону,
 Ево нещадно бьютъ,
 И кровь рѣкою льютъ,
 Сказавъ: поди, неси посулъ тыхъ свой Плутону.

XLII.

Посулы Ескулапію.

Опчаянно кричитъ больной и все болишь,
 И Ескулапію онъ сто быковъ сулитъ.
 Мужъ болѣиъ, а жена больнова не болѣетъ,
 И ста быковъ жалѣетъ.
 Ты много, говоритъ, сулишь быковъ,
 Великоватъ подарочекъ таковъ;
 А онъ отвѣтствуетъ на рѣчи оны:
 Возможно посулить быковъ и мліоны,
 Для здравья своево;
 Сулю я сто, а дамъ я только одно.

XLIII.

Кургузая Лисица.

Лисица хвостъ оторвала,
дабы ей вырваться изъ сѣни, гдѣ была.

Кургузая лиса хвосты поноситъ,
и прошчихъ лисъ она необходимо проситъ;
Сорвите вы хвосты: являютъ по умы,

Что мы

безъ нужды пягошимъ шѣла свои хвостами;
Мнѣ легче безъ хвоста, вы видите по сами.
Такой совѣтъ она дала отъ стыда;
Но всѣ сказали: нѣтъ, и ни едина, да.

XLIV.

Поршной и Маршышка.

Поршной краилъ,
Маршышка это примѣчаетъ,
и чаетъ,

Искусства своево поршной не утаилъ.

За чѣмъ то онъ

Скроивъ, и по и по, оставивъ, вышелъ воцъ:

Маршышка ножницы поршмова ухватила,

и безъ нево,

не зная ни чево,

изрядно закупила,

и мила плакъ она, что это рѣмсло

отъ знанія ея не уросло.

Зѣброкъ сей былъ рѣмеслоборецъ,

Поршной пшитъ, а онъ негодной рифмотворецъ.

XLV.

Пужливая лягушка.

Лягушка видѣла, быки на брань несутся,
 И чѣны у нея въ болотѣ всѣ прясутся:
 Другая здѣлала лягушка ей вопросъ:
 Какихъ отъ драки сей боишься здѣсь ты грозъ?
 Болотныя мѣста быковъ не помѣщаютъ,
 И никогда быки здѣсь насъ не посягаютъ:
 А ты опвѣстываешь, и вѣя она дрожитъ:
 Отъ побѣдителя сразимый убѣжитъ,
 И къ намъ уйдетъ; луга отъ страха онъ оставитъ,
 А насъ премножество въ болотѣ предавитъ.

XLVI.

Лисица и Йожъ.

Лисица кушать захотѣла;
 Нѣтъ кушанья ни гдѣ, куда она ни шла,
 И сколько ни пошла;
 Но вдругъ нечаянно ежа она нашла,
 Къ нему стрѣлою полетѣла,
 И говоришь ему: не щастливъ ты звѣрокъ,
 Пришелъ твой рокъ,
 И устремляется вонзати ногти въ бокъ;
 А онъ попчасть свѣрнулся во клубокъ,
 Лисица ли меня, мнитъ онъ, поизобидитъ,
 И рыла моего лисица не увидитъ,
 Крѣпка мѣжду меня съ сей гостьюю мѣжа.
 А онъ въ клубкѣ лежитъ, ни мале не дрожа,
 Лисицу колитъ,
 Колико онъ изволитъ.
 Лисица повизжа,
 Оставила ежа;

Безъ ужина започивала,
И вся исколопа, въ больницѣ ночевала.

XLVII.

Услужливой Комарѣ.

Везли карету шесть великихъ лошадей,
Карета тяжела, хопя и безъ людей;

А еша

И съ людьми еще огромная карета,
Была она со стогъ;

Шла, шла дорогою, тянулася не досками,
Тащила барина и барыню пѣсками,

И збилася она дорогой съ ногъ.

Труды коней почти со всѣмъ уже исчезли,
Жалѣя и колесъ, жалѣя и коней,

Лакѣи слѣзли

Стоящія на ней:

Сднако ешотъ скирдѣ и съ мѣста неступлетъ,
Возница лошадямъ кричишь ну, ну, ну, ну!
И плѣшью лупишь ихъ, какъ будто за вину;
Стегалъ, стегалъ, кричалъ, кричалъ и осиплетъ.

Ошъ лошадей и пѣка шупъ и паръ:

Лешитъ комаръ,

Комаръ кареты той увидѣлъ шупъ и паръ,
Старается явити ей услугу,

И къ помочи ее кареты учредить,
И почалъ лошадей и кучера гвоздить,

Чшо бѣ кучаръ былъ на козлахъ попроворный;
А лошади везли бѣ карету поздорный:

То кучера, шо лошадь онъ колжетъ,

Помѣетъ, мучится, помощи нѣтъ,

Журчалъ , журчалъ , но шщепно пѣсни пѣшы ,
 И нѣшъ ни малыя примѣшы ,
 Къ подвижкѣ той кареты ,
 Колико онъ ее подвижутъ ни хошѣлъ ,
 Пошѣлъ , пошѣлъ ,
 И оплешѣлъ .
 Кони поотдохнули ,
 И шажную съ пѣску хоромину спѣхнули .
 Комаръ изъ далѣка карету усмотрѣлъ ,
 И говоритъ : куда какой , я спалъ поспрѣлъ :
 Гопову здвинушся карету я покинулъ ;
 Хошь я помучился въ пѣску ; однако здвинулъ .

XLVIII.

Тяжелой Комаръ.

Комаръ не глупъ ,
 Увидѣлъ дубъ ,
 Усѣлся шамо .
 И говоритъ онъ такъ : я знаю это прямо ,
 Что здѣсь меня стрѣлокъ
 Конечно не достанетъ ;
 Мой дубъ высокъ ,
 И дробь сюда не вспрянетъ ;
 Въ поварню онъ меня , ей , ей , не опнесетъ
 И крови изъ меня никто не пососетъ ;
 Сей дубъ меня спасетъ .
 А въ тѣ часы восстала буря
 Озлился воздухъ весь , глаза сердцаь нахмура ,
 Весь лѣсъ трясетъ ,
 А дуба вишь ни кто конечно не нагнетъ .
 Комаръ поетъ , а вътрѣ рветъ ,
 И дубъ сей рветъ .
 Высокой етошъ дубъ отъ вътрѣ повалился ;

Ужъ дуба больше нѣтъ ;

Пришла ево кончина :

Комаръ сказалъ : ахъ ! я тебя опяготилъ ;
А побъ тебѣ злой вѣтръ бѣды не накушилъ ,
И отъ меня , увы ! пришла ево кончина .
Ахъ ! я твоей , ахъ ! я напастн сей причина .

XLIX.

Кукушка и Ребяша.

Лишъ только закричитъ кукушка на суку ,
Ребяша всѣ за ней кричатъ ку ку ку ку .
Мѣжду премножествомъ въ народѣ малыхъ душекъ ,
И подражателей довольно сихъ кукушекъ .
У таковыхъ людей ни въ чемъ разбора нѣтъ ;

Одинъ у нихъ отвѣтъ :

Такъ дѣлаетъ весь свѣтъ .

Отъ епова дурачества плодятся ,
И новыя , всякъ день , безумія рождаются .

То мора родъ ,

Когда уродъ

Уроду подражаетъ ,

Толпа толпу симъ ядомъ заражаетъ .

L.

Сова и Зѣркало.

Сова увидѣла во зѣркалѣ себя ,

И образъ свой любя ,

Она не годовала ,

И говоритъ она : и съ роду не была

Толико я дурна ,

Или моя краса въ сей только часъ погибла?
Озлилася сова, и збркало разшибла.

LI.

Опчаянная вдова.

Скончался у жены возлюбленный супругъ;
Онъ былъ любовникъ ей, и былъ ей вѣрный другъ:
Мѣчпалась

И въ ночь, и въ день,
Стѣнящей въ вѣрности женѣ супружия тѣнь;
И только спашуя для памяти оспалась

.
Изъ дерева супружницѣ ево:

.
Она всегда на спашую взирала,
И обмирала:

Отъ жалости ее шутъ нѣкто посѣщала,
И утѣшенія различны ей вѣщала:
Не должно принимашь бѣздѣлкой важну службу;
Такъ съ нимъ за то вдова устлановила дружбу,
Которую хранишь онъ вѣчно обѣщала.
А дружба день отъ дня мѣжъ ними возростала,
И превеликой дружбой стала.

Потребно вдорушкѣ на чай воды согрѣть:
Что жъ дѣлать? иль не пить, ни ѣсть и умерѣть?
А дровъ сыскать не можно

.
Хозяйка говоритъ, сыщу дрова, поспой.
И сколько муженька хозяйка ни любила,
У статуи ево шутъ руку отрубилла;
На завтрѣ шутъ рукѣ досталось и той.

Прокладены дороги,
На третій день исшли шудажъ и мужни ноги:

Осталась голова;

Однако и она шуда же на дрова.

Погрѣшъ любѣзныи мужъ гораздо въ жаркой банѣ.

Какое жъ больше ей сокровище въ нурбанѣ?

Она ево велѣла, бросить вонъ;

А послѣ ей на чай и весь годился онъ.

ЛII.

Деревенскія Бабы.

Во всей деревнѣ шумъ,

Не лѣзя собрати думъ,

Мѣшается весь умъ:

Шумятъ сердиты бабы.

Когда одна шумитъ,

Такъ кажется тогда, что будто громъ гремитъ;

Извѣстно, голоса сердитыхъ бабъ не слабы:

Льетъ баба злобу всю сердитая до дна,

Несносно слышати, когда шумитъ одна.

Въ деревнѣ слышится вездѣ Ксанпица Древня,

И зашумѣла вся отъ лютыхъ бабъ деревня;

Вселенную копятъ потрясть.

О чемъ они кричатъ? — Прискучилось имъ прятъ;

Со пряжей не различно,

Въ углу сидѣти скучно;

И въ скукѣ завсегда за грѣбнемъ воздыхать,

Хотятъ они пахатъ.

Иль прудъ такой однимъ мущинамъ только сроденъ?

А въ полѣ воздухъ чистъ, прятенъ и свободенъ.

Не нравно, говорятъ, всегда здѣсь бытъ:

Сиди,

Пряди:

И только на углы избы своей гляди.

Пряди и мужъ, когда сей прудъ ему угоденъ.

Часть VII.

0

Мужья прядутъ ,

А бабы всё пахаты , и сѣяши идутъ .

Бесплоны нивы , будшо ины ,

И пляшетъ худо вертѣно :

Въ сей годъ деревнѣ не дано ,

Ни хлѣба , ни холстины .

КНИГА ТРЕТЬЯ .

Скупой и Кружка .

Взявъ малой на обручъ колодезя , и спонетъ ,

Серебряная кружка поетъ .

Бѣда !

Не вѣдаю , отъ когдѣ скупой взялся шуда :

Малчишка кружку прославляетъ ,

И мимохожему всю повѣсть объявляетъ .

Я вышащу ея , прохожій говоритъ ;

А тотъ ея благодаритъ .

Прохожій мыслитъ ,

Малчишка глупъ ,

И кружку во своемъ уже поставитъ числитъ ;

Я скупъ :

А онъ открылся мнѣ не зная человека ;

Съ худымъ Жидомъ смѣшай худова кто мнѣ Грека ;

И онъ изъ рукъ моихъ , изъ своего добра ,

Не вырветъ скоряпы , не только серебра ,

Такова у меня не вывернуть ребра .

Раздѣлся мой скупой въ колодезь покапился ,

Спустился ,

И шаритъ тамъ ,

По всемъ мѣстамъ ,

Руками рыщетъ ,

И кружки ищетъ ;

А кружки малой потѣ не ранивалъ шуда,
 Такъ и, сыскашь ее, не можно ни когда;
 И щещно водолазѣ имѣешъ тамъ надежду;
 А малой взявъ ево одѣжду,
 Которой онѣ хощя и не купилъ,
 Сказалъ ему: моей не позабудь игружки,
 Твою одѣжду я искусно подцѣпилъ,
 А ты въ колодязѣ ищи, дружокѣ мой, кружки.

LIV.

Слѣпой и зрячій.

Слѣпой въ сраженіе вступилъ со зрячимъ,
 Въ великомъ мужествѣ, съ безуміемъ горячимъ,
 Хощя тогда была густая ночь:
 Была; однако тѣма опходитъ вишь и прочь.
 Слѣпой хощя и былъ ослѣпнувъ не умиленъ,
 Однако силенъ;
 Такъ спину зрячева во тѣмѣ слѣпой уродитъ.
 Свѣтѣ солнечный восходитъ:
 И побѣдителя слѣпова врагъ находитъ:
 Съ прощеньями свой долгъ слѣпому онѣ платилъ:
 Слѣпова колошилъ,
 И спину у него дубиной мотшилъ.

LV.

Жалосшлиява Дѣвушка.

Влюбился въ дѣвушку гораздо молодецъ,
 А дѣвушка молчала,
 И на любовь ево онѣ не отвѣчала;
 Благополучной, мнишь, имѣти онѣ конецъ,

Хотя еще и не было начала.
 На что, онъ думаетъ, съ ней много говоришь,
 Потребно дѣвушку дарить.
 Любовницы тогда бывають очень жарки,
 Когда бѣрутъ подарки.
 Была бы красота
 Едина суета,
 И пустота:

Когда бы прибыли она не приносила.
 Кто драхся не охочь, ни что ему и сила.
 Пришелъ ко дѣвушкѣ, и перстень ей принесъ,
 И спалъ молоти ей дуброву онъ и лѣсъ;
 А дѣвка у него кольца еще просила:
 Онъ ей и въ томъ, ни мало не прешитъ,
 Кольцо туда жъ лѣшитъ.
 Онъ дѣвушку цѣлуетъ;
 Она его милуетъ,
 А мыслитъ, какъ его
 Ограблю я всево,
 Такъ вытолкну отсель, пойдя куда онъ хочетъ;
 Пускай онъ дуется, сердясь, и хлопочетъ,
 Миѣ въ етомъ нужды нѣтъ:
 Миѣ нынѣ не досугъ, прости теперь, мой свѣтъ.
 Взираетъ на него дѣвица, и захочетъ;
 А онъ

Не хочетъ выйти вонъ,
 И перстня и кольца лишиться не издѣвка;

Однако дѣвка
 Домашнихъ собрала,

И вонъ его пѣхнула.

Дѣтина вышелъ вонъ, дѣвица воздохнула:
 Спросила у нея: ты шужишь, да о чемъ?
 Конечно сжалился, вздохнула ты о немъ;
 И что ты гнѣвалась, отсель его толкнула.

Она вопросчикамъ такой отвѣтъ дала :
Тужу, что я съ нево кафтана не сняла.

LVI.

Мышачья прозѣба.

На небеса моленіе творя,
Хотѣлося мышамъ имѣть въ анбарѣ царя.

Зевесъ исполнилъ то, по мышѣей волѣ
И посадилъ у нихъ болвана на престолѣ.

Царь данъ,
Да имъ не нравится вѣнчанной сей болванъ :
Они еще свой гласъ на небо возносили,

И сильнаго царя просили,
Да былъ бы царь ихъ строгъ, и имъ давалъ уважъ ;
А ешотъ ни какихъ не знаешъ мудрыхъ правъ,
Которы бы у нихъ бездѣльниковъ косили,
И прозѣба ихъ была къ Юпитеру не щя.

Такъ онъ имъ далъ копа.

LVII.

Дворовыя пщицы и куропапка.

Гонима пщицами дворова куропапка,
Во юности она, дана во дворъ судьбой,
У спранницы сея есть разумъ и догадка.
Дворовы пщицы всѣ, мѣжду всегда собой,

Въ воинскомъ дѣлѣ прели,

А по просту сѣртели.

На что же, говоритъ она, мнѣ здѣсь потѣшь :

Не лучше ли скорѣй на родину летѣшь ;

И дивно ль то, когда они меня обидяшъ,

Когда соопщицей толь люто ненавидяшъ.

Сказала доброй день и добрую имъ ночь,
И оплешѣла прочь.

LVIII.

Мидѣ.

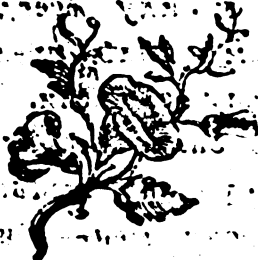
Цырюльникъ Мида бривъ, подѣ калпакомъ осѣпилъ,
Чего ни кто попреждѣ не примѣпилъ:

Имѣетъ пышный Мидѣ,
Ушей ословыхъ видѣ.

Болкливъ цырюльникъ былъ: молчаши не умѣетъ,
А людямъ обѣ епомъ сказаши онъ не смѣетъ;
Когдабъ онъ молвилъ имъ; легко бы и процалъ;
Но чтобъ о томъ болкнуть; онъ ямку прокопалъ,
И ямикъ шо болкнулъ! Взросло велико древо,
Съ ословыми ушми на право и на лѣво,
Въ листахъ изобразивъ: Имѣетъ пышный Мидѣ,
Ушей ословыхъ видѣ.

Не могутъ быть у тѣхъ людей велики души,
Которы и въ чести ословы имутъ уши.
Хотя хвала о комъ не право и ворчитъ;
Исторія о немъ иное закричитъ.

Конецъ IV. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ПЯТАЯ.

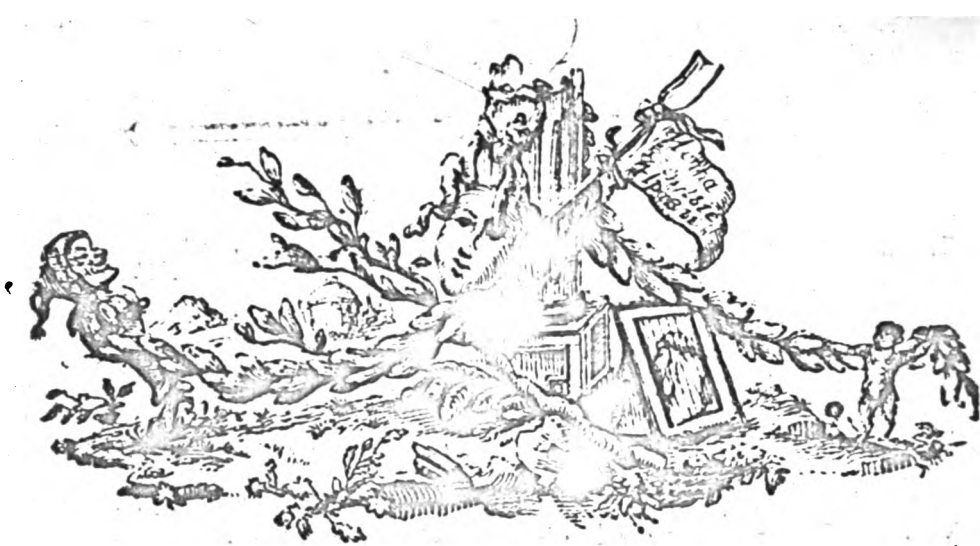
REPORT

MANUFACTURE OF

—————

RAILROADS

—————

П Р И Т Ч И

КНИГА ПЯТАЯ.

I

Пьяница прусъ.

Была въ Пруссіи пьяница,
А передъ нимъ и день и ночь,
Стояла стекляница,
И никогда съ часовъ не отходила прочь,
Хозяину провождая время.
Она ему была жена, и мать, и дочь,
И родъ, и племя,
И какъ любовница, всегда подбѣмля носъ,
Со пьяницей добзалася въ засосъ.
Покрылося ево лицо порфирнымъ цвѣшомъ,
И спало такъ красно, какъ солнце жаркимъ лѣшомъ;
И отъ лица лучи,
Блисташи будто отъ сабчи;
Извѣстно всѣмъ у пьяной рожи,
Огонь пылаетъ изъ закожи.

Отъ жара онъ распухъ :

Онъ спалъ дородняе ; пакъ спалъ сильнай онъ нынѣ ,
И взявъ обухъ ,

Благодаря судьбинѣ ,

Въ лѣза пошелъ отвагу онъ явить :

Смысллетъ вишь мой , медвѣдя изловить ,

И говоритъ : вишь я , медвѣдь , не устращуся ,

И у тебя домой , ей ! ей ! не попрошуся :

А ты дружокъ мой впредь ,

Не станешъ болѣе гордиться и резеть :

Велико дѣло то , что ты медвѣдь !

Великой ты бояринъ !

Не испугаюсь я , хотябъ ты былъ Татаринъ .

И полкъ мой уродъ .

Лишь вышелъ изъ воротъ ,

На кровопищну сбчу ,

Анъ крыса встрѣчу :

Герой дрожитъ ,

Герой бѣжитъ :

Не такъ похлебка твоя сварилась ;

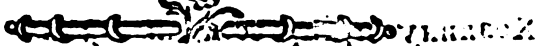
И съ трусомъ водочка не такъ уговорилась :

Сподкнулся , носомъ палъ , вдругъ жиля растворилась :

Герой средь улицы лежитъ ,

И кровью улица Геройской обагрилась .

Сказка кончилась .

Совѣтъ родительской .

Былъ отрокъ , да была еще отроковица ;

А просто молодецъ , да дѣвка , или дѣвица .

Дѣтница былъ ей братъ , она ему сестрица ;

Она была прекрасна , да тупа ;

А по просту глупа ;

А толкъ былъ дурень , да не тупъ ,

А по просту не глупъ .

Сынъ былъ въ отца, а дочь вся въ мать родилась,
 И вся въ безуміе по матери вдалась.
 Родитель нѣкогда красавицу журилъ,
 И говорилъ,
 чтобъ я сташуйщикъ былъ, я епова не чаю,
 Однако сташую изрядную извѣляю;
 А ты женишьбою, мой сынъ, не провинись,
 На дурь не женись:
 Болвана не бери ко спягченью вѣка,
 И шчися ты имѣть женою человѣка.

III.

Больной и Медикъ.

Къ больному лѣкаръ шелъ: больной въ жару:
 Готовъ рецептъ. Я денегъ не беру,
 Онъ едакъ говорилъ, и пропаялъ онъ лапу:
 Упалъ червонной въ шляпу.
 Червонной говоритъ: пожалуй полюбви:
 А докторъ говоритъ: пожалуй не кричи,
 Молчи,
 И не брѣчи,
 Да дай рѣчей больнова мнѣ послушать:
 Съ тобой поговоримъ и послѣ мы.
 Изволь сударь, больной, не много ты покушашь
 Сулемы.
 А ты, червончикъ мой, изволь меня послушать:
 Не верезжи и полюбай въ карманъ.
 Ступай, ступай, небось, вишь я не басурманъ.
 На завтра онъ себя къ больному присудилъ
 Онъ спалъ искусенько больнова утѣшашь,
 И почалъ вопрошашь.
 Больной не отвѣчалъ и брѣдилъ:

А докторъ мой,
 Не идетъ домой,
 И дѣлая тогда болящему собесѣду,
 Бесѣду,
 Возведъ ученыхя зеницы къ небѣсамъ,
 Забрелъ самъ;
 Однако уменьшилъ домашнихъ сожалѣнье,
 И подписалъ опредѣленье,
 Такъ:

Онъ бредитъ: это доброй знакъ.
 На завтра у больнова пятна:
 Примѣта доктору и та припѣтка,
 И утверждаетъ онъ,
 Что жаръ выходитъ вонъ.

На завтра жаръ перемѣнился въ спужу:
 А докторъ говоритъ: жаръ вышелъ весь на ружу,
 Моимъ стараніемъ скорбь еста пущь наша,
 И отошла.

На завтра нашъ больной скончался,
 А докторъ мой опять бѣжитъ,
 И въ пору самую припѣчался;
 Больной во гробъ ужъ лѣжитъ.
 Пощупалъ докторъ пульсъ, каковъ больной провѣдашь:
 Скорый, кричитъ, ево величе исповѣдашь.

IV.

Выкупъ мужей.

Великій крѣпкій градъ,
 Приступнымъ воинствомъ объятъ,
 На договоры не эдается,
 И съ неприятелемъ всей силою бѣтается.
 Съ обѣихъ странъ рѣками кровь ліется;

Летаютъ бомбы и ревутъ,
 И зданія во градъ рвутъ.
 Отъ пушекъ стѣны поврежденны,
 Такъ стѣ, которы осажденны,
 Ослабли на конецъ и спали побѣжденны.
 Чего воюющимъ тогда ужъ больше ждаты?
 Ихъ смерти вѣрно предать.
 Но вождь рѣшеніе такое оставляетъ,
 И объявляетъ,
 Чтобъ жоны всѣ свои сокровищи несли,
 Которыя они сокрыли,
 И въ землю можетъ быть зарыли;
 И чтобъ они мужей и пропчихъ стѣмъ спасли.
 Рѣшеніе сіе, не такъ какъ перво спрого:
 Принесено весьма богатства много:
 Одна лишь ни на грошъ къ отдачѣ не несетъ;
 Ни сору, а не только золота,
 Хотя она весьма была богата,
 И ужасъ сердца ей о мужѣ не прясетъ.
 Хотя мужъ ей милъ не ложно,
 Но деньги жонушкѣ еще ево милай:
 Лишиться ихъ еще и самой смерти злай;
 А мужа получить вездѣ всегда возможно:
 Вотъ едакъ думаетъ она.
 Похвальна ли сія, воздержная жена?
 А по просту плутовка,
 Хотя и не мотовка.
 И говоритъ: пускай мужей порѣжутъ тамъ,
 А я и десяти рублевиковъ не дамъ,
 И не хочу я столько куролѣсить.
 Божь мужа свободилъ, жену вѣлѣлъ повѣсить.

V.

Волосокъ.

Въ любви нѣкогда, не знаю кто горитъ,
И ни какова въ ней взаимства онъ не зрѣтъ.

Онъ суетно во страсти шлетъ;
Но Духъ къ нему какой шо прилетаетъ,
И хочетъ участи ево перемѣнить,
А именно къ нему любезную склонить;
И сердцѣмъ, а не только взоромъ,
Да только лишь со договоромъ,
Чтобъ онъ имъ вѣчно обладалъ.

Дѣяна на это, рукописанье далъ.

Установилась дружба,
И съ обѣихъ сторонъ опредѣлена служба:
Дѣяну Духъ контрактомъ обуздаль,
Не расходимо жить, въ одной и дружно шайкѣ;
Но чтобъ онъ передъ нимъ любовны пѣсни пѣлъ,
И музыкальный трудъ терпѣлъ;
А духъ бы бывъ при немъ, игралъ на балалайкѣ.

Сей Духъ любилъ

Забаву,

И любочестенъ былъ;
Являть хотѣлъ ему всюю вседневно славу;
Давался бы всякъ день исполнити дѣла,
Гдѣ бѣ хитрость видима была.
Коль дѣла шотъ не дашъ, а сей не исполнешъ,
Преступника контрактъ, безъ справокъ, обвиняешъ.
Доставилъ Духъ любовнику ему,
Отверзъ ему пути: Духъ хитрый ко всему.
Женился молодецъ, богатства въ домъ шучи,
И денегъ кучи;
Однако онъ не могъ труда сего терпѣть,
Чтобъ каждый день предъ Духомъ пѣсни пѣть;
А Духъ хлопочетъ,
И безъ комисіи зонъ выйти не хочетъ.

Богатствомъ полонъ домъ, покой во споронъ.

Сказалъ дѣтина по женѣ:

Не лзя мнѣ дней моихъ между блаженныхъ числить,
Отъ пѣсенъ не могу ни ѣсть, ни пить, ни мыслишь,
И сонъ уже бѣжитъ, голубушка, отъ глазъ;
Что я ни прикажу, исполнитъ духъ тотчасъ.

Жена отвѣтствуетъ: освободишься мною;
Освободишься ты, душа моя, женою;
И скажешь ты тогда, что я тебя спасла.

Какой то волосокъ супругу принесла,

Сказала: я взяла сей волосъ тамо,

Скажи чтобъ вытянулъ духъ етогъ волосъ прямо:

Скажи ты духу: сай ты волосъ прими,

Онъ корчится, такъ ты его спрями.

И оставайся съ симъ отвѣтомъ,

Что я не вѣдаю объ етомъ.

Но снятъ ли волосъ тотъ съ Арапской головы,

Не знаю: знаетель читатели, по вы?

Отколь она взяла, я ето промолчу;

Тому причина та, сказати не хочу:

Дознайся самъ читатель:

Я скромности всегда былъ крайній почитатель.

Пошелъ работать духъ и думаетъ: не крутъ,

Такой мнѣ трудъ.

Вытягивалъ его, мя, прямъ онъ быши спанетъ;

Однако щещно тянетъ.

Почувствовалъ онъ то, что етогъ трудъ высокъ;

Другсю онъ себя работою напужилъ,

Мылъ мыломъ и утюжилъ,

Но не спрямляется ни мало волосокъ.

Взялъ тяжкой молотокъ,

Молотитъ,

Колошитъ,

И хочетъ изъ него онъ выжать сокъ:

Однако волосокъ,

Остался такъ какъ былъ онъ преждѣ.

Духъ дѣлѣ поклонѣ своей надеждѣ,
Разорвался контрактъ ево отъ волоска.
Подобно такъ и я, стихи чужія правилѣ,
Потѣлѣ, пощѣлѣ, и ихѣ, помучився, оставилѣ.

VI.

Ворона и Лиса.

И пшнцы держатся людскова рѣмесла:

Ворона сыру кусѣ когда то унесла,

И на дубѣ сѣла:

Сѣла,

Да только лишѣ еще ни крошечки не ѣла.

Увидѣла лиса, во рту у ней кусокѣ,

И думаетѣ она, я дамѣ воронѣ сокѣ:

Хотя шуда не вспряну,

Кусочикѣ, ешотѣ я достану,

Дубѣ сколько ни высокѣ.

Здорово, говоритѣ лисица,

Дружокѣ, воронушка, названія сесшрица:

Прекрасная ты пшнца;

Какія ноженки, какой носокѣ,

И можно то сказать, тебѣ безѣ лицемѣрья,

Что паче всѣхѣ ты мѣрь, мой сѣбшникѣ, хороша;

И попугай ничто передѣ тобой душа;

Прекраснае сто кратѣ пвои павлиныхѣ перья:

Нелѣстны похвалы пріятно намѣ терпѣшь:

О ешшли бы еще умѣла ты и пѣшь!

Такѣ не былобѣ тебѣ подобной пшнцы вѣ мирѣ.

Ворона горлушко разинула поширѣ,

Что бѣ быши соловьемѣ,

А сыру, думаетѣ, и послѣ я поѣмѣ:

Въ сію минуту мнѣ здѣсь дѣло не о пирѣ;
 Разинула уши,
 И дождалась поста:
 Чудъ видитѣ лишь конецѣ лисицына хвоста,
 Хотѣла пѣть, не пѣла;
 Хотѣла есть, не ѣла:
 Причина та тому, что сыру больше нѣтъ:
 Сырѣ выпалѣ изѣ роту, лисицѣ на обѣдѣ.

VII.

Спашуя.

Спашуя здѣлана красавицына живо,
 Искуснѣйшей рукой: спашуя спали диво.
 Со подлинникомѣ та спашуя всѣмѣ равна,
 Толкожѣ хороша, толкожѣ и умна.

VIII.

Олень.

Стрѣлокѣ олемя гналѣ: олень ушелѣ,
 И у быковѣ себѣ убѣжище нашелѣ,
 Во отведенной имѣ оградѣ;
 И ходитѣ со быками въ спадѣ.
 Пастухѣ легохонько прѣзжева нашелѣ,
 Примѣшилѣ,
 И гостя онѣ осѣтилѣ.
 Сказалѣ пастухѣ: уже рогамѣ твоимѣ не ростѣ,
 Не мѣсто здѣсь тебѣ, ступай въ поварню гостѣ.

IX.

Заяцъ.

Левъ зайца хочетъ изловить :

Ты заяцъ, долженъ бѣгъ явить.

Но вмѣсто бѣга ты, подѣ деревомъ сокрылся,

Какъ будто въ нору гдѣ глубокую зарылся ;

То лучше ешьли побѣжишь,

А ты лишь только здѣсь дрожишь :

Бѣги: но ты лежишь ;

Бѣги: или спунай со львомъ ты къ бою,

Уже пресильный левъ передѣ побсю.

X.

Война Орловъ.

Дрались орлы,

И очень были злы:

За что ?

Тово не вѣдаешъ ни кто.

Подѣ самыми они дрались небесами ;

Не на земли дрались, но выше облаковъ,

Такъ слѣдственнно и шамъ довольно дураковъ :

Деремся вишь и мы, за что, не зная сами ;

Довольно, что орлы повоеваешъ хошашъ,

А перья въ низъ лепашъ.

Дерутся совѣстно они, безъ лицемѣрья.

Орлы поссорились, стрѣлкамъ орлины перья,

XI.

Кулашной бой.

На что кулашной бой?

За что у сихъ людей война, между собой?

За что рѣмѣло, къ чему бойцы бѣрутся?

За что они дѣрутся?

За что?

Великой тайны сей, не вѣдлетъ ни кто;

Ни сами рыцари, которыхъ воюютъ;

Другъ друга кои подъ бока,

И въ носъ и въ рыло суютъ,

Куда ни попадетъ рука;

Посредствомъ кулака;

Расквашиваютъ губы,

И выбиваютъ зубы.

Какихъ вы, зрители, тутъ ищите утѣхъ,

Гдѣ только варварство позорища успѣхъ?

XII.

Топорище.

Вшелъ нѣкакой мужикъ, безъ топоризца, въ лѣсъ:

Хотя топоръ съ собою и принесъ.

Не кланялся тудѣ деревьямъ онъ залѣзъ,

Но нѣсколько деревъ покоситъ;

Онъ ихъ пришелъ губить,

А по просту рубить,

И проситъ,

У лѣса дерева куска.

Не надобно ему полѣно, ни доска

На топоризце,

Лишь былъ бы потѣ сучокъ поглаже и почище.

Лѣсъ далъ ему ошъ дерева клочокъ.
 Бѣретъ сучокъ,
 Который лѣсу мало стснитъ,
 И топорище спрситъ.
 Сосшоилъ мужичокъ,
 И въ лѣсу, что хочетъ шо и рубитъ.
 Хотя лѣсъ спова не любитъ,
 Хотя и клеветя, что онъ подарокъ далъ.
 Опомнишя, ты лѣсъ, немножко опоздалъ;
 Объ спомѣ преждѣ бѣ ты, побольше разсуждалъ.

XIII.

Кляшва мужняя.

Бываютъ иногда; по участи злой, жонм,
 Жосточе Тизифоны;
 Сей ядъ,
 Есть адъ,
 Справданье безъ отрадъ.
 Жену прелюшу,
 Имѣлъ какой шо мужъ;
 И сколько онъ ни былъ, прошивъ ее, ни дюжъ,
 Однако онъ спрадалъ по всякую минушу;
 Какъ бритва, такъ была она ко злу, остра;
 Противу, въ домѣ, всѣхъ, какъ буря, такъ быстра.
 Имѣвъ со всѣми ссору крушу,
 Во всю кричала мочь,
 И день и ночь:
 Слуга, служанка, мужъ, и гость, и сынъ, и дочь,
 Бѣги скорле прочь,
 Или терпи различно огорченье,
 И нестерпимое мученье,
 И болѣе себѣ спокойствія не прочь.
 Ни чѣмъ ее съ пуши кривога мужъ не сдвинулъ,

И кинулъ.
 Мой жаръ уже, сказааь, къ тебѣ на вѣки минуаь;
 А естли о тебѣ я вдохи испущу,
 Или когда хоть мало погущу,
 Или тебя во вѣки не забуду,
 Пускай я двѣ жены такихъ имѣти буду.

XIV.

Надгробіе.

Сыну моему лежавшему въ покоѣ,
 Надъ гробомъ начерпалъ надгробіе такое:
 Ты былъ и нѣтъ тебя.
 Читатель, эту рѣчь, ны помни для себя;
 Хотя и безъ того твой духъ не позабудетъ,
 Что скоро и тебя на свѣтъ сѣмъ не будешь.

XV.

Рецептъ.

Худыя намъ спихи не рѣдко здѣсь родятся:
 Во сѣверныхъ странахъ они, весьма плодятся;
 Они потребны: вотъ они къ чему годятся:
 Чертей изъ дома выгоняеть.
 Не будетъ никогда чертями тамъ воняеть;
 То правда и спихи такія пахнутъ худо,
 Однако знахъ сей и истребляеть не чудо;
 Почаще надобно курить;
 А чортъ отъ курева пресманетъ ли дурить?

И не боится онъ явится и въ содомѣ,
 Его никто нигдѣ дубиной не побьетъ;
 Известно у него коспей и шѣла кътъ.
 Въ какомъ то домѣ,
 Какой то чортъ оралъ,
 И всѣ тамъ комнаты онъ сажей измаралъ.
 Къ хозяйну принесъ стихи Пимъ невкусной,
 А по прѣспу, стихи принесъ Пимъ прегнусной;
 Какъ худы шѣ стихи, толь ими былъ онъ гордъ,
 А въ шѣ часы пришелъ къ хозяйну и чортъ.
 Только писаны стихи его не складно
 Что ужъ и чорту спядо хладно;
 И топчасъ побѣжалъ опшолъ онъ,
 Большою рысью вонъ.
 На завпрѣ дня того, тутъ были гости тѣ же:
 Не лучше ль шаковыхъ гостей имѣти рѣже?
 Пимъ бумагу развернулъ;
 А дьяволъ . . . въ учонова швырнулъ,
 И говоритъ: ты тужъ опять подносишь брагу;
 Сложи ссю бумагу;
 И вопитъ онъ стѣня:
 Не мучь, Пимъ, не мучь стихами ты меня;
 Я выйду безъ того, я выйду вонъ опшоду,
 И въ предъ сюда не буду.

XVI.

Пимъ и богачъ.

Богатой человекъ, прославленъ быть жедалъ:
 Отличнымъ, щадася быть, отечества въ народъ:
 Онъ съ роду не служилъ, и хочеть быти въ модъ;
 И не шрудася ни въ чемъ. Пимъ звать послалъ,
 И на него свою надежду славы калдъ.

Пожалуй, освяти, мое пы имя, въ Одѣ:
 Но что воспѣть Пинту объ уродь?
 Будь ты отличностей моихъ, Пинтъ, свидѣтель;
 Воспой, мой другъ, воспой, свяшую добродѣтель.
 Я пѣть ее готовъ:
 Пристойныхъ прибѣру къ тому я мало словъ.
 Но какъ, дружечикъ мой, ее тогда прославлю,
 Когда швое я имя вставляю?
 Да я же никогда не хваливалъ ослѣвъ.

XVII.

Филинъ.

Въ павлиньихъ перьяхъ филинъ былъ,
 И подлости своей природы позабылъ:
 Во гордоспи жестокой,
 То низкой человекъ, имущій чинъ высокой.

XVIII.

Ученой человекъ и невѣжа.

Ученой человекъ, свое здоровье нѣжа,
 На канпе и лѣжа,
 Читалъ,
 Такую книгу онъ, котору почиталъ,
 Вошелъ тогда къ нему невѣжа:
 Пришелъ сей волъ,
 И вздоры замоллъ.
 Отъ гриключенья злова,
 ченой человекъ не говоритъ ни слова;

А тотъ болталъ,
И вишь онъ сталъ.
Поселъ, я говоритъ: съ тобою не различно,
Мнѣ быть не лъзя, хощя тебѣ и скучно,
Здѣсь были одному.

А тотъ ошвѣстствовалъ ему:
Меня здѣсь книга утѣшаетъ;
Со книгами я веселъ завсегда;
А скучно мнѣ тогда,
Когда какой дуракъ читати мнѣ мѣшаетъ.

XIX.

Медвѣдь и Пчела.

Пчела, кто снѣ таковъ и чпо, не вѣдя,
Ужалила медвѣдя;
Медвѣдь запѣлъ,
И гнѣвомъ экипѣлъ;
Онъ лпы подымаетъ,
И всѣ жилищи ихъ во ярости ломаетъ.
А пчелы сердатся, когда кто ихъ замаетъ.
Уже летитъ не рой,
Но пчелы всѣ летятъ, и становятся въ строй.
Медвѣдь хощя герой,
Воюя, рыцаря они не пощадили,
И побѣдили.
Не уповай на силу ты всегда,
И вѣдай ты, бываетъ иногда;
Ошѣ самой мѣлкости сильнѣйшему бѣда.

XX.

Пастушій сынъ и коза.

Пастушій, нѣкогда, сынъ, рогъ козъ сломнаѣ :
Боишея, чтобъ его родителѣ не побилъ,
И просилъ козу онъ : не скізывай дружечикъ,
Что сломленъ у себя рожечикъ.

Отвѣщиваетъ коза :
Дружокъ, у пастуха еще во лбу глаза.

XXI.

Есопъ.

Есопъ съ рабятнами играетъ :
Смѣются всѣ тому : онъ ето презираетъ :
Всему, скізыаѣ онъ имъ, на свѣтѣ семъ предѣлаѣ,
Потребно всякому бездѣлае между дѣлаѣ.

Кто етова не разбираетъ,
Не долго будетъ мысль и вѣжна и жива :
Кто съ лишкомъ тлаетъ лукъ, порвется тѣшива.

XXII.

Мальчишка и часы.

Услышалъ мальчикъ то, трехъ лѣтъ,
Что нѣчто во спѣнныхъ часахъ стучитъ и бьетъ ;
Мальчишка ни часовъ и ни минутъ не числитъ,
И о часахъ по свойски мыслитъ ;
И кажется ему тогда,
Взлѣзла мышь туда.

Онъ мыши угрожаетъ ,
 А именно часы онъ палкой поражаетъ.
 Милчишка мыши не убилъ ,
 Лишь только онъ часы, во дребезги разбилъ.

XXIII.

Геркулесъ.

За добродѣтели вознесся Геркулесъ ,
 До жителенныя Боговъ и до краевъ небесъ.
 Героя всѣ сего, тамъ Боги прославляютъ ,
 И со пришествіемъ на небо поздравляютъ.
 Всѣ радуются : онъ Боговъ благодаритъ ;
 Со Плупусомъ однимъ герой не говоритъ ,
 Не дѣлаетъ ему ни малго привѣтсва :
 За то, что паршитъ онъ, людей отъ сама дѣтства.

XXIV.

Уборка головы.

Съ наружи головы снабжаютъ ,
 Въ нутри головъ не наряжаютъ :
 Или мозгъ неадабной волосъ ?
 Хоша бы волосъ мой, по самы пяты росъ.
 На етогъ мой вопросъ ,
 Мнѣ скажетъ нелицетръ, подѣмая гордо носъ :
 Умы здоровье поврѣждаютъ ,
 А кудри болѣе красавицъ побѣждаютъ :
 Во разумѣ большой мнѣ нужды нѣтъ :
 Скажу и безъ ума : люблю себя, мой свѣтъ.

Не разумъ, чувства въ любви улаждаютъ.
 А я о семъ не жаспучу,
 И опровергнушь сей системы не хочу,
 Когда ввелись сѣи обряды,
 Что стали разума почтенные наряды.

XXV.

Пѣшухъ.

У куръ была война:
 Не вѣдаю пово, за что была она.
 Герои жестоко сердились,
 Однако не гордились;
 Оксичилася брань, воинской жиръ упухъ.
 Въ закутѣ, на войну не выходя, пѣшухъ,
 Кричитъ: подѣйте мнѣ враговъ, и я сражуся,
 И я уже сержуся,
 И покажуся.
 Пошелъ на бой;
 Но не сражается никто уже съ тобой.
 Имѣйте сердце смѣло,
 Тогда, когда еще не кончилось дѣло.

XXVI.

Аспрологъ.

Премудрый Аспрологъ,
 Въ сестрѣхъ возвѣщаль, что онъ предвидѣть могъ,
 Лѣтъ за пять ранее, что съ кѣмъ когда случится,
 И что ни приключится:
 Въбжалъ его слуги и его говоришь:
 Сступай, ступай, скорай домой, пѣсой домъ горитъ.

XXVII.

Воръ и Спарикъ.

Воръ тянетъ спанчу, средь ночи, съ старика,
 И грабитъ мужика:
 Кричитъ мужикъ: а воръ испуганный прясется,
 Дрожитъ,
 Бѣжитъ,
 И мыслитъ, не спасется;
 Стараются утечь,
 И въ бѣгѣ, спанчу свою, сронилъ со плѣчь.

XXVIII.

Голуби и Коршунъ.

Когда то голуби уговорились,
 Избрати коршуна царемъ,
 Надежду утвердивъ на немъ,
 И покорились:
 Ужъ нѣтъ убѣжища, среди имъ оныхъ мѣстъ;
 Онъ на день голубей десятка по два ѣстъ.

XXIX.

Мздоимецъ.

Мздоимецъ, кѣкогда, состроилъ госпиталь:
 И многія войти въ сіе жилище льстятся;
 Да епова мнѣ жаль:
 Ограбленныя всѣ имъ, шамъ не помѣстятся.

XXX.

Недостатокъ времени.

Живѣ празности вѣ убѣлѣ,
 И вѣ день ни во единѣ,
 Не упражнялся вѣ дѣлѣ,
 Какой то молодой и глухой господинѣ.
 Гораздо кажется, тамѣ качества упруги,
 Гдѣ кѣмѣ отечеству, ни малыя услуги.
 На что родится человекѣ,
 Когда проводишь онѣ, во тунѣдствѣ вѣкѣ?
 Онѣ члѣнѣ ли общества? моя на это справка,
 Внесенная во протоколѣ:
 Не члѣнѣ онѣ тѣла, борадавка;
 Не древо вѣ роцѣ онѣ, но изсушенный колѣ;
 Не человекѣ, но волѣ,
 Котораго не жарятѣ:
 И Богѣ то вѣдаетѣ, за что ево боярятѣ.
 Мнѣ мнится, безѣ причинѣ,
 Кѣ такимѣ прилогѣ и чинѣ.
 Могуль я чпить урода,
 Котораго природа,
 Произвела осломѣ?
 Не знаю для чего, щадитѣ такихѣ, и громѣ.
 Такой и мыслию до дѣлѣ не достигаетѣ,
 Единой праздности онѣ другѣ:
 Но ту свою вину, на время возлагаетѣ,
 Онѣ только говоритѣ: севодни недосугѣ.
 А что ему дѣла, во тунѣдствѣ, бремя,
 На время онѣ вину кладетѣ,
 Болшая: времени ему ко дѣлу нѣтъ.
 Пришло кѣ нему часу вѣ десятомѣ время;
 Онѣ спитѣ,
 Храпитѣ,

Приему время не находить,
 И прочь отходяишь.
 Въ одиннадцатъ часовъ пьешь чай, табакъ куришь,
 И ничево не говоришь.
 Такъ времени, сво способной часъ не въдомъ.
 Въ двѣнадцатъ снѣ часовъ пируешь за обѣдомъ:
 По томъ онъ спитъ,
 Спать храпитъ.
 А подъ вѣчеръ, болякѣ, онъ сидя, убираетъ:
 Не мысли, волосы приводитъ въ ладъ;
 И въ сомнищи публичны ѣдетъ гадъ,
 И послѣ въ карны проиграетъ.
 Нещастливъ естотъ градъ,
 Гдѣ всякой день почти и клопъ и маскарадъ.

XXXI.

Перекормленная Курица.

Не дѣлай ты себѣ излишнія услуги,
 Отъ помощи напуги.
 Вотъ новый опытъ рѣмсла:
 Старуха нѣкая разбогатѣть хотѣла,
 И курицъ своей еще приблизить тѣла,
 Чтобъ курка въ полщину побольше порсла,
 И болѣе яицъ несла;
 Хоть она и такъ довольно ихъ носила,
 И не просила,
 Ни въ ночь, ни въ день,
 Чтобъ былъ умноженъ ей, для полщины, ячмень.
 Худая курицъ симъ участь поддала,
 Она обожралася.
 Преставилася она; престала пить и ѣсть,
 И яицъ хозяйкѣ нестать.

XXXII.

Мышь и Устрица.

Лежитъ на берегу, изъ струй вскочивша, миса:
 Подъ крышкой видѣнъ былъ кусочикъ:
 Ни пипичка онъ, ни рыбка, ни звѣрочикъ,
 Да устрица была.
 Увидѣла то крыса,
 И морду сунула туда;
 Изрядная была ѣда,
 Которой крыса шутъ у мисы попросила:
 Ей миса рыло откусила.

XXXIII.

Иссея.

Иссея въ горести поскуетъ и страдаетъ,
 И плачетъ и рыдаетъ,
 Любезна пастуха Иссея покидаетъ,
 И испускаетъ стонъ.
 Сказали ей, въ нее влюбился Аполлонъ.
 Уже не веселятъ, Иссею, больше розы,
 И пицетенъ гяцинтъ, предъ нею, и тюльпанъ;
 Не вкусны персики, не вкусны априкозы,
 Противны стали ей и виноградны лозы,
 Дяющи нектары во вкусъ разныхъ винъ.
 На что гвоздики ей, нарциссъ, левкой, фиоля?
 Испорченна совсѣмъ ея блаженна доля.
 Прощается она съ любезнымъ навсегда,
 И видѣти ево, не чаетъ никогда.
 Люются изъ очей ея слезъ горькихъ рѣки,
 Въ беспамятствѣ кричитъ: прости! прости на вѣки!

Прости! ково люблю я болѣе себя;
 Утѣха вся моя прошла;
 Но знай, не буду я больше безъ тебя,
 Рекла и пала.

Разверзались пропасти и въ преисподню роуѣ:
 И се является совѣстникъ пастуховъ;
 Она ево злая смерти не навидитъ.

Но кое зрѣлице! любезнова въ немъ видитъ.
 Во пастухъ любимъ былъ ею Аполлонъ:
 Пресбраженъ былъ онъ,
 Свою любовь извѣритъ,
 Дабы себя увѣритъ,

Не милъ ли только ей единый будетъ санъ,
 Которой во сердцахъ любовичьихъ тиранъ:
 И часно отъ пово въ любви одинъ обманъ.

XXXIV.

Голубь и Голубка.

Съ голубкой голубъ жилъ, среди прекрасной роуи:
 Въ веселіи шли дни,
 Въ веселіи шли ноуи.
 Всечасно тамъ они,
 Другъ друга цаловали,

И въ полныхъ радостяхъ, въ той роуѣ пребывали.
 Но голубъ отъ своей голубки прочь летитъ,
 Колико духъ ея оплетомъ ни мупитъ;
 Угодно голубю, немножко прокатиться,
 И возвратиться:
 Летитъ.

Голубка плачетъ,
 А онъ, по воздуху, подъ облаками скачетъ;
 Ни что ему въ пуши скакати не претитъ:

Однако птицы шамо нищи:

Причина та, что нѣтъ ни пойма шамъ, ни пищи,

Пріяшенъ пущь,

Да худо, нѣтъ ни пищи шамъ, ни пойма,

А паче то, что нѣтъ подъ облаками сшойла,

Хотя и должно отдохнушь;

А въ воздухѣ никакъ нельзя заснушь.

Ужъ голубю мѣста прелестны,

Да только не извѣстны;

И географію не скоро ту поймешь;

А безъ того квартиры не найдешь.

Оставивъ онъ шѣ дальныя границы,

Спустился поклявась созрѣлыя пшеницы,

И чистыя воды въ источникъ испить,

А послѣ и ко сну гдѣ можно приступить.

Не пилъ еще, не кушалъ,

И водъ журчанія едва едва послушалъ,

На живѣ голубокъ,

Попался во силокъ.

О путешествіи онъ суетно злословитъ,

Но къ участи ево, ево рабенокъ ловитъ;

Рабенокъ слабъ,

Такъ голубъ былъ ему минушы двѣ три радъ,

И окончивъ свою несчастливую долю,

Онъ вырвался на волю.

А что довольно онъ, въ силокъ попавъ, потѣлъ,

Во путешествіи быть больше не хотѣлъ,

И въ шарое свое жилище полетѣлъ.

XXXV.

Трусъ.

Разбойникъ нѣкакой, имѣя звѣрской духъ,

Напалъ на двухъ.

Часть VII.

Р

Когда встрѣчаются въ пустынь вору,
 Не долго ждали ссоры;
 Одинъ прохожій былъ великой трусъ,
 И мыслятъ: есть ли мнѣ пожалуетъ онъ тузъ,
 Такъ я не скоро вспряну;
 А можетъ быть и по, что во сто лѣтъ не встану.
 Другой былъ храбръ,
 И смѣлъ какъ левъ, иль бабръ;
 А шотъ бѣжитъ не лвицей,
 Но зайцомъ иль лисицей,
 А можетъ быть лепитъ стрѣлою онъ и птицей.
 Опважной, копейцо въ разбойника вонзилъ,
 Злодѣя поразилъ;
 Упалъ воюющій разбойникъ,
 И спалъ покойникъ.
 А трусъ, и самъ тогда, мнитъ, вора побѣдитъ,
 И плкою ево старался разбудитъ,
 Но сколько онъ надъ симъ заснувшимъ ни трудился,
 Однако онъ не пробудился.

XXXVI.

Не основательное желаніе.

Прощенье Зевсу подносили,
 Мартышки, и ево просили;
 Но въ чолобитной той они писали чтожъ?
 Хстѣли у себя Царя имѣть, вельможъ,
 И словомъ общество уставитъ,
 Дабы себя прославить.
 Состроили себѣ и градъ,
 А въ немъ Коллегіи, Госпиной домъ, Сенатъ,
 И книгъ мартышачьихъ десятка два полатъ;

Судьи, подьячія, лишѣ не было солдатъ :
 Они трусливые и насѣ еще сто кратъ :
 Да въ епомѣ ни предѣкъмъ они и не таятся,
 Что смерти болѣе еще какъ мы боится.
 И орденъ учиненъ страны у нихъ былъ той :

На лѣнѣ золотой,
 Серебряной сурокъ повѣшенъ ;
 А надпись на звѣздѣ : кому изволишь рокъ ;
 А рокъ, подарками бываетъ часто грѣшенъ.
 Но можноль въ обществѣ, блаженству помѣ найтися,
 Гдѣ щастя жители безъ войска обойтися ?

Приходишь часто къ нимъ голодной волкъ,
 И часто онъ даетъ не праведной оброкъ.
 Мартышки здѣлали изъ гранадеровъ полкъ :
 Ведутъ ко брани ихъ сурковы Кавалеры,
 За ними шествуютъ мартышки гранодеры ;

Но только волкъ завылъ,
 Они всѣ въ тылъ.

Мартышки испугались,
 Изъ пушекъ не было пальбы,
 Ни изъ ружья стрѣльбы,
 Гранаты ихъ не зажигались ;
 А волкъ, десятковъ пять героевъ покаралъ
 И кожи съ нихъ содралъ.

Увидѣли мартышки,
 Что плохо ихъ ружье и таковыжъ и книжки,
 И что правительства устроить не могли ;
 Разсѣлиса опять, а городъ свой сожгли.

XXXVII.

Лисица въ опасности.

Лисица ото псовъ бѣжала
 И отъ охотника : лисицу онъ правилъ.
 Лисица въ ужасъ дрожала :

Ково на свѣтѣ смерть не испужала?

Бѣжитъ,
Дрожитъ,

Мнитъ: скоро смерть меня несчастливую скоситъ,

И мужика на пашнѣ проситъ:

Пожалуй мужичокъ, ты мѣсто укажи,
И гдѣ мнѣ спряташься, скажи.

Мужикъ ее отъ смерти избавляетъ,
И мѣсто ей являетъ.

Охотникъ прилетѣлъ туда издалека,

И спрашиваетъ мужика,

Не зрѣлъ ли онъ лисицы
Воюющія въ ево границы?

Не зрѣлъ, мужикъ сказалъ,

Однако пальцомъ онъ лисицу указалъ.

Охотникъ мины не примѣтилъ,

Лисицы не осѣтилъ.

Бѣжитъ лисица вонъ

Не молвивъ пахарю ни слова.

А онъ,

То видя, что она, въ пущи свои готова,

Цѣняетъ ей:

Не благодарствуешь ты милости моей.

Лисица говорила:

Конечнобъ я тебя, мой другъ, благодарила,

Когдабъ и палецъ твой мнѣ милости творилъ,

И также бѣ какъ языкъ и онъ не говорилъ.

XXXVIII.

Золотыя Яицы.

Вдова была богата;

Носила курица ей яйца изъ золота:

Богатство къ ней текло вопле ,
 Она хотѣла быть богатше еще ;
 И мня , что курица уже довольно сыта ,
 И золотомъ набита ;
 Что внутренна ея , вся въ золотѣ въ округъ .
 Возьму , сказала , все то золото я вдругъ :
 И курицу убила .

Она черевами , не золотомъ густа ,
 Со курицей вдова доходы погубила ;
 Въ ней злата не было , была она пуста .

XXXIX.

Горшки.

Себя увеселять ,
 Пошелъ гулять ,
 Со глинянымъ горшкомъ , горшокъ железной .
 Онъ былъ ему знакомъ , и другъ ему любезной .
 Въ бока другъ друга стукъ ,
 Лишь только слышанъ звукъ :
 И искры отъ горшка железнаго блиспались ;
 А потъ не долго могъ ийти ,
 И болѣе его не лзя уже найти ;
 Лишь только на пути ,
 Едины черепки остались .
 Покорствуя своей судьбѣ ,
 Имѣй сообщество , ты , съ равными себѣ .

XL.

Поросячей крикъ.

Безумцевъ болѣе въ народѣ,
 Такъ и безумство больше въ модѣ,
 Оно же и легко, и легче тяжкихъ думъ.
 Пошелъ великой шумъ;
 Свиньей, хипрецъ, визжать умѣетъ,
 Но только голосокъ свинятокъ онъ имѣетъ.
 Народъ бѣжитъ,
 Другъ друга въ тѣсношѣ всякъ сильно угнѣщаетъ,
 И мужа мудраго со паѣскомъ почитаетъ,
 А онъ визжитъ.
 Мужикъ шумъ нѣкакой хахочетъ,
 И хочетъ,
 Искусна мудреца, искусствомъ превзойти:
 Визжитъ голосъ естественный найпи.
 Визжитъ мужикъ: народъ согласно вопитъ: худо!
 А то визжанье чудо.
 Смотрите, говоритъ мужикъ, не я визжалъ;
 Примова въ пазухѣ свиненка я держалъ,
 И уши пороссячи жалъ.
 Такъ могутъ ли сказать народы,
 Что нѣчто въ свѣтѣ есть естественной природы?

XLI.

Злая Жена.

И такъ, и сякъ, жена съ сожителемъ жила,
 Но другомъ никогда съ супругомъ не была;
 И чувствовалъ супругъ колонье злое шила:
 Досады новыя она вседневно шила:

Ево крушила,
И изсушила.

Но чпо бы злобу всю въ послѣдокъ совершила,
И окончила бы супруговой судьбой,
Зоветъ ево: пойдѣмъ купаться мы съ тобой;
Я больше на тебя дружечикъ не сержуся;

Однако не бери съ собой,
Изъ слугъ ни одново: вить мы не на разбой
Идемъ съ тобой теперь, ниже въ воинской бой;
Купаться мы идемъ: а я людей спыжуся.

Куда я послѣ ужъ гожуся,
Когда предъ ними обнажуся?

Пошли они,
Одни.

Раздѣлися, не утопляться,
Купаться.

Стоитъ супругъ при самой при рѣкѣ:

Жена ево не въ далекѣ;

Нашла она въ рѣку супругу путь,
И думаетъ пуда сожителя сполкнуть:
Слугъ нѣтъ тутъ, такъ они ее не избидятъ,
Вить епова они конечно не увидятъ.
Не ждетъ напасти мужъ, такъ онъ и не дрожитъ:
А душенька къ нему съ размаху туть бѣжитъ.
Супругъ не думаетъ о вѣрномъ жуда другъ:
Однако онъ стоялъ лицомъ тогда къ супругѣ:
Увидя фурію, отъ мѣста отступилъ:

.

Съ размаху не здержась, она въ рѣку упала,
И утопала:

Коль ты не возмогла сожителя спихнуть,
Туда тебѣ и путь.

XLII.

Коршунъ и Соловей.

Залѣзъ

Голодный коршунъ негдѣ въ лѣсѣ ,
И соловья унесъ ;

А онъ ему пѣть пѣсни обѣщаетъ .

Разбойникъ отвѣщаетъ :

Мнѣ надобенъ обѣдъ ;

А въ пѣсняхъ нужды нѣтъ .

Того кто жалости въ себѣ не ощущаетъ ,
Противъ достоинства прибытокъ возмущаетъ ,
И восхищаетъ ;

Достоинство тому напрасно все вѣщаетъ .

XLIII.

Супругъ и Супруга.

Супруга верезжитъ во всю супругу ночь ,

И заблала ему въ полудни темну ночь ;

Пригоршни опрубей бросаетъ мужу въ очи .

Такой не чувствовалъ онъ съ роду темной ночи .

Возми дубину , мужъ , возми и не робѣй ,

Дубиной дурищъ ты ребры перебѣй .

Не кушаетъ ни кто глазами опрубѣй .

Сократа , мнился мнѣ , твой умъ не забываетъ ;

Ксантппа бросила кувшинъ воды въ него ,

Крича , шумя ; а онъ не молвилъ ничего ,

Какъ только то : гдѣ громъ , такъ шамъ и дождь бываетъ .

XLIV.

Приданое.

Невѣренъ нѣкто быдѣ , жену имѣвѣ дурную ,
 И не любилъ ее женився молодецѣ .
 Не самъ ли своево нещастья онѣ творецѣ ?
 Вить лучше бѣ было то , когда бы взялъ иную .
 Спросили , для чево онѣ такѣ себя связалъ ,
 Не любишь ты жены , съ охотой кою взялъ ?

Онѣ на ето сказалъ :

Вѣ убожествѣ почти я помиру таскался ;
 Такѣ я не жинщиной , но деньгами ласкался ,
 И больше сѣдноспи я нынѣ не терплю ,
 Я съ харѣй хощѣ и сплю ;
 А что любилъ тогда , и нынѣ то люблю .
 Жену люблю , жена моя , на все мнѣ лѣты ,
 Дурной сей женщины монеты :
 А ета женщина приданое монетѣ ,
 Такѣ и невѣрности моей супругѣ нѣтъ .

XLV.

Жена вѣ опчаяннѣ .

Мужѣ болѣнѣ жестоко и умираетѣ ,
 Жена лишѣ токи слезѣ рыдая опираетѣ ;
 Отѣ гореспи дрожитѣ ,
 Безѣ памяти лежитѣ ,
 И только словѣ даетѣ напастѣ ея круша :
 Признаковѣ жизни ты ужѣ больше не являешѣ ,
 Моя душа .
 Кому меня , кому ты нынѣ оставляешѣ ?
 Не лзя престать рыдать , ни горькихѣ слезѣ отерпѣ .
 Кричитѣ : ко мнѣ приди , ко мнѣ приди , о смертѣ !
 Тотчасѣ она приходитѣ ,
 И вѣрную жену опчаянну находитѣ .

За чѣмъ, сударыня, меня къ себѣ звала?
 Ахъ! я тебя къ себѣ давно уже ждала.
 Томится, мучится душа у мужа въ пѣлѣ.
 Не дай ему и мнѣ спрдасть;
 Отраду можешъ ты единая мнѣ дать,
 Возми ево скоряй, возми ево опселѣ.

XLVI.

Свинья и Конь.

Свинья сказала по коню:
 Дружечикъ, я тебя виню,
 Что ты дурчеству даешъ безумно дань.
 Почто выходишъ ты на брань,
 Когда между собой въ войнѣ герои трупся,
 А по просту дерутся,
 И въ нуждѣ сей тобой стремятся овладѣть?
 Не лучше ли тебѣ и дома посидѣть?
 Въ конь отвѣтствуетъ: я знаю, ты свинья;
 А я,
 Ущерба тамъ себѣ ни мала не встрѣчаю,
 Гдѣ я прославиться для пользы свѣта чаю.

XLVII.

Страхъ и любовь.

Филонъ женитъ нескладно,
 Съ женой живешъ не ладно:
 Бѣда,
 Когда
 Съ женою мужъ живешъ не дружно;
 Спокойство нужно,

А путь ево до гробовой доски
Не будетъ ;

Печали и тоски

Никто такой до смерти не забудетъ ,
Когда въ супружествѣ привѣспива, ласки нѣтъ ;
Пропивно время , домъ , забавы мнѣ и свѣтъ .

Филонъ то все всечасно ощущаетъ ;
Жена привѣстствія во вѣкъ не общаетъ ,
И горестъ вѣчную супругу общаетъ .
Не знаю для чево хоромъ ево ключи
Не заперли въ ночи .

Вшелъ воръ тогда въ хоромы .
Они приходилъ вить и незванная въ дома ;
Да епожъ было въ ночь не посрединѣ дни ,
Хозяева одни :

Проснулись они :

Вить воръ хозяина не скоро изобидитъ ,
Коль вора онъ увидитъ .

Хозяинъ не дрожитъ ,
А воръ изъ комнаты , какъ заяцъ убѣжитъ .
Во дѣлѣ колкомъ ,
Хотя пришелъ и волкомъ ,
Хозяинъ не робѣлъ ;

Военной человекъ онъ былъ , и былъ онъ смѣлъ ;
Такъ воръ уже не шу , путь пѣсенку запѣлъ ,
Котору пѣть хотѣлъ .

Хозяинъ никогда не устрашался боемъ ,
А жонка не была солдатомъ и героемъ ;
Во страхъ бросилась въ объятіе къ нему ,
Какъ будто къ милому супругу своему .
Ему казалось то всечо на свѣтъ слаще :
Отъ этой радости въ восторгѣ не смолчалъ ,
И закричалъ :

О воръ ! ходи ко мнѣ , ходи ко мнѣ ты чаще .

XLVIII.

Александрова слава.

Мы прямо это знаемъ,
 Когда бы, Александръ, ты побылъ за Дунаемъ,
 Или бы въ Бендеръ сидѣлъ,
 Или бы флотами противу насъ владѣлъ
 На Гелеспонтѣ,
 И видѣлъ корабли въ огнѣ на оризонтѣ,
 Или бѣ на флотѣ былъ среди воинскихъ дѣлъ:
 Конечно бѣ ты тогда гораздо поперѣлъ,
 И пѣсню Греціи иную бѣ ты запѣлъ;
 Вспревожилися бы твоихъ героевъ души,
 Когда бы загремѣли пушки
 Подъ предводительствомъ великихъ сихъ мужей,
 О коихъ я сказалъ тебѣ въ поемкѣ сей,
 Принесшихъ новую Россіи славу всей;
 Сказалъ бы ты тогда: во дни ЕКАТЕРИНЫ,
 Мои увяли крины.

XLIX.

Собачья ссора.

Когда подходитъ непріятель,
 Такъ потѣ отечества предатель,
 Кто ставитъ это за ничто,
 И другомъ такову не долженъ быть никто.
 Собаки въ стадѣ собрались,
 И жестоко дрались:
 Волкъ видитъ эту брань,
 И взяти хочетъ дань,
 Ево тутъ сердце радо.
 Собакамъ не досугъ, такъ онъ напалъ на стадо.

Волкъ лихъ,
 Ворвался онъ къ овцамъ, и тамъ коровишъ ихъ.
 Сабаки ешо видя,
 И волка не навидя,
 Домашню брань оставили потъчасъ,
 И устрѣмили глазъ
 Ко стаду на проказъ;
 Друзьямъ не измѣнили,
 И волка полонили;
 А за ево къ овцамъ приязнь,
 Достойную ему сабаки дали казнь.
 А россы въ прежни дни Ташаръ позабывали,
 Когда между собой въ разспройкѣ пребывали,
 И во отечествѣ другъ съ другомъ воевали,
 Противъ себя самихъ храня воинскій жаръ,
 И были отъ того подъ игомъ у Ташаръ.

L.

Наказаніе.

Прешелъ молчанія не знаю кто границу,
 Прекрасную дѣвицу
 Любя,
 И ей сказалъ: люблю всѣмъ сердцемъ я тебя.
 Дѣица сердитоя, ей сей докладъ безчиненъ.
 Любовникъ говоритъ: передъ тобой я виненъ:
 Такъ ты меня за дерзость накажи;
 Что я тебѣ сказалъ, то мнѣ сама скажи.

I.

Сабака и Кладъ.

Сабака кладъ сыскала,
 И яму шупъ она навозу напаскала,
 Опять зарыла кладъ и сперегла ево.
 Не ѣсть, не пьешь и ничево
 Не можешь дѣлать болѣ,
 И стала у самой себя она въ неволѣ.
 Сабака день и ночь имѣнье берегла
 И сперегла:
 Проголодала, ослабла, умерла.

II.

Конь и Оселъ.

Конь нѣкогда скакавъ, копыто повредилъ,
 И ногу такъ разбередилъ,
 Что онъ отъ язвы той хромаетъ,
 И ужъ едва, едва копыто подымаетъ;
 Хромалъ больной, хромалъ и на корачки сѣлъ:
 Больному говоритъ сему коню оселъ:
 Теперь тебѣ видѣ лихо;
 А еспьли бы ходилъ и ты, какъ я, такъ тихо:
 Отъ боли бѣ тишина всегда была покровъ,
 И былъ бы ты здоровъ:
 Почто скакать нахально?
 Смотри ты, сколь мое смиреніе похвально.
 А я скажу на мѣсто сей хвалы:
 Въ моряхъ ужасныя валы,
 И страхъ во флотъ;
 Но страха никогда не видно въ болоштѣ.

ЛIII.

Мужикъ и Медвѣдь.

Вѣгупѣ разбойники за мужикомъ :

Разбойничій успавъ знакомъ ;

Они дюдей не нѣжутъ ,

Да рѣжутъ ;

А домъ

далекъ , отъ мужика , такъ онъ какъ будто къ другу ,
къ медвѣдю убѣжалъ отъ ужаса въ берлогу .

Онъ ѣлъ шупъ пилъ и спалъ :

Медвѣдь на мужика покорна не напалъ

И напоилъ ево и напипалъ .

Мужикъ поушпру рано всталъ ,

Пришолъ домой и извѣщаетъ :

Медвѣдь вотъ тамъ и тамъ ,

И тамо показать медвѣдя обѣщаетъ .

Пошли съ оружіемъ крестьяне къ тѣмъ мѣстамъ :

Мужикъ медвѣдя кажетъ ;

Но что медвѣдь мой скажетъ ?

Перепугалъ медвѣдь безстрашныхъ сихъ солдатъ ,

И каждый убѣжашъ съ оружіемъ былъ радъ .

Медвѣдь ихъ гонитъ ,

Но все къ отпущенію желанье только клонитъ ::

Поймалъ предшеля и говоритъ :

Подобно и тебя твой другъ благодаритъ ,

И лапой мужику медвѣдь расквасилъ рожу ,

А послѣ содралъ онъ съ него еде и кожу .

LIV.

Муравей и Пчела.

Когда то муравья пчела пренебрегала,
 Не стоишь, говоришь, почтенья ты ни мала,
 Слышала я, со мной равняютъ муравья;
 Однако помнишь ли кто ты и то что я.

Такой я подлости не почитаю;

Ты ползешь, а я летаю;

Збираешь только вздоръ

И дѣлаешь навозъ и соръ.

А я себя своей премудростію славлю,
 Которою наполненъ весь мой мозгъ;

И воскъ

И папаку я спавлю;

Но елова тебѣ ползя,

И видѣти не лзя;

У насъ хоромы;

А ваши дома

Навозъ.

Товару, елова не стоить деньги возъ;

Такой товаръ телегамъ только бремя!

А въ само это время,

Пришли шутъ медъ ломашь

И вынимашь;

Пришли ломашели во пчельныя анбары,

И взяли на себя пчельныя товары.

Муравль отвѣщаетъ: ушолъ твой сладкій медъ;

Почти ни папаки, ни воску больше нѣтъ.

LV.

Ремесленникъ и Купецъ.

Былъ нѣкій человекъ не отъ большихъ ремеселъ,
 Варилъ онъ мыло, былъ ежеминутно веселъ,
 Былъ веселъ безъ бесѣдъ;

А у него богачъ посадской былъ сосѣдъ:

Посадской торгу служитъ,
 И не престанно тужитъ;

Имѣетъ новый онъ на всякой день ударъ:

Иль съ рукъ нейдетъ поваръ,
 Иль онъ мѣдлѣетъ,

Или во кладовыхъ онъ плѣшетъ;

Посадской день и ночь болѣетъ,

И всяку о себѣ минуточку сожалѣетъ.

Къ сосѣду онъ принесъ на именины даръ,

И далъ ему пять сотъ рублей посадской златомъ.

Во состояніи рѣмесленникъ богатомъ,

Ужъ пѣсенъ не поетъ, да золото хранитъ,

И золото одно въ ушахъ его звѣнитъ;

Не спитъ, какъ спалъ онъ прежде,

Ко пропитанію ни мало бывъ въ надеждѣ.

И можетъ ли быть сонъ,

Когда о золотѣ единомъ мыслитъ онъ?

Одно ево оно лишь только утѣшаетъ,

И ѣсть и пить ему мѣшаетъ,

И пѣсни пѣть.

Сей жизни мыловаръ не можетъ ужъ терпѣть;

И какъ ему житье то стало не приятно,

Къ посадскому опкесъ онъ золото обратно.

LVI.

Боровъ и Медвѣдь.

Высокой полестой боровъ
 Былъ добрая свинья, да лишь имѣлъ онъ коровъ;
 Онъ былъ не малъ;
 Отъ ешова онъ былъ великой самохвалъ,
 И говоритъ медвѣдю:
 Коля я къ тебѣ себя, дружечикъ, присуѣдю,
 Такъ ты тогда не убѣжишь,
 Свиненкомъ нашимъ завизжишь.
 Доволенъ, топъ сказалъ, я силою своею;
 Однако я тебѣ не покажуся съ нею,
 И не сражуся со свиньею.

LVII.

Коршуны и голуби.

У коршуновъ была велика ссора,
 И продолжалась многи дни.
 На что мнѣ вѣдаши, за что дрались они,
 Какая нужды мнѣ, вину ихъ зышь раздори:
 Дралися, голубей ужъ больше не губля:
 Дралися между себя:
 Ихъ голуби мирили,
 И къ миру ихъ уговорили,
 Чтوبъ послѣ ихъ за то они благодарили,
 Скончалась брань,
 У нихъ между собою,
 Пошли они къ другому бою,

И собираши днѣ ;
 Пошли на голубей по прежнему къ разбою.
 На что вы голуби , мирити ихъ брались ?
 Пускай бы въ вѣкъ они дрались ,
 Другъ на друга бросались ,
 А вы бы ихъ враждой , отъ пагубы спасались .

LVIII.

Вояжиръ плясунъ .

Поѣздилъ нѣкто въ даль ,
 И возвратилася отшоль обратно шаль :
 Отцу и матери печаль ,
 И времени и денегъ жаль ;
 Въ чужихъ краяхъ , ихъ сынъ , попрашилъ ихъ довольно .
 Смѣшно другимъ ,
 А имъ
 Гораздо ето больно ;
 А онъ рассказывалъ : великой онъ плясунъ ;
 Какъ съ ними разлучился ,
 Онъ етому учился .
 Хвастунъ
 О пляскѣ ничево сказать не разумѣетъ ,
 И слѣдственно , что онъ плясати не умѣетъ .
 А онъ по всемъ кричалъ гордась мѣстамъ :
 Колико я плясать умѣю ;
 Я на ето себѣ свидѣтелей имѣю ,
 И описати къ нимъ отсель объ етомъ смѣю ;
 Прославился вездѣ своей я пляской тамъ .
 Пожалуй , говорятъ , объ етомъ не пиши ;
 На что свидѣтели ? предъ ними попляши .

LIX.

Мышь Медвѣдемъ.

Храниши разума всегда попребно зрѣлость,
 И состоянія блюспи неврѣдно цѣлость:
 Имѣй умѣренность, держи въ уздѣ ты смѣлость;
 Насѣ наглости во бѣдства мчатъ.
 Пожалована мышь Богами во медвѣди;
 Дивятся всѣ пому, родня, друзья, сосѣди,
 И мнился, что о помѣ и камни не молчатъ;
 Казалось, о помѣ лѣса, луга кричатъ.
 Крапива спала выше дуба;
 На голой мыши шуба,
 И изъ курячей слѣпоты
 Хороши вылились цвѣты.
 Когда изъ низости высоко кто воспрянетъ;
 Конечно онъ гордится спанетъ,
 Наполненъ суестью,
 И мнитъ, какъ я еще пварь подлая бывала,
 И въ тѣ дни я въ домахъ господскихъ поживала;
 Хошь бѣгла дрова,
 А нынѣ я большая госпожа;
 И будутъ тѣмъ мои надежно цѣлы кости;
 На пиръ пойду къ боярину я въ гости.
 Пришла на дворъ:
 Собаки всѣ кричатъ; вошелъ въ ворота воръ,
 Разбойникъ, кровопійца,
 Грабитель и убійца;
 Трухнулъ медвѣдь,
 И спалъ робѣть,
 Однако позно,
 Настало время грозно;
 Хозяинъ говоритъ: поподчизать пора
 Намъ гостя дорогова;

ождемся ли когда медвѣдя мы другова?
 Да лишь безъ пошлины не спустимъ со двора:
 И шупъ рогатиной ево пощekoпили;
 Дубиною поколопили,
 И кости у него, какъ рожъ, измолопили.

LX.

Прозьба мухи.

Старуха

И горда муха,

Насытитъ не могла себѣ довольно брюха,
 И сама она была гордѣйша духа.

Духъ гордый къ наглости всегда готовъ.
 Взлетѣла на Олимпъ и проситъ тамъ Боговъ;
 Туда она взлетѣла съ сыномъ,
 Дабы перемѣнить ея мушонка чиномъ,
 Въ которомъ бы ему по больше былъ доходъ.

Котъ,

Въ годъ,

Прибытка вѣрнова, не меньше воеводъ
 Кладець себѣ на щотъ.

Пожалуйте котомъ, вы боги, мнѣ мушонка,
 Чтобъ полною всегда была ево машонка.

На смѣхъ

Прошеніемъ она Боговъ пронула всѣхъ;
 Пожалованъ: уже и зубы онъ готовилъ,
 И спалъ копокъ

Жестокъ,

И вмѣсто онъ мышей, въ дому спалъ куръ ловить;
 Хотѣлъ онъ видно весь курятникъ испребитъ,
 И куръ перегубить;

Велѣли за это ката убить.

Смерть больше всякя на свѣтѣ семѣ прорухи
 Не должны никогда котима быти мухи,
 Ниже во вѣкѣ,
 Какимѣ начальникомѣ бытъ подлый человекѣ.

LXI.

Конь и оселъ.

Во иѣкото ро время,
 Конь празденѣ былѣ, оселѣ тяжелое несѣ бремя.
 Просилѣ оселѣ коня сево:
 Возми ты часточку отѣ ига моего
 Коль хочешь ты меня отѣ смерти злой избавитѣ,
 И въ ссмѣ мучени несносномѣ не оставитѣ,
 Конь морду отвернулѣ;
 А иго сѣ оселѣ не долго потянулѣ
 И издохнулѣ.
 Конь гордый пренебрѣгѣ просительное слово,
 И полчиненѣ былѣ самѣ подѣ иго онѣ ослово;
 Хозяинѣ на него то иго положила,
 По смерти коня осла, осломѣ ему служилѣ,
 Хозяинѣ говоритѣ: я ето бремя множу,
 Которо несѣ оселѣ, когда еще онѣ жилѣ;
 Неси, дружечикѣ мой, ево теперь и кожу.
 Другому помогѣй, поможетѣ онѣ тебѣ;
 Или неси одинѣ ты бремя на себѣ.

LXII.

Піитъ и Уродъ.

Піитъ,
 Зовомый Симонидъ,
 Зналъ дѣлать принужденъ великолѣпну оду,
 Какому то уроду:
 Ю что писать, хотя въ піитъ жаръ кипѣлъ?
 Чтожъ дѣлать? онъ запѣлъ;
 Хотя ко помощи и тщетно музу проситъ.
 Онъ въ одѣ Кастора и Полукса возноситъ;
 Магая оду онъ довольно потерпѣлъ.

А объ уродѣ
 Не много было въ одѣ.
 Уродъ ево благодаритъ,
 Однако за стихи скупенько онъ даритъ,
 И говоритъ:

Возми задапокъ,
 А съ Кастора и Полукса остатокъ.
 Туда лежитъ пивой сѣдъ;
 А ты останься здѣсь, дружечикъ на обѣдъ,
 Здѣсь будетъ у меня, для дружества бесѣда,
 Родня, друзья, и каждый мой сосѣдъ.

Пируютъ,
 И рюмочки вина піитю тутъ даруютъ.
 Піиты пьютъ,
 И въ рюмки такъ вино, какъ и другія лютъ.
 Довольно тамъ они бушылки полизали;
 Но Симониду тутъ слуги сказали:
 Прихожія хотятъ съ нимъ нѣчто говорить,
 И сверхъ того еще ево благодарить.

За что, піитъ того не вспоминаетъ;
 Слуга не знаетъ;
 А онъ о Касторѣ и Полуксѣ забылъ,
 Хотя и тотъ и тотъ передъ дверями былъ:

Пойди, сказали тѣ, доколѣ духъ твой въ тѣлѣ,
 Пойди, любимецъ нашъ, пойди скорый опселя.
 Онъ съ ними вышелъ вонъ,
 И слышитъ смертной спонъ;
 Упалъ топъ домъ и сокрушился,
 Хозяинъ живота бесѣдою лишился,
 Пошелъ на вѣчный сонъ;
 Переломалися ево господски кости;
 Погибъ онъ шутъ, ево погибли съ нимъ и гости.

LXIII.

Піишъ и разбойникъ.

Піиша Ивика разбойники убили
 А онъ вопилъ, когда они ево губили:
 О небо, ты мой гласъ, о небо, ты внемли,
 И буди судією
 Надъ жизнию моею:
 Онъ тако вопіялъ, толпой терзаемъ сею.
 Въ топъ самый часъ летѣли журавли:
 Онъ вопилъ, вы моей свидѣтелями будьте
 Кончины люшья, и не забудьте
 Того, что я вѣщаю вамъ;
 А я мой духъ предамъ
 Въ надеждѣ сей богамъ,
 И душу испущу въ небесныя границы.
 Летятъ сіи когда то птицы:
 Разбойникъ вспомнилъ то убійство и разбой,
 Сказалъ товарищу карземый судьбой,
 Не мня, что ихъ перехватываютъ:
 Встѣ смерти Ивика свидѣтели летаютъ.

LXIV.

Учитель Поезиі.

Для римотворства

Потребно множество проворства,
И римъ завсегда хорошей должно быть,
Иль должно при стихахъ со всѣмъ ее забыть;
То можно доказать ясно:
О страсти нѣшто пѣлъ,
Въ которой онъ кипѣлъ.

И думючи мня на римахъ пѣть согласно.
Любозная ему съ усмѣшкой говорила,

И будто какъ журила:

Ты жарко въ холодъ къ любви поешь маня,
А ешьли спанешь ты и впрямъ любить меня,

Такъ римы позабудешь,

И о любви вѣщать ты римами не будешь.
Съ поезіей любви судьба не разлучила;

Любовь

Воспламеняетъ кровь,

И многихъ жаромъ симъ стихи слагать учила.

А я скажу, что часто вить и той

Любовь дорогой рыщетъ:

Разумный красотой

Скоряе всѣхъ пѣвцовъ хорошу риму сыщеть;

Не станеть онъ худыя римы класть;

Любви и стихотворства сласть,

Имѣетъ надъ пѣвцомъ нераздѣлиму власть.

LXV.

Тщешная предосторожность.

Страшился я всегда любовныхъ оку встрѣчь,
И тщился я свою свободу уберечь,
Чтобъ сердца суетно любовью не зажечь:
Однако я не могъ себя предостеречь.
Сложилъ Венеринъ сынъ колчанъ съ крылатыхъ павъ,
И стрѣлу онъ вонзилъ въ меня, какъ острый мечъ,
Чтобъ симъ вонзенемъ могъ меня въ бѣду возлечь.
Пріятныя глаза, уста, пріятна рѣчь,
Могли на вѣкъ мое спокойствіе пресѣчь;
Вѣлели днямъ моимъ въ лютойшей грусти течь,
И прежде срока мнѣ горя, во гробъ лечь.

LXVI.

Слѣпая старуха и лѣкарь.

Старуха

Недѣли двѣ слѣпа была,
 И лѣкарю себя въ лѣченье отдала.
 На что глаза но здѣлалась прорука.
 По смерти во глазахъ ужъ больше нужды нѣтъ,
 Какъ мы покинемъ свѣтъ,
 И красной намъ тогда и черной равенъ цвѣтъ:
 Однако бабушка другую пѣсню пѣла,
 И слѣпоту свою опчаянна терпѣла.
 Взлзся печальну мысль ей лѣкарь облегчить,
 И спастъ ее лѣчить,
 И обѣщается скончать ей время гнѣвно:
 Но крадетъ у нея посуду повседневно.
 Открылъ онъ ей глаза, гордась подѣмлетъ носъ,
 И здѣлалъ лѣкарь потъ, хрычовушии вопросъ:
 Уже ли видишь ты, сударыня, повсюды?
 Она отвѣтствуетъ! не вижу лишь посуды.

LXVII.

Блоха.

Блоха подѣмля гордо бровь,
 Кровь барскую поноситъ,
 На воеводство проситъ:
 Достойна я, кричатъ, во мнѣ все барска кровь.
 Отвѣтствовано ей: на что тамъ барска слава?
 Потребемъ барской умъ и барская расправа.

LXVII.

Единовластвіе.

Единовластвіе прехвально,
А многовластвіе нахально:
Я ето предложу

Во басенкѣ, которую скажу:
При множествѣ хвостовъ, паская ихъ повсюду,
Стоглавный былъ драконъ:
Согласья не было законовъ ни опкуду;
Глава главѣ пьму дѣлаетъ препонъ;
Хвосты, лежатъ они, ни въ избу и ни воцѣ,
Лежатъ они, куда занесъ дракона сонъ.
При множествѣ хвостовъ подобно какъ и онъ,
Единоглавный былъ драконъ,
Согласенъ былъ законъ.

Я крѣпко въ томъ стояши буду,
Что щасилья

И праведнаго шамъ не можетъ быть указа,
Между людей,

Гдѣ равныхъ множество владѣющихъ судей:
Гдѣ много мамушекъ, такъ шамъ дитя безъ глаза;
Не о невольникахъ я ето говорю,
Но лишь о подданныхъ въ вольности Царю.

Конецъ V. Книги.

П Р И Т Ч И

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

П Р И Т Ч И

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Шубникъ.

На денежки оскаливъ зубы,
На откупъ нѣкто взялъ народу дѣлать шубы:
Сломился дубъ
Скончался откупщикъ: и шубъ
Не дѣлаетъ онъ болѣ;
Такъ шубы брать отколетъ?
А шубниковъ ужъ нѣтъ, и это ремесло
Крапивой заросло.
Такую откупомъ то пользу принесло.

II.

Двѣ дочери подьячихъ.

Подьячій былъ, и былъ онъ доброй человекъ,
Чего не слыхано во вѣкѣ:

Умъ рѣзвой
 Имѣлъ,
 Мужикъ былъ презвой,
 И сверхъ тово еще писать умѣлъ.
 Читатель етому конечно не повѣритъ,
 И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
 А мой читателю отвѣтъ:
 Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ:
 Что Хамово то племя,
 И что крапивно сѣмя,
 И что не возлещятъ ихъ души къ небѣсамъ,
 И что наперсники подъячїя бѣсамъ,
 Я все то знаю самъ.
 Въ убожествѣ подъячева вѣкъ минулъ;
 Хотя подъячїй сей работалъ день и ночь:
 По смерти онъ покинулъ
 Дочь,
 И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
 Что будетъ дочь его въ вѣкъ по миру таскаться.
 Другой подъячїй былъ, и взычки бралъ:
 Былъ пьяница, дуракъ, и грамотѣ не зналъ:
 Покинулъ дочь и тѣму богатства онъ при смерти:
 Взяла богатство дочь, а душу взяли черти.
 Та дѣвка по миру таскается съ сумой:
 А еѣ чванится въ каретѣ.
 О Боже, Боже мой,
 Какя честности худая мзда на свѣтѣ!

III.

Коршунъ въ павлиныхъ перьяхъ

Когда то убрался въ павлинья коршунъ перья,
 И признанъ ото всѣхъ безъ лицемѣрья,

Что онъ павлинъ :

Крестьянинъ спалъ великой господинъ ,
И озирается гораздо строга :

Какъ будно важности въ мозгу ево премного.
Павлинъ мой чванился ; и думаетъ павлинъ ,
Что едакой великой господинъ ,

На свѣтѣ онъ одинъ :

И туловище все , все , гордостью жеребо ,
Не только хвостъ ево ; и смопришъ только въ небо ;

Въ чести мужикъ гордится завсегда :

И ежели ево съ боярами свершаютъ ;
Такъ онъ безъ гордости не взглянетъ никогда ;
Съ чинами дурости душъ подыхъ возростаютъ .

Разсмотренъ , на конецъ , богатой господинъ :

Ощипанъ онъ , и сталъ ни коршунъ ни павлинъ .

Кто коршунъ , я лишенъ такой большой догадки ,
Павлиныя перья взятки .

IV

Насправникъ .

Былъ нѣкто нравовъ исправитель ,
Великодушія любитель .

Скорбящихъ ободрялъ ,
Печальныхъ утѣшалъ .

Сосѣды всѣ его Героемъ почитали ,
И всѣ его слова въ законы принимали .

Окрадутъ ли ково когда ,
Иль кто болѣетъ иногда ,

Дѣтей ли кто своихъ или жены лишится ,
Или нападками невинный утѣснится ,
Все по ево словамъ то было не бѣда .

Часть VII.

Т

Имѣлъ жену онъ молодую,
 А красою какою,
 Въ томъ нужды нѣтъ;
 Любовникъ и сову любя богиней чшетъ.
 Но смерть любви не разбираетъ,
 И не считаетъ лѣтъ,
 Все ей равно, хоть вникъ, хоть дѣдъ.
 Она его жену во младости сбѣкаетъ.
 Онъ бѣтается, и кричитъ, и волосы деретъ,
 И словомъ: такъ какъ быкъ реветъ.
 Отколѣ ни взялся,
 Сосѣды собралися:
 Воспомни, говорятъ, наставникъ нашъ, что намъ
 Говаривалъ ты самъ.
 Онъ имъ отвѣтствовалъ: какъ я давалъ законы,
 И тѣшилъ васъ свои совѣты подая,
 Въ то время мерли ваши жены,
 А нынѣ умерла моя.

V.

Волкъ ставшій пастухомъ.

Когда пріятнымъ сномъ пастухъ въ лугахъ умокъ,
 И овцы спали,
 А караульщики ужъ больше не брехали;
 Пришелъ для добычи голодный къ стаду волкъ.
 Способенъ случай мнѣ, подкравшись, волкъ мыслитъ:
 Десятка полтора овецъ своими числитъ.
 Не силу онъ; обманъ
 Употребляетъ:
 Аркасовъ онъ кафтанъ,
 И шляпу надѣваетъ,

И подпирается онъ посохомъ ево.

Мнитъ : волчьева на немъ нѣтъ больше ничего.

Изрядной молодецъ въ пастушьемъ волкѣ нарядѣ !

А естлибъ грамотѣ онъ зналъ ;

Конечно бы на шляпѣ подписалъ :

Аркасъ мнѣ имя , я пастухъ при епомъ стадѣ.

Къ Аркасу схожимъ бытъ ,

Чего еще тогда ему не доставало ?

Чтобъ голосомъ ево не много повопить.

Лишь только закричалъ : все дѣло явно стало :

Перетревожилъ всѣхъ противной стаду слухъ :

Всѣ овцы заблѣяли ,

Собаки лаять спали ,

Преснулся и пастухъ.

Кафтаномъ лицемѣрѣ опуханъ ; какъ спасться ?

Не могъ бѣжать , ни защищаться.

VI.

Два друга и медвѣдь.

Два друга , какъ два брата , жили ,

Иль лучше и пово.

Не могъ быть ни часа одинъ безъ одново.

О чемъ между себя они ни говорили ,

Другъ отъ друга не крыли ,

Ничево.

И никогда они другъ другу не грубили ;

Казалось что то Дамонъ съ Питіемъ были.

За неприятеля кто почиталъ ково ;

Такъ неприятеля ево ,

И потѣ имѣлъ за своево.
 Гуляли, ѣли вмѣстѣ, вмѣстѣ пили,
 И можетъ быть что вмѣстѣ и любили.
 То больше и всево.
 И клятвы сохраняли хопѣли непресупно,
 Чинобъ жить и умереть имѣ купно.
 Случилось имѣ,
 Быть нѣкогда въ лѣсу однимъ,
 И на медвѣдя тупѣ они попали;
 Хопѣ встрѣчи таковой себѣ не ожидали.
 Ужасной былъ медвѣдь.
 Такъ вмѣсто чинобъ робѣшь;
 Толико сколько можно,
 Имѣ защищагься должно;
 А какъ не станеть силъ, обѣимъ умереть;
 Однако шолстой дубѣ въ помѣ мѣснѣ прилучился;
 Одинъ изъ нихъ забылся,
 Какъ другу онъ божился,
 И на дубѣ взлѣсь,
 А клятвы всѣ съ собой на сімой верхѣ унесѣ.
 Другой на смерть остался,
 И сѣдственно, что онъ гораздо испужался:
 Ково не успрашитъ сунерникъ таковой?
 Не чаялъ больше онъ прийти къ себѣ домой.
 Злой звѣрь,
 Домой не отшускаеть.
 Медвѣдь не разсуждаеть,
 Обѣ епомѣ никогда,
 Что надобно съ домашними простигься.
 Пришла бѣда.
 Несчастливой слыжалъ, что мертвымъ припворигься,
 Въ такомъ случаѣ надлежитъ.
 Палъ, припворяеться, чпо будто мерпнѣ лежитъ,
 Медвѣдь всю голову у мертвого лобзаетъ,
 И въ немъ дыханія не обрѣтаетъ.
 Понюхалъ и пошелъ,
 Я чаялъ, говоря, живсва я кашелъ.

ушелъ медвѣдь изъ глазъ, слѣзъ хрибрый воинъ съ дуба:

И стала радость бышь ему сугуба;

И друга своево опянь онъ получилъ,

И клятвы онъ не преступилъ,

чтобъ вмѣстѣ умереть какъ сказано то прежде;

А что бы вмѣстѣ жить, онъ въ крѣпкой былъ надеждѣ.

Былъ радъ, и что былъ радъ онъ другу то открылъ.

И спрашивалъ ево, что въ уши говорилъ

Медвѣдь ему за тайну.

Тотъ отвѣчалъ ему: чтобъ дружбу обычайну,

Я дружбой не считалъ,

И чтобъ я впредь друзей при нуждѣ узнавалъ.

VII.

Пьяной и судьбина.

Муронъ напившись пьянъ, воды пошелъ искать;

къ желудкѣ вздумалъ онъ огонь позаплескать:

Прибѣгъ къ колодезю; но такъ онъ упомился;

что у колодезя неволей повалился,

и жажду позабывъ пустился въ сладкой сонъ:

Започивалъ тушъ онъ.

Не вздумалъ онъ шово, что легъ онъ тушъ не къ стати:

раскинулся, храпипъ, какъ будто на кровати,

и ужъ спустился онъ въ колодезь головой.

Судьбина, пьяновъ, шедъ мимо, разбудила,

и говорила:

Поди, мой другъ, отсель, опочивать домой.

Спроси, гдѣ ты живешъ: твой дворъ тебѣ укажутъ.

Какъ ты утонешъ, я тому причина, скажутъ.

VIII.

Крестьянинъ и смерть.

Крестьянинъ въ старости и въ бѣдности страдая,
 Дрова рубилъ,
 И жизни таковой не любилъ,
 Остатокъ лѣтъ своихъ ни съ смертью не равняя,
 Что въ нихъ? онъ говорилъ;
 Уже томъ вѣкъ прошелъ, который былъ приятенъ:
 Прошелъ томъ вѣкъ какъ я былъ веселъ и здоровъ;
 Приди о смерть, приди! я въ гробъ ийти готовъ.
 Сей голосъ стариковъ,
 Былъ смерти очень внятнъ,
 И послѣ оныхъ словъ,
 Смерть всѣ свои дѣла другія оставляетъ,
 И спарова у дровъ,
 Усердно посѣщаетъ.
 Какъ не оставить все когда ее зовутъ,
 Другія отъ нея и окна всѣ запрутъ.
 Она жъ и не спѣсива,
 И что къ нему пришла, ни малова нѣтъ дива.
 За чемъ ты звалъ меня,
 Она у старика не грозно вопрошала,
 Миѣ слышалось, что жизнь тебѣ противна стала:
 Струсилъ старикъ и ей отвѣтствовалъ спеша:
 Нѣтъ дѣло не о томъ, передъ тобой могила;
 Я звалъ, чтобъ ты дрова снести лишъ пособила.

IX.

Муха и кореша.

Въ корешѣ ѣхала не знаю кто такая,
 Кто такова она, что нужды до пово?
 Пускай не ѣхало въ корешѣ ни ково,
 Иль пусть сидѣла въ ней красавица какая:

То лучше и всево.

Одналь она сидѣла,

Иль при себѣ любовника имѣла,

Здѣсь дѣло не о томѣ.

А ѣхала она внѣ жила,

Знашь что поля любила.

День очень жарокъ былъ, и пыль вилась столпомъ,

Кореша,

Средь дѣла,

Пылишь всегда,

То разумѣется, какъ выѣдешъ, тогда.

Прилипла муха къ ней, и пыль шаковую видя,

Взгордилася, и говорила сидя:

Хоть не она тому причиною была:

Куда какъ сколько здѣсь я пыли подняла!

X.

Крынка молока.

Мелинша понесла на рынокъ молоко:

Хоть крынку головой нести и не легко;

Мелинша о трудѣ своемъ не размышляетъ,

Но деньги исчисляетъ,

Которыя она за свой товаръ возметъ.

И въ мысли таковой дорогою идетъ :

Какъ это я продамъ куплю яицъ десятокъ.

Да выведу цыплятокъ.

Не думай коршунъ ты цыплятъ моихъ пускать ;

Я стану ихъ беречь такъ какъ робятокъ мать.

Цыплятки будутъ куры ;

Вить я не заблаю какъ дѣлаютъ то дуры ,

Чтобъ мнѣ цыплятъ поѣсть.

Они со временемъ , яички будутъ несть.

И разведу я куръ ста два или и болѣ.

Куръ нѣсколько продавъ овечку я куплю ;

Вить дешево своихъ я куръ не уступлю.

Купивъ , овечушку пущу гулять я въ полѣ.

Овечкѣ надобно ягняткъ мнѣ родить.

Вы будете меня ягняточки любить.

Какъ на лугъ я приду они играть тамъ станутъ :

Увидючи меня вотъ такъ то вспрянутъ :

И вѣ ума ,

Воспрянула сама.

Слѣтела крынка : вотъ Меликѣ вся заплаха.

Какой ей то ударъ !

Прости товаръ ,

Прости овечушка , простите и ягната ,

Простите яйца , и куры , и цыплята.

ХІ.

Человѣкъ средняго вѣка и двѣ его
любовницы.

Былъ нѣкто среднихъ лѣтъ ,

Ни внукъ , ни дѣдъ ,

Ни хрычь, и ни дѣтина;

Однако былъ ужъ сѣдъ;

Но прежнихъ волосовъ еще былъ видѣнъ цвѣтъ;

Осталася на немъ ихъ цѣла половина.

Любитъся онъ еще умѣлъ,

И двѣ любовницы имѣлъ:

Одну сѣдую:

Не такову какъ онъ, сѣдую впрямъ:

Другую молодую,

Какая бы годна была и молодцамъ.

Одна ево дарила,

Другая щипилась обирать,

И каждая ево боялась потерять.

Извѣстно какова въ любви и въ деньгахъ сила.

Старуха думала: любовникъ мой не старъ,

А я ужъ спала стара;

Такъ я ему не пара:

Покинетъ онъ меня! какой мнѣ по ударъ!

Другая думала: любовникъ мой ужъ старъ,

А я еще не стара:

Такъ я ему не пара:

Узнаетъ лѣсть мою и мой припворный жаръ!

Чтобъ имъ не оборваться

Въ такой глубокой ровъ;

И этой и другой хотѣлось съ нимъ сравняться,

Хоть цвѣтомъ волосовъ.

И волосы примѣта,

Что ихъ не сходны лѣта.

Хрычовка утопить сомнѣнье и поску,

Щипала у него сѣдыхъ по волоску.

А та сѣдыя оставляла:

По волоску она вонъ русыя щипала.

Ни въ старой вшелъ онъ въкъ, ни въ лѣта молодыхъ,

Не стало всосовъ, ни русыхъ ни сѣдыхъ.

XII.

Мышь городская и мышь деревенская.

Пошла изъ городѣ мышь въ красной день промяться,
 И съ сродницей своей въ деревнѣ повидаться.
 Та мышь во весь свой вѣкъ все въ закомѣ жила,
 И въ городѣ еще ни разу не была..
 Какъ спали ужинашь, мышь градска говорила,
 Какая тамо жизньъ, и очень то хвалила:
 Ты ѣшь простой здѣсь хлѣбъ, а я тамъ сахаръ ѣмъ,
 Что ради тамъ господъ, и я пипаюсь тѣмъ.
 Про сахаръ много разъ сестрица я слыжала,
 Однако я ево и съ роду не ѣдала,
 Та говорила ей, попомчивай меня.
 А та симъ лакомствомъ сестру свою взманя,
 Отвѣтствовала ей: коль хочешъ то отвѣдайшь.
 Такъ завтра ты ко мнѣ пожалуй спобѣдайшь.
 И здѣлалось такъ. Тупъ сахаръ, сыръ, мяса,
 Такова гостья вѣкъ не видѣла часа.
 Но какъ ихъ повара за кушаньемъ застали,
 Съ какою трусостью они отъ нихъ бѣжали!
 И только лишь ушли, анъ кошка имъ въ глаза,
 Ужаснае еще и первыя гроза.
 Ушли и отъ тоя, и тупъ была удача.
 Но гостья у сестры домой просилась плача:
 Пожалуй поскорай сестрица отпусти,
 Ёшь сахаръ ты одна, и съ городомъ прости,
 Я сладкихъ ѣствъ твоихъ во вѣкъ не позабуду;
 А впредь, доколь жива, на твоей обѣдѣ не буду.

XIII.

Кошка и пѣсухъ.

Поймала пѣсуха голодна кошка въ когти,
 И какъ она въ него уже вонзила когти,
 Старалась правый судъ явить ему она,
 Что будто есть ево великая вина.
 Ты спать, ево винишь, хозяевамъ мѣшашъ,
 Пѣсухъ на то: дѣлѣ не право разрѣшашъ;
 Я симъ хозяевамъ своимъ не досажу;
 Какъ упрямъ я пою, къ работѣ ихъ бужу.
 Пускай по такъ, да ты въ любви лицемѣренъ,
 И не былъ ни одной любовницѣ ты вѣренъ.
 А естлибъ не искалъ различности я лицъ,
 То куры нанесли не много бы лицъ.
 И по хоть такъ, сама я ето утвердила;
 Однако ужъ тебя я къ смерти осудила.
 Напрасно все теперь и прозьба и боязнъ;
 Я завтракать хочу; прими достойну казнъ.

XIV.

Орелъ и ворона.

Нашедши устрицу не знаю гдѣ орелъ,
 Прельщался на нее, да вынуть не умѣлъ.
 А гдѣ орелъ сидѣлъ ворона шутъ лѣтѣла.
 И видя то, сама покушать захотѣла.
 Спустилася къ нему, и мя достать обѣдъ,
 Приблизившись такой даетъ ему совѣтъ:
 Когда и я донесъ твоей особѣ смѣю;
 Такъ ты подъ облака взлети опсѣлъ съ нею,

А какъ ты будешь тамъ по устрицу опшоль,
Издавивъ ты спустить на каменья изволь,
Но только лишъ она по камнямъ застучала;
Ворона устрицу изъ раковинъ умчала.

XV.

Конь и оселъ.

Конь гордый на пути украшенъ серебромъ,
Какъ рыцарь нѣжкою встрѣчается съ осломъ,
Который опягченъ насилу возноситъ ногу,
Кричитъ издаലെка, чшобъ далъ ему дорогу;
Оселъ дорогу далъ, и мѣсто уступилъ,
Кшоро гордый конь хоща не откупилъ.
Поранили коня въ войнѣ: онъ прежню нѣгу,
И спѣсь свою забылъ; впрегли его въ телегу,
Когда онъ подъ сѣдломъ не могъ уже служить,
И начали навозъ на рыцарѣ возить.
Онъ встрѣтился ошячь, да только ходомъ новымъ,
Съ смиреннымъ и еще съ осломъ тогда здоровымъ.
Гдѣ спрашивалъ оселъ ты нынѣ спѣсь дѣвалъ?
И помню какъ на насъ на бѣдныхъ ты дѣвалъ.
Ахъ! онъ отвѣтствовалъ, какъ я мерзилъ тобою,
Я вижу нынѣ по вседневно надъ собою.

XVI.

Прохожій и змѣя.

Среди зимы, въ морозъ, прохожему въ пути,
Случилася змѣю замерзлую найши.

Спасать несчастну тварь суть дѣйствія геройски ;
 Не вѣдаю за что мы хвалимъ оны войски ,
 Которыя людей гоняютъ какъ овецъ .
 Прохожій не шakovъ , изрядной молодецъ ;
 Змѣю щедротою великой снабдѣваетъ ,
 И въ пазухѣ своей какъ руки согрѣваетъ .
 Согрѣлася она у друга своего ,
 А въ воздаяніе ужалила ево .

XVII.

Аполлонъ и Минерва.

Не вѣдаю за что прогнѣвался Зевесъ :
 Былъ сверженъ Аполлонъ съ Минервою съ небесъ .
 Принуждены они по всей землѣ скитаются ,
 И способовъ искать , чѣмъ странствуя питаются .
 Тотъ спалъ по городамъ аптеки уставляя ,
 Другая мнилъ умы скорбящи изцѣляя .
 Аптекарю чиня великія доходы ,
 Бѣгутъ по порошки оны всѣхъ сторонъ народы .
 Минерва въ нищенствѣ доходу съ миру нѣтъ ,
 Хотя безуміемъ и весь наполненъ свѣтъ .
 Ужасна смерть ; и всѣхъ аптекаръ обираетъ :
 А отъ дурачества никто не умираетъ .

XVIII.

Лисица и козелъ.

Лисица и козелъ куда то вмѣстѣ шли,
 И захотѣлось имъ напишься.
 Колодезь въ сторонѣ нашли.
 Вода была низка: козь пипъ; пришло спуститься.
 Къ желанью дорвались,
 Спустились, напились.
 Вылезти надобно: что влезли, то не чудно;
 Да вылезти очень трудно.
 Погладивъ бороду лисица у козла:
 Уприся, говоритъ, ты вверхъ стѣны ногами,
 Потомъ рогами;
 Чтобъ прежде вылезти я могла.
 А какъ себя избавлю,
 Избавлю и тебя. Тебя ль я здѣсь оставлю!
 Козелъ сей вымыселъ безмѣрно похвалялъ,
 Клянясь чтобъ никогда онъ въ умъ ему не впалъ.
 Лисица вылезши въ свободѣ пребывала.
 А бѣднаго козла она увѣщевала.
 Коль остороженъ быть онъ прежде не умѣлъ,
 Въ несчастіи чтобъ онъ терпѣніе имѣлъ.

Сей прикладъ учитъ насъ, чтобъ прежде мы начала,
 Желая получить трудамъ своимъ вънецъ,
 Подумали, какой имъ слѣдуетъ конецъ.

ХІХ.

Два рака.

Ракъ раку говорилъ! куда ты ракъ
 Какой дуракъ!
 Ты ни шага пройти порядкомъ не умѣешь.
 Кто ходитъ такъ?
 Иль ногъ ты не имѣешь?
 Покажется, одинъ изъ нихъ былъ забіяка,
 Другой былъ прусъ,
 А то бы стала драка.
 Однако не хочу въ прусахъ оставить рака:
 И топъ подыметъ усъ.
 Походкою иною,
 Сказавъ ему: пройди ты самъ передо мною.

ХХ.

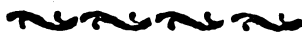
Два живописца.

Похвально то что дѣлано искусно,
 А что не вкусно,
 То плохо завсегда,
 На что бы ни пришла изъ мыслей череда.
 Ищи своей забавы,
 Прибытки, славы,
 Во исполненіи искусства своего;
 Безъ разума дѣла не стоятъ ни чево.
 За что ни примешься ты дерзко и нахально,
 Не будетъ то похвально,
 Коль ты въ искусствѣ малъ;
 Хотя бы до небесъ ты мысамъ простирааь,

Что въ дѣйствии почтенно и велико,
Тобою будетъ мало шо и дико.
Другой и въ малости заслужитъ похвалу,
Въ какую ты войдешъ въ великости хулу.

Лягушку написалъ безмѣрно нѣкпо живо,
Лягушка спало диво,
Лягушка продана,
Дороже и слона.
Разнесся слухъ о сей продажѣ.
Пріѣхалъ и другой,
Картины продавашь, цѣною дорогой,
И мыслитъ: ремесло подобно емо кражѣ,
Не много попомѣй,
И вдругъ разбогатѣй:
И написалъ Парнасѣ и Музѣ и Аполлона,
Да только написалъ письмомъ инымъ,
Или сказать ясней, письмомъ дурнымъ;
Большой цѣной продать картину шо престопа.
Сколь много онъ за то просилъ,
Даютъ толико мало.
Ко всѣмъ Парнасѣ носилъ,
Ни кто Парнасса не купилъ;
Ему досадно стало.
Въ великой ярести отправился въ свой путь.
И какъ съ пути назадъ изволилъ поглянуть,
Бранилъ онъ городъ сей: не стоишь ты полушки,
Когда въ такой чести у васъ,
Великой Аполлонъ и весь Парнасѣ:
Вы Музѣ не любите, угодны вамъ лягушки.

XXI.

Волкъ и журавль.

Волкъ ѣлъ не знаю, что и костью подвился,
 Метался отъ пьоски, и чудь онъ не вздурился.
 Увидѣлъ журавля, и слезно сталъ просить,
 Чтобъ онъ пощился въ томъ ему помощникъ быть,
 И всю онъ на него надежду полагаетъ.
 Журавль свой долгой носъ въ горлань ему пускаетъ,
 И вынимаетъ кость. Потомъ онъ просилъ мзды,
 Что онъ отъ таковой спасъ злой ево бѣды.
 Довольствуйся ты тѣмъ, зѣбрь хищный отвѣчаетъ,
 Что волкъ тебя въ такомъ здоровьѣ оставляетъ,
 Какое до сея услуги ты имѣлъ,
 И радуйся тому, что носъ остался цѣлъ.

Гонъ права честности не мало собираетъ,
 Кто людямъ никогда худымъ не помогаетъ.

XXII.

Собака съ кускомъ мяса.

Собака на доскѣ рѣку переплывала,
 И мяса не большой кусокъ въ роту держала.
 Презъ тѣнь она себя въ водѣ была видна:
 Куда предъ этой я собакою бѣдна,

Часть VII,

у

Подумалось ей. Кусокъ въ водѣ казался
Гораздо больше быть, и ей въ глаза бросался.
Она чтобъ по отнять, завидуя, могла,
Тотъ бросила кусокъ, который берегла.
Мечтательнымъ кускомъ себѣ напрасно льстила,
А изъ роту прямой купаться упустила.

Чего не получилъ, шово своимъ не числя,
То разнo, что въ рукъ, и чѣмъ владѣеть мысль.

XXIII.

Возгордѣвшаяся лягушка.

Увидѣвши быка лягушка на лугу,
Сказала, такъ полста я быть сама могу,
И чтобъ товарищамъ въ семъ видѣ показаться,
Влюбясь въ толщину вдругъ стала раздуваться,
И спрашиваетъ ихъ надушися она,
Подобна ли ее быковой толщине.
Отвѣтствовали ей товарищи, ни мало.
Отвѣтствие ей по весьма досадно стало,
Вздучалась еще услышавъ тѣ слова,
Конечно быть полста хотѣла шкова.
До самыхъ тѣхъ она поръ дуться изучалась,
Покамѣсть преснула, и спѣсь ее скончалась.

XXIV.

Заяцъ и медвѣдь.

Пресильну заяцъ злосць при горести имѣлъ,
 Что нѣкогда медвѣдь дѣшей ево побѣлъ,
 И всякой день хотѣлъ отмстить свою обиду,
 Но не было ему къ тому ни мала виду.
 А сей былъ озорникъ въ лѣсу ему сосѣдъ,
 Такъ должно было ждѣть и впредь подобныхъ бѣдъ.
 Хоть заяцъ и пруславъ, однако пронупъ больно,
 Отвѣги получилъ къ отмщенію довольно,
 И предпріалъ хотѣвъ случилося пропасть,
 Лишъ толькобъ своево врага ввести въ напастъ,
 Взманить въ свой частый лѣсъ охотниковъ, со псами,
 Гдѣ и не думали они быть прежде сами.
 Причина: что сей лѣсъ былъ пѣсенъ и не чистъ,
 И вѣдали они, что онъ и незайчистъ.
 Съ неперпѣливостью дней зимнихъ дожидался,
 Въ отвагѣ вымыселъ ему на мысль попался.
 Въ начинѣ сей зимы лишъ только выпадъ снѣгъ,
 Оставилъ онъ свой домъ и подъ деревней легъ,
 Гдѣ малая погда рябятъ забавлялись.
 И снѣгъ сжимаючи другъ въ друга имъ мѣшались.
 Увидѣли они, что заяцъ шутъ приникъ:
 Какой пошелъ отъ нихъ по всей деревнѣ крикъ!
 Но заяцъ убѣжалъ топчасъ къ себѣ возвращно,
 И обложилъ врага слѣдами многократно,
 А послѣ побѣжалъ куда тогда хотѣлъ.
 Въ деревнѣ зайчій слѣдъ охотникъ усмотрѣлъ,
 И шелъ съ собакою по заячьему слѣду,
 Однако не къ нему зашелъ къ ево сосѣду,
 И испужавшися обратно побѣжалъ,
 Но что въ лѣсу медвѣдь, въ деревнѣ разказалъ.

Сбираются къ нему охотники со псами,
 Иной съ рогатиной, съ ружьемъ, иной съ стрѣлами.
 Наполнилъ все дворы о лютомъ звѣрѣ слухъ,
 Иной съ собою ножъ беретъ, иной обухъ.
 Во множествѣ къ нему крестьяня выходили,
 И только лишъ пришли топчасъ ево убили.

Не учиняй обидѣ, ты сильный, никогда,
 Безсильный по отмстить удобенъ иногда.

XXV.

Волкъ, овца и лисица.

Овца, лисица, волкъ приянство утвердили,
 Однако первенствомъ въ немъ волка предпочтили.
 И слушала ево лисица и овца,
 Не такъ какъ старшаго, но равно какъ отца.
 У волка нѣкогда съ медвѣдемъ стала ссора,
 Что онъ своимъ друзьямъ сказалъ межъ разговора,
 И сказывалъ, что онъ къ отмщенію идетъ,
 Прося, какой они дадутъ на то совѣтъ.
 Овца на страшну брань ийти ему претила,
 И что онъ пропадетъ съ слезами говорила:
 Пожалуй бапюшка побереги себя,
 Ты вѣдаешь по самъ, что онъ сильный тебя.
 Волкъ больше въ сей совѣтъ съ овцою не впустился,
 И очень на нее за епо разсердился.
 Ты думаешь, что мнѣ съ медвѣдемъ страшенъ бой,
 Ей съ гнѣвомъ говорилъ: я, дура, самъ герой:

ужь много у меня такихъ враговъ бывало :
 Но сердце никогда мое не пренѣмало.
 Слышала то и я , лисица шутъ на то.
 Волкъ спрашивалъ ея слышала ты ? а что ?
 Я слышала , ему лисица отвѣчала ,
 что храбрость иногда пивоя и львоеъ сражала ,
 да въ томъ и дивности не вижу никакой ;
 Я знаю что ты храбръ ; худая брань съ побой.
 Хошь то была и ложь , но волкъ тѣмъ возгордился ,
 И отмѣнить свое намѣренье стыдился.
 Тотчасъ просняся съ ней пошелъ отъ нихъ на брань ,
 Но гerdости животь безумецъ ошдалъ въ дань .

XXVI.

Соколъ и сова.

Когда то соколу сова другиней стала :
 И съ нимъ какъ равная по воздуху летала :
 И говоритъ ему ; я дѣшокъ воспинала :

Такъ ты любезный кумъ не трогай ихъ ,
 И береги еще и отъ другихъ :

Храни ихъ , хошь они со мною , хошь заочно,
 Я ихъ шебъ ,

Вручаю какъ себъ ,

И опишу ихъ точно :

И стала красоты ихъ класки на вѣски ,
 Съ примѣсомъ пудъ пяпи пристрастныхъ любови :
 Умильные глаза , орлиныя носки ,

Соколы брови :

Какъ ангели они ;

Пожалуй ихъ храни :

А я тебѣ кума и нынѣ и на предки.
 На завпрѣ видишѣ ихѣ соколѣ: сядяшѣ соята:
 Сказалѣ: не кумушки моей сядяшѣ рабята;
 Тѣ будто ангели, а ето черпеныа;
 Конечно ето дѣшки,
 Какой ея сосѣдки,
 И здѣлалѣ изѣ цыплятѣ онѣ ужинѣ безѣ насѣдки.

XXVII.

Нѣмчинѣ и Французѣ.

Любовникѣ ластяся къ возлюбленной своей,
 Осмѣлился открышь свою горячность ей,
 Она ему на то сказала безѣ обману:
 Я для ради тебя, что хочешѣ дѣлать спану,
 Единому тому не можно только быть,
 Чтобѣ спала я шебя когда нибудѣ любить.
 Попросишѣ денегѣ, ты и часто слово вѣ слово
 Услышишѣ ты отвѣтѣ:
 Кѣ услугамѣ сердце все твоимѣ мое готово
 А денегѣ нѣтъ.
 Я кѣ етому скажу, что нѣкогда случилось,
 И что не выдумка да вѣ дѣйствѣ приключилось:
 Французы съ Нѣмцами дралися, а за что?
 Отвѣствую на то:
 Не знаю.
 За что кипо билѣ ково,
 И сами можешѣ быть не вѣдали шово,
 Не о притчинѣ я войны воспоминаю.
 Воинско сердце разжено,
 И такѣ положено,

Чтобъ не было пардону:
По христiянскому ль то здѣлано закону,
На это я скажу:

Не знаю,

И такъ же предложу:

Не о законѣ я шеперь воспоминаю.

Французы, одержавъ побѣду на концѣ,

Такъ рѣжутъ Нѣмцовъ какъ овецъ:
Божественный уставъ безмѣрно починали,
И видно, что они писанiе читали:

Французъ Нѣмчина повалилъ,

И хочетъ показать опягу,

На грудь ему поставидъ шпагу,

Нѣмчинъ ево молилъ,

Чтобъ онъ ему животъ оставилъ,

Французъ не преступая правилъ,

Отвѣтствовалъ ему:

Тебѣ я другу моему

Служить во всемъ готовъ неложно:

А етова никакъ исполнить не возможно.

XXVIII.

Мужикъ съ копомкой.

Безъ разбору ты ври про чужiя дѣла,

Та работа не такъ какъ швоя тяжела.

Нѣтъ: не дивно ни мало и мнѣ какъ тебѣ,

Что милые на свѣстѣ всево ты себѣ:

Да чужова труда ты не пщись умалаять.

И чезо ты не знаешь, не пщись похулаять.

Естьли спросишь меня,

Я скажу не маня,

Что честной человекъ ,
 Этой гнусности здѣлать не можетъ во вѣкъ.

Посмотри ,
 И держи то въ умѣ :
 Несъ мужикъ пуда при
 На продажу свинцу , въ не большой копомѣ ,
 Нагибается онъ да не лъзя и не пакъ :
 Вить не грошъ на вино онъ несетъ на кабакъ :
 Миръ ругается видя , что гнется мужикъ ;
 Свищеносца не кажется трудъ имъ великъ.
 Имъ мужикъ отвѣчалъ :
 Трудъ мой кажется малъ :
 Только Богъ это вѣсть ,
 Что въ копомышкѣ есть :
 Да извѣстно тому ,
 Кто несетъ копому.

XXIX.

Вдова пьяница.

Престрашная пьяница гдѣ то была ,
 И полнымъ стаканомъ хмельное пила ,
 Дворянска ль роду она , иль мѣщанка ,
 Или и крестьянка ,
 Оставляю объ етомъ пустыя слова ,
 Довольно что пьяница ела , вдова :
 Родня и друзья ето видя , что пьетъ
 Хмельное вдовица , въ году всякой день ,
 И дѣлаетъ только одну дребедень ,
 Не могутъ дожидаться когда перестанетъ ,
 Она едакъ пить ,
 И спали журишь.

Покиньте журьбу вы, она ихъ просила,
И имъ оправданье свое приносила:
Покойникъ въ стаканъ на днѣ, и мой свѣщъ,
Умершаго мужа тамъ вижу портретъ.

По этой причинѣ,
Возможно ли нынѣ,

Когда я несчастна осталась одна,
Любезнымъ сосудомъ мнѣ пить не до дна;
Не будутъ любимы вдовицей такъ черти,
Какъ мужъ и по смерти,
Вписали шутъ чорта гдѣ прежде былъ мужъ:
Она изъ стакана все пьетъ мѣру шутъ.

Уемщики такъ же вдовицу журили,

И ей говорили:

Ты тянешъ какъ прежде; скажи для чего?
Для мужа? такъ нѣтъ ужъ портрета его.
Отвѣтъ былъ: себя я въ етомъ оправляю,
Я чорту ни капли на днѣ не оставляю.

XXX.

Волкъ и рабенокъ.

Голодный волкъ нигдѣ не могъ сыскати пищу
А волки безъ шово гораздо нищи.

Чтобъ ужину найти,

Скнпаться долженъ онъ ийти:

Не требуется толку,

Что надобно поѣсть чеве нибудь и волку:

А въ помѣ нѣтъ нужды мнѣ,

Когда ево за то дубины въ двѣ ударятъ,

И довка отболятъ;

Вить ето не моей достанется спинѣ :

Пускй ево изжарятъ :

Какя ето мнѣ печаль ?

Вить волка мнѣ не жаль.

Пришелъ къ креспьянскому волкѣ дому ,
И скрывшись на гумнѣ зарывшись подѣ солому ,

А на дворѣ въ избѣ рабенка сѣкла мать ,

И волку , выбросивъ , грозилася опдашь .

Волкѣ радѣ , и ужина готова ,

Да баба не здержала слова .

Утихла и война и шумѣ въ избѣ умолкѣ ,

Рабенка мать не устрашаетъ ,

Да утѣшаетъ ,

И говоритъ ему : когда придетъ лишѣ волкѣ ,

Такѣ мы ему поправимъ рожу ,

И чтобѣ онѣ насѣ забылѣ сдеремъ сѣ нево мы кожу .

Худую ужину себѣ пунѣ волкѣ нашелѣ ,

И прочѣ пошелѣ ,

Сказалѣ : и ожидать пунѣ доброва напрасно ,

Гдѣ мнѣние людей сѣ рѣчами не согласно .

XXXI.

Пастухъ и Сирена.

Вѣ долигѣ красной на лугу ,

Пастухѣ Аркадской жидѣ со шадомѣ :

Сирены зараженный взглядомѣ ,

Сидѣлѣ онѣ часто на берегу :

Сирена духѣ ево смущаетъ ,

И множи въ немѣ любовну страсть ,

Сама жарѣ потѣ же ощущаетъ ,

Отдавшись любви во власть .

Едва ужъ онъ скопину пасъ ,
 Ни что ужъ не увеселяетъ ,
 И только въ грусти умоляетъ ,
 Нептуна онъ по всякой часъ :
 О ты правитель моря сжался ,
 И мнѣ прекрасную вручи !
 Возми , отвѣтъ былъ , не печалься ;
 Но только взявъ ее молчи .

Бъ какомъ восторгѣ былъ весь духъ !
 Колико мысли были нѣжны !
 Свои утѣхи неизбѣжны ,
 Встрѣчаетъ радостный пастухъ .
 Онъ вопитъ : о велики Боги !
 Въ сей часъ увижу весь я ростъ ,
 Все тѣло дарагой и ноги :
 Но что онъ видитъ ? рыбій хвостъ .

XXXII.

Апрѣля первое число .

Апрѣля въ первый день обманъ ,
 Забава обща въ народѣ ,
 На выдумки лукавить данъ ,
 Нагая правда въ немъ не въ модѣ ,
 И все обманомъ заросло ,
 Апрѣля въ первое число .

Одни шлютъ радостную вѣсть,
 Друзей къ досадѣ утѣшаютъ,
 Другія лгутъ и чѣмъ ни есть,
 Друзей къ досадѣ устрашаютъ:
 Лукавство враки принесло,
 Апрѣля въ первое число.

На что сей только день одинъ,
 Обмана праздникомъ уставленъ?
 Безъ самыхъ малыхъ онъ причинъ,
 Излишно столько препрославленъ!
 Весь годъ такое ремесло;
 Такъ цѣлый годъ сіе число.

XXXIII.

Кокушка.

Грачъ вырвался изъ рукъ, изъ города домой:
 Кокушка говоритъ: скажи дружечикъ мой,
 Какъ въ городѣ молва о пѣняхъ нашихъ:
 Онъ ей отвѣтствуетъ: изъ жителей тамъ вашихъ,
 Прославленъ соловей, о немъ вездѣ слова,
 О немъ великая тамъ носится молва.
 Кокушка говоритъ: о жавронкѣ извѣстно?
 Грачъ ей: и жавронка тамъ пѣніе прелѣстно.
 Кокушка говоритъ: во славѣ ль тамъ скворецъ?
 Грачъ ей: и онъ у нихъ извѣстный тамъ пѣвецъ.
 Кокушка говоритъ: съ тобой жила я дружно;
 Для дружбы той скажи, что знаешь еще мнѣ мужа

Да только ни чево дружокъ не упамъ :
 Какія рѣчи тамъ про пѣсенки мои ?
 Грѣхъ ей : о томъ людей на рѣчь не позывало ,
 Какъ будто бы тебя на свѣстѣ не бывало .
 Кокушка говоритъ : коль люди безъ ума ,
 Такъ я могу сплести хвалу себѣ сама .

XXXIV.

Секретарь и соперники.

По биржѣ двое шли .
 Какія люди то , не знаю я объ епомъ ,
 Гуляли лѣтомъ ,
 Гуляли и въ гульбѣ шутъ устрицу нашли :
 Гражданска въ силу права ,
 Кому съѣсть устрицу , не приложу ума ;
 Юстиція сама ,
 Не вѣдаетъ того , и нѣтъ на то устава .
 Пошелъ великой споръ ,
 Кому принадлежитъ находку ету скушать ,
 И скучно было слушать ,
 Какой объ устрицѣ былъ шумъ у нихъ и вздоръ
 Окончилась проказа :
 Глуше устрицы была такая тварь .
 Попался секретарь ,
 Шелъ биржей на кабакъ изъ суднаго приказа :
 Тотчасъ онъ ихъ развелъ ,
 Имъ далъ по черепку обѣимъ изъ находки ,
 И передъ чаркой водки ,
 Безъ справокъ , устрицу , и безъ экстракта , съѣлъ .

XXXV.

Пахарь и обезьяна.

Мужикъ своимъ трудомъ на свѣтѣ жить родился,
 Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ прудился,
 И отъ труда

Онъ ждетъ себѣ плода.

Прохожій похвалилъ работника съ дороги.

То слыша подняла и обезьяна ноги,

И хочетъ похвалы трудами испросить,

Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,

Взяла великой камень,

И стала камень сей переносить,

На мѣсто съ мѣста,

А камень не пирогъ, и здѣланъ не изъ шѣста;

Такъ ежели когда носить ево хотѣшь,

Конечно надлежитъ нося ево потѣшь:

Потѣетъ и прудится.

Другой прохожій шелъ,

Въ трудъ ее ншелъ,

И говоритъ: на что толикой трудъ годится?

Безумцы никогда покоя не хранятъ.

Впередъ не заманятъ

Къ трудамъ меня, она болтала:

Свой камень бросила, прудиться перестала,

И жестоко роптала,

За что хвала другимъ, за то меня бранятъ.

XXXVI.

Опрекшаяся мира мышь.

Съ лягушками войну злаясь мыши начинали.
За что?

И сами войны шово не знали;
Когда жъ не зналъ ни кто,
И мнѣ безвѣстно то.
То знали только въ мирѣ,
У коихъ бороды поширѣ.

Затворникъ былъ у нихъ и жилъ въ Голландскомъ сырѣ:
Ни что изъ свѣтскаго ему на умъ не идетъ;
Оставилъ на всегда онъ роскоши и свѣтъ.

Пришли къ нему двѣ мышки,
И просятъ, ежели какія есть излишки,
Въ имѣнїи ево,
Чтобъ подаль имъ хопя немного изъ шово,
И говорили: мы готовимся ко брани.
Онъ имъ отвѣствовалъ, поднявши къ сердцу дани;
Мнѣ дѣла нѣтъ ни до чего:
Какія отъ меня друзья вы ждете дани?
И какъ онъ то проговорилъ,
Вздохнулъ и двери затворилъ.

XXXVII.

Левъ и мышь.

Бѣ лѣсу гулялъ ужасный левъ:
Онъ мышь поймавъ разинулъ зѣвъ,

И хочешъ бѣдну мышку скушать.
 Изволь сударь меня послушать,
 Просила мышка, лапки сжавъ,
 Царя зѣрей, сама дрожавъ,
 Себѣ ты славы не прибавишь,
 Когда зубами мышь раздавишь;
 Какую можешъ по принести,
 Тебѣ хвалу, какую честь?
 Не для пово въ твоей мы власти,
 Чтобъ могъ ты дѣлать намъ напасти;
 Вишь я тебя не поврежу?
 А можешъ бышь и услужу,
 Колико способа имѣю:
 Вилѣ левъ по сжалился надъ нею.
 А мышкѣ только говорить:
 Въ вѣкъ буду я благодарить:
 Умножь твои судьбина лѣта!
 Поймали скоро льва въ тенепа:
 Левъ помощи себѣ просилъ,
 Кричишь колико было силъ:
 И естли бы дошло до взятокъ;
 Такъ левъ бы далъ рублей десятокъ,
 Чтобъ только свободишься лишъ.
 Опколѣ ни взялася мышь:
 Воспоманула данно слово:
 Спросила: все ли ты здорово,
 Ко мнѣ щедроту возъмѣвъ,
 Еще живешъ почтенный левъ?
 Отвѣтствуетъ: я въ злой судьбинѣ,
 Свой вѣкъ окончить долженъ нынѣ.
 Она сказала о себѣ:
 А я своимъ должна тебѣ.
 Прогрызла сѣть и повредила,
 И льва опшодъ освободила.

XXXVIII.

Побѣжденный на картинѣ левъ.

Поставлена была въ лѣсу картина :

Не знаю какъ ;

Но было такъ.

На ней написана престрашная скопина :

Какая? Левъ ,

Разинувъ зѣвъ ;

Но горькою своей поверженъ былъ судьбиной !

Убилъ его мужикъ дубиной.

Мужикъ зашедши въ лѣсъ ,

Сталъ сильный Геркулесъ.

Повержена скопина ,

Повергъ ее дѣтина ;

Естественна картинка :

Левъ мимо шелъ ,

И побѣденна льва дѣтиною нашелъ ;

Сказалъ : побѣдою ты хвасталъ бы иною ,

Когда бы въ истинну сразился ты со мною.

XXXIX.

Гора въ родахъ.

Ужасна гора на сносахъ ужъ была :

Не басней басня та , исторіей слыла.

Не правильнымъ дѣла народъ аршиномъ мѣришь

Что хочешь то скажи ,

Ни чѣмъ не докажи ,

Всеми народъ повѣришь :

Не всякъ

Дуракъ ;

Однако многія не видяшъ ясно вракъ.

Обманщикъ всякай ,

Безумецъ такай ,

Что хочешъ то набрякай.

Въ походъ

Весь ломится народъ :

Уставился все смотрѣшь шуда , онкуда

Изъ машери ийти лежитъ дорога чуда.

Все бредятъ : мучишся , кричишъ , реветъ гора :

Родить пора.

Рабята говорятъ : спрашай пово не вѣдя ,

Слона ,

Или медвѣдя ,

Родитъ она.

А люди въ возрастъ наполнены обманомъ ,

Поздравить чаяли родильницу съ Типаномъ.

Но что родилось бишь ?

Мышь.

XL.

Лисица и виноградъ.

Лисица взлестъ

На виноградъ хотѣла ,

Хотѣлось ягодъ ей повѣсть ,

Полезла попошля :

Хоть любъ кусокъ ,

Да виноградъ высокъ ,

И не къ ея на немъ плоды созрѣли долѣ,
Пришло оставить ей закуски по неволѣ.

Какъ добычи лисица не нашла,

Пошла,

Ярся злобно,

Что ягодъ было ей покушать неудобно:

Какой ворчала по невкусной виноградъ,

До самыхъ не созрѣлъ такихъ онъ позднихъ чиселъ:

Хорошъ на взглядъ,

Да, киселъ.

Довольно такихъ

Лисицъ на свѣтѣ,

И гордости у нихъ

Такой въ отвѣтѣ.

XLI.

Деревенской праздникъ.

Въ деревнѣ жилъ мужикъ: въ деревнѣ праздникъ былъ:

Кто пить любилъ,

Тотъ много пилъ.

Крестьянинъ былъ,

Хмѣльнова не любилъ,

И кромѣ квасу шипъ ни капли онъ не пилъ;

Но онъ на праздникъ другихъ не празднѣя былъ,

И разны на гудкѣ имъ пѣсенки гудилъ.

Однако пьяной людъ гудошника судилъ,

Что онъ играньемъ тѣмъ бесѣду ихъ врѣдилъ;

Хотя и поплясали:

И за труды въ него камнями бросали.

Гудошникъ мой на силу дворъ нашолъ;

Однако во всю рысь бѣжавъ отъ нихъ, ушолъ.

Отъ наглости мирской, отъ камней и отъ спьялицицъ:
 Иль крапче вымолвить: отъ сихъ негодныхъ пьяницъ.

Мужикъ рабѣлъ;

Сднако на бѣгу имѣ пѣсенку пропѣлъ:

И вмѣсто спьялицицъ,

Бранилъ онѣ пьяницъ.

Мирѣ пьяной мужика винилъ;

По сказкѣ ихъ мужикъ деревню всю бранилъ.

Не только всѣхъ крестьянъ, не прогалъ онѣ и спьялицицъ;

Бранилъ лишь только пьяницъ,

И на сраженіе поселянъ не манилъ.

Не прогалъ онѣ народа:

А по вѣсть истинна: въ семьѣ не безъ урода.

Во всѣхъ ли людяхъ равный духъ?

И естѣли домъ такой, гдѣ нѣтъ ни блохъ, ни мухъ?

Въ деревнѣ той, разумныя молчали,

Безумныя ворчали,

А пьяныя кричали.

Была собака тамъ, а по славенски песъ,

Въ котору нѣкой бѣсъ:

А именно подьячій вѣзъ,

Обруганный за взяжки:

И смолчалъ изъ пса, изъ заднѣй онѣ палатки:

Подьячій не охочь до пляски и музыкъ:

Изъ заднѣй комнаты онѣ высунуль языкъ,

Разинувъ губы;

И скалитъ зубы,

Изъ подсобачьей шубы,

Визжитъ опшоль, тяжба, тяжба:

Пришла гудошнику нещастная судьба.

Онѣ черныя мяса собаки злобно мучитъ:

Вертится и смучать собаку ешу учитъ.

Песъ лаетъ и кричитъ: не стерпимъ брани въ вѣкѣ:

Мы выбранены всѣ; но песъ не человекъ;

Песъ сынъ саблчій,

И племени повожъ какова и подьячій,

Такъ дѣльноль онъ себя крестьяниномъ нарекъ ?
Крестьяня говорятъ : собака намъ не сватья :

Собакъ мы не братья ;

Намъ лучше упустить гудошникову брань ,
Какъ жежели давать собакъ дружбой дань :

И взявъ дубину ,

Собакъ дорзостной наколотили спину .

Гудошникъ мой

Ушелъ домой ,

И разсердясь на пса , вездѣ собаки ищеть :

Зоветь ево , нахалъ , нахалъ , зоветь и свищеть :

Собака рыщеть .

Шолъ , шолъ ,

И во хлеву собаку онъ нашолъ ;

Однако не пронулъ ево ; да нѣтъ и дива ;

Тутъ палки не было ; псу далъ мужикъ цокон ;

Не лзя ударити безъ рукавицъ рукой ;

Приказная была собака шелудива .

XLII.

Турецкой выборъ женѣй .

Хотѣлъ имѣть женой дѣвицу непорочну ,

Какой то Туркъ , и во законѣ точну ,

Такую , чтобъ она

Не знала и любви , не знала и вина .

Турчанки пьютъ вино , да только очекъ тайно :

А ето и въ любви бываетъ обычайко .

Понравилась ему одна ;

Онъ взялъ ее къ допросу .

Жена ,

Котора пьетъ вино , хотя и не до дна ,

Не надобна ему: не подноси и къ носу,
Бутылки и простой.

Приводитъ онъ ее ко первому допросу,
И хочешъ показати бутылку дѣвкѣ той;
Бутылки въ домѣ нѣтъ; онъ думаетъ: постой!
Извѣдать это я умѣю:

И въ домѣ пузырькоу имѣю;
Хотя въ стаканы войдетъ такихъ бутылки три:
И кажется дѣвушкѣ онъ етоу пузырьочикъ,
Ей ето говоря: сударушка, дружечикъ,

Пожалуй ты глаза протри

И посмотри

Дѣвица,

Какая предъ тобой вещица.

Отвѣтствуетъ она:

Бутылка ето для вина.

Коль дѣвка знаетъ то; не надобна она;
Другая, говоритъ онъ, надобна жена;
Онъ епу оставляетъ:

Бутылочку свою другой уже являетъ,
И тотъ же дѣлаетъ вопросъ:

А дѣвка, видя то, отворопила носъ,
И говоритъ ему невинная дѣвица:
Не вѣдаю, ей! ей! какая то вещица.

Женихъ любовію горитъ,

И говоритъ,

Невѣстѣ Турокъ:

Такихъ то я давно искалъ по свѣту дурскѣ.

Голубка, вѣдай ты, бутылка то спомнѣ.

А дѣвушка своей науки не ташѣ,

И говоритъ ему: бутылки тотъ ли видѣ!

Такъ ты меня въ числѣ не спавъ, женихъ мой, дурокъ;

Бутылку знаю я и вдоль и поперекъ:

А Турокъ почишалъ бутылку пузырькоу.

XLIII.

Два поворота.

Виргилій, Цицеронъ,
Бургавенъ, Эйлеръ, Локъ, Кортезий и Невтонъ,
Апеллъ и Пракситель, Меценъ и Сципионъ:
О прелюбленная божественная мода!

Зайди когда въ приказъ,
Гдѣ столько какъ у насъ,
Бумаги въ день испишутъ?

А то, что грамоша, писцы едва и слышутъ.
Кто съ рода никогда солдатомъ не бывалъ,
Съ Невы до Одера стреляя доставалъ.
Сапожникъ Медикъ былъ, дая цѣльбы пустыя.

Мужъ нѣкто знаменитъ,
Молчаніемъ однимъ попался во святыхъ:

О дни златыя!

Но скоро все сіе Минерва премѣнитъ,

Которая Россіей обладаетъ;
Отъ коей мрачный умъ сіянья ожидаетъ;
А лира между тѣмъ мнѣ басенку звенитъ.
Былъ нѣкой господинъ сынъ дьячій, или бояринъ,
Или выѣзжій Татаринъ,

Герольдія сама не вѣдаетъ о томъ;

Такъ какъ же знать и мнѣ въ Россіи здѣсь о комъ?

Однако дворянинъ, вотъ то извѣстно съѣху:

Причина, что имѣлъ ливрею и карету;

Передъ коретою всегда впряженъ былъ цукъ,

А за коретою былъ егеръ и гайдукъ.

Ковчегъ его творилъ по камню громкій стукъ,

А гдѣ не мощены по улицамъ дороги,

Карета тяжкая въ грязи была по дроги.

Юстей имѣлъ бояринъ эи всегда,

Да то бѣда,

Кухмистра не имѣетъ ,

А стряпать не умѣетъ .

Далъ двухъ молодчиковъ учиться въ повора ,
И спали въ годъ они въ позарнѣ мистери .

Хозяинъ дѣлаетъ бесѣду

Зовещъ гостей къ обѣду ;

Не тѣхъ , которыхъ онъ простымъ питьемъ поитъ ,
Да гдѣ по праздникамъ въ переднихъ онъ стоитъ .

Кухмиспры столъ устроютъ ,

Большія ко столу набаупѣтъ господа :

Въ большомъ коплѣ кипитъ кануси и вода ,

Кухмиспры надъ копломъ зеваютъ ,

И есъ въ одинъ кошелъ поправки зарысаютъ ,

Чего не слыхано по нынѣ никогда .

Что вылетѣся за штука ,

Сварившия , опшоль ,

Гдѣ сахаръ былъ и соль ,

Каплуцъ и штука ?

На что такой вопросъ ?

Сварился выляся хаосъ .

Кричитъ хозяинъ мой , хватается за шпугу ;

Одиго повара съ поварни дали тягу .

Хозяинъ чешетъ лобъ и носъ :

Вотъ пятница страшной недѣли !

Болга сбѣхались и ничего не дали .

XLIV.

Питъ и жена .

Питъ имѣлъ жену : она стихи читала ,

Колоры онъ слугалъ , и мужи почиалъ ,

И говорилъ стихи любовнику она ,

Изъ мужнихъ слова :

Тобой возлюбленный я въ вѣкъ заражена,
 И въ вѣкъ тебя мой свѣтъ любви я готова.
 Услышавъ это мужъ,
 И говоритъ онъ ей: спихи мои къ чему жъ?
 Жена отвѣтствуетъ: Парнассу я подвластна,
 И къ чести я твоей сказала къбмъ я страстна.

XLV.

Первой пѣснь.

Былъ первый въ старь пѣснь во Франціи машейникъ,
 И заслужилъ себѣ онъ плушнями ошейникъ:
 А я машейникомъ въ Россіи не слыву,
 И въ честности живу,
 Но въ жизни непріятной,
 И въ жалобѣ моей всегдашней и невнятной.
 Двинься не хочу, себя не заколю,
 Не брошуся въ рѣку и лба не прострѣлю;
 Но естъли я Парнассъ Россійскій украшаю,
 И тѣмъ же въ жалобѣ страдая возглашаю;
 Не лучель, коль себя всегда въ мученіи зрѣть,
 Скоряе умереть?
 Я знаю что моя честь вѣчно не увянетъ;
 Но славы сей моя пѣнь чувствовать не станеть.

XLVI.

К о р ш у н ъ .

Былъ коршунъ и кричалъ на деревѣ шулъ, шулъ,
 Тулъ, шулъ, шулъ, шулъ, шулъ, шулъ,
 Какимъ то побытомъ,
 Какъ будто жоботомъ,
 Дѣтина коршуна съ осины здулъ.
 Довольно кажепся грабитель куролѣсилъ,
 Но малой коршуна на вѣпви не повѣсилъ.
 Остался коршунъ живъ, остался живъ и носъ,
 Взялъ малый коршуна въ допросъ,
 Явилось по допросу,
 Во оправданіе Тулшульску носу,
 Что коршунъ доброй человекъ;
 И ни ково во весь не граблывалъ онъ вѣкъ;
 А сверхъ того ево очистила присяга:
 Не переломлена надъ головою шпига.
 Мнишь коршунъ: истинну я нынѣ побѣдилъ,
 Но естлибъ я ево судилъ,
 Въ застенкѣ бы сей плутъ на дыбѣ помѣшался,
 И послѣ въ пѣшлѣ бы дни два при помотался;
 А малой мой не такъ судилъ,
 И въ голубятню онъ Тулшула посадилъ,
 Для обороны симъ праведнымъ Тулшуломъ,
 Которы у него сидятъ подъ карауломъ,
 И сталъ сей воръ,
 На голубятнѣ прокуроръ:
 И закрѣпилъ Тулшулъ судебный приговоръ:
 Повѣреннымъ ему невиннымъ здѣлать казни,
 И всѣхъ безъ совѣсти казнитъ и безъ боязни.
 Перевершилъ Тулшулъ дѣла,
 Однако у него годовушка цѣла.

А онъ по нынѣ бѣшенъ;
Извѣстно то, что плутъ, по самой срокъ той грѣшекъ,
Доколѣ не повѣшенъ.

XLVII.

Кукушки.

На мѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ,
И гнѣвомъ милости Дѣлины толкуютъ.
Хотя разносится кукушечья молва;
Кукушкамъ ли понять Богинины слова?
Въ дубровѣ сей поютъ безмозглыя кукушки,
Которыхъ пѣсни всѣ не стоятъ ни полушки:
Лишь только закричитъ кукушка на суку;
Другія всѣ за ней кричатъ: куку, куку.

XLVIII.

Молодка въ горести.

Молодка въ горести страдаетъ,
И плачетъ и рыдаетъ;
Подруги унимать ее хотятъ,
И плакать ей прелятъ.
Молодка говоритъ: я все на свѣтѣ пращу,
И вѣдаю сама, что суетно я плачу;
Господи животи лишиться я въ сей часъ:
Мнѣ сказано, пришелъ указъ,

Невѣрность и рога, жопя вошли и въ моду,
 Невѣрныхъ женъ постричь, а рогоносцевъ въ воду.
 Она на тѣ слова такой даетъ

Отвѣтъ :

Объ етомъ духъ мой спонетъ,
 Черницей буду я, а мужъ утонетъ.

XLIX.

М а с к а р а д ъ .

Бралъ мальчика отецъ съ собою въ маскарадъ,
 А мальчикъ узнавать умѣлъ людей подъ маской,
 Пляской ;

Какой бы кто ни вздѣлъ, сокрыть себя, нарядъ.
 Не ладно прыгая, всей тушей тамъ тряхнулся,
 Упалъ, разшибъ онъ лобъ, расквасилъ мозгъ, рѣхнулся,
 Но выздоровѣлъ бы по прежнему плясать,
 Когда бы безъ ума не сталъ стиховъ писать.

Складъ былъ безмѣрно гнусенъ,
 Не видывалъ еще никто подобныхъ вракъ.
 О мальчикъ ! узнавать ты былъ людей искусенъ,
 Но знаешь ли теперь, что ты Парнасской ракъ ?
 Ты въ маскахъ прежде зналъ людей по виду пляски,
 А нынѣ самъ себя не знаешь и безъ маски :
 Брось Музу, еспьли быть не хочешь ты дуракъ.

L.

Попугай.

Въ практирѣ кто то какъ увидѣлъ попугая,
И захотѣлъ ево поѣсть.

Даетъ практирщику пречудно странну вѣсть,
Ево гораздо испугая,

И говоритъ ему, пожалуй государь,
Мнѣ эту пшаху ты изжарь:

Не говоришь о томъ гораздо онъ пространно;
Однако ето странно,

Такую птицу печь,

И мудрена та рѣчь;

Однако заплатишь хотѣлъ потѣ гость дозволю,
А денежка мана,

Чего не дѣлаешь на свѣтѣ семъ она?

Убили птицу,

Какъ будто воробья, дрозда, или синицу.

Гость,

Одну опресталъ кость,

Поѣлъ, погрызъ, за ту копѣйку далъ онъ спиду,

И за одинъ ему мясца онъ далъ кусокъ;

Хотя и выжалъ весь у мяса поваръ сокъ.

Убна мала, у той вкусъ птицы не высокъ.

Кость мяса етова икнушався не треснетъ,

Однако попугай убитый не воскреснетъ.

ЛІ.

К о р ш у н ъ .

Брюхато брюхо, лязяль по Русски то сказать ?

Такъ брюхо не брюхато,

А чрево не чреватю;

Такихъ не можно словъ между собой связать.

У коршуна брюшко иль спѣльно, иль жеребо,

Отъ гордости сей звѣрь взираетъ только въ небо.

Онъ спалъ павлинъ, не скажутъ ли мнѣ то,

Что коршунъ вишь не звѣрь но птица?

Не бесконечна ли сей критики граница?

Что

Худова въ томъ, коль я сказалъ жеребо?

Для риемы положилъ я слово то, для, небо:

А ето пріискавъ и нѣсколько бывъ радъ,

Остался въ почюности, какъ должно быши, складъ.

То шутки, каковы Рондо, Сонетъ, Балладъ; . .

Отъ етова писцы не рѣдко отбѣгаютъ;

Однко то оицъ когда пренебрегаютъ:

Жеребо, положилъ, не радилъ риемы я?

Но симъ испорченалъ хоть мало мысль моя?

Напрасно кажется за то меня ругаютъ,

Что я неслыхащу шутъ риему положилъ:

Я критики за то себѣ не заслужилъ.

Жеребо слово я ошибкой не считаю,

А вмѣсто басни той сію теперъ сплетаю:

Былъ коршунъ гордъ,

Какъ чортъ,

Да только онъ смотрѣлъ не въ адъ, но въ небо

А черти смотрятъ въ адъ.

Не мните критикой мнѣ сею дѣши мнѣ:

Не врю ошибки я, что я сказалъ жеребо.

Но къ причѣ приступлю спалъ коршунъ быть павлинъ;
 Въ его онъ перьяхъ былъ великой господинъ.
 Но пщицы прочія безумца ощипали,
 Такъ брюхо гордое и горды мысли пали.
 Кто хочетъ, можетъ онъ писателя винить;
 Однако должно ли писателя бранить?
 А емо слышали мои исправно уши:
 Но кто переведетъ на свѣтъ подлы души!

III.

Парисовъ судъ.

У парниковъ сидѣли три богини,
 Чтобъ ихъ судилъ Парисъ, а сами бѣли дыни:
 Россійской по сказалъ намъ древности полмачь,
 И стихоткачь;
 Который сочинилъ какой то глупой плачь,
 Безъ склада
 И безъ лада.
 Богини были шутъ: Паллада,
 Юнона,
 И матеръ Купидона.
 Юнона подавилась;
 Парису для того прекрасной неявилась;
 Минерва,
 Напилась какъ стерва;
 Венера,
 Парису кажется прекрасна безъ примѣра.
 Хоть и всѣ прекрасны были;
 Прекрасны таковы Любовь, Надежда, Вѣра.
 А сидя обнажась весь стыдъ они забыли.

Парисъ на судъ хоть селъ,
 Однако былъ онъ глупъ, какъ лосось или оселъ,
 Кокетку сей судья двумъ бабамъ предпочелъ,
 И разсердилъ онъ ихъ, какъ пчельникъ въ ульѣ пчелъ;
 И дѣлу онъ прочелъ
 Экстрактъ и протоколъ:
 Дій за ето ево не взрюшилъ чудъ на колъ.
 Венера возгордилась,
 Дочь мозгова зардилась,
 Юнона разсердилась,
 Пріама за ето оспригла и обрила,
 И Трою разорила.

ЛІІІ.

Несмысленныя писцы.

Вши въ самой древности читають, пишутъ умѣля
 И пѣсни пѣли.
 Всползла
 Во удивленье взору,
 На ту священну гору
 Гдѣ музы, вошь была копора зла,
 И стала возглашать во злобѣ и роптаньи,
 О правдѣ, честности, о добромъ воспитаньи.
 Не слушаетъ ни кто что тамъ поетъ та вошь;
 Извѣстно что у вши нѣтъ пѣсней ни на грешь.
 Когда бы пѣла мышъ; мышъ кошка бѣ изловила;
 А вшамъ такихъ угрозъ природа не явила;
 Такъ музы разсердась и въ жалобахъ своихъ,
 Хотя вши голосъ тихъ,

И пѣла вошь не шумно,
 Ко зевсу кликнули соткавъ прекрасный стихъ:
 Со вшами музамъ брань имѣти и безумно;
 Но зевсѣ не движимъ пребывалъ,
 И говорилъ: я вшей и съ роду не бивалъ;
 А естѣли мнѣ убить ее за гнусны пѣсни,
 Въ которыхъ ни чево нѣтъ кромѣ только пѣсни;
 Такъ лучше мнѣ побить безмозглыхъ пѣхъ,
 Которы мнятъ искать во гнусности утѣхъ;
 Да ето строга;
 Въ иномъ селѣ людей останется не много:
 А на срамную вошь не брошу грома я:
 Не осквѣрнится въ вѣкъ рука моя.
 О музы! должно вамъ отнынѣ вѣчно рдѣться:
 Что вы могли на пварь гнуснѣйшу разсердиться:
 Воспѣла вошь; но что?
 Не вѣдаетъ ни кто:
 Но кто хвалили то?
 Хвалили тѣ одни, кто сами всѣ ничто.
 Которыя сей вши хвалили бездѣлушки,
 Не стоятъ гады тѣ и всѣ одной полушки.

LIV.

Лисица и спашуя.

Я вѣдаю что ты Парнаскимъ духомъ дышешъ ;
Стихи ты пишешъ.

Не возложилъ ни кто на женскій разумъ узъ :
Чтобъ дамамъ не писать , въ которомъ то законъ ?
Минерва женщина , и вся бесѣда Музъ ,
Не пола мужеска на Геликонѣ ;
Пиши ! не будешъ пѣмъ ты меньше хороша ;
Въ прекрасной бытъ должна прекрасна и душа.

А я скажу то смѣло ,
Что самое прекраснѣйшее пѣло ,
Безъ разума , посредственное дѣло .
Послушай что тебѣ я нынѣ донесу ,

Про лису :

Въ какомъ то спашую нашла она лѣсу :
Венера то была работы Праксителя .
Споллуда говоритъ лисица словъ ей мѣля .
Промольи кумушка , лисица ей ворчитъ ,
А кумушка молчитъ .

Пошла лисица прочь , и говоритъ лисица :
Прости прекрасная дѣвица ,
Въ которой нѣтъ ни капельки ума ,
Прости прекрасная и глупая кума .

А ты то вѣдешъ , Хераскова , сама ,
Что кумъ такихъ довольно мы имѣемъ ,
Хотя мы дуръ и дураковъ не сѣемъ .

Къ Елисаветѣ Васильевнѣ Херасковой.

LIV.

Ворона.

Не принимайтесь безумцы смѣло,
 За то вы дѣло,
 Которо выше вашихъ силъ.
 О естли бы когда кто ето испросилъ!
 Тогдабъ невѣжество напрасно не пошѣло.
 Орелъ овечку ухвативъ се унесъ,
 И поднялъ до небесъ:
 Противъ орла овцамъ худая оборона.
 Что дѣлаетъ орелъ,
 Увидѣла ворона;
 Къ тому же дѣйствию и въ ней огонь горѣлъ,
 Подобно ухватишь овечку захопѣла,
 И такъ же какъ орелъ поднятъ,
 Да силы нѣгдѣ взятьъ:
 Мигушъ десяшка стря ворона попошѣла:
 Усталъ геройской духъ,
 Высокомѣриемъ ворона ослѣпилась,
 И какъ репейной кустъ къ овечкѣ прицепилась:
 Пришелъ пастухъ,
 И взялъ обухъ,
 И зачалъ онъ пазать героя прицепленна,
 И снялъ съ овцы героя упомленна,
 И далъ герою онъ ударъ,
 И выбилъ вонъ геройской жаръ.

LVI.

Лошаки и воры.

Лошакъ монеты везъ ,

Другой овесъ ,

И кто изъ нихъ честный они имѣли споры.

Скончали такъ они о чести разговоры :

Честные потъ изъ нихъ , которой деньги везъ ,

А потъ подлай , которой вазъ

Овесъ.

Напали воры :

Сказали лошаку , которой везъ

Овесъ :

Вези ты свой овесъ ,

Куда ево ты везъ :

И лошаковъ на волю отпустили ;

Лишь только деньги ухватили ,

И деньги унесли. Какая ето честь ,

Котору можетъ воръ унести !

LVII.

Заяцъ и червякъ.

На зайца , я не знаю какъ ,

Вскрабклся червякъ.

Во всю на немъ червячью волю ,

Червякъ летитъ по чисту полю !

Другимъ червямъ кричитъ гордяся на бѣгу ,

Рабата видитель , какъ я бѣжать могу ?

Тому хвалиться славой втунѣ ,
 Каковѣ бы кто ни былѣ почтеніемѣ высокѣ ,
 Ково привяжетѣ рокѣ ,
 Безѣ дальняго достоинства кѣ фортунѣ .
 Въ прямомѣ достоинствѣ велика похвала ,
 И состоятъ изѣ чести ,
 А пропчая мала ,
 И состоятъ изѣ лести .

LVIII.

Змѣя и пила.

Не устремляйтесь пово крипиковать ,
 Ково немножичко прудненько подковать ;
 Всѣ ваши зборы ,
 И наплетенны вздоры ,
 Не здѣлаютѣ ему малѣйшаго вреда ,
 А вамѣ надѣлаютѣ премножество стыда .
 Змѣя нашла пилу : зверокѣ ее по взгляду .
 Змѣя не думаетѣ усердно ни о комѣ ,
 И не скупится пратить яду ;
 Грызетѣ пилу и лижетѣ языкомѣ ,
 Что больше вкругѣ пилы она яряся вѣтсѣ ,
 То больше крови льетсѣ ,
 И проливая кровь потокомѣ изѣ себя ,
 Пилу губѣ ,
 Кровѣ собенну за кровѣ чужую почитаетѣ ,
 И кровью паетѣ .
 Пилу пилитѣ ,
 Языкѣ болитѣ ,
 Испрескалися губы .
 Увидѣла змѣя , переломавши зубы ,
 Что пронута она была ,
 А не пила .

LIX.

С к а з к а I.

Мужикъ у мужика укралъ съ двора корову,
И въ городъ продавъ камку себѣ купилъ.
Купилъ, и къ празднику скроилъ женѣ обнову.
Съ другога онъ двора быка себѣ стащилъ.
И ласку показавъ хозяйшкѣ сугубу,
Сшилъ боспрокъ, а пенерь купилъ ей кунью шубу.
Молодка на себя надѣвъ такой нарядъ,
Ужъ не работала, прелестна быть спаралась,
И двумъ дѣтинушкамъ угодна показала.
Они нечаянно нашли какъ будто кладъ.
Подпали молодцы, она не покрѣпилась:
Начпо же и нарядъ, когда бы не склонилась?
Одинъ изъ нихъ былъ топтъ, чей быкъ намнясь пропалъ,
Другой, корова чья намнясь съ двора пропала.
Молодка таинства въ себѣ не удержала:
Какъ топтъ такъ и другой про воровство спозналъ,
Передъ судьейю шашъ, подробно обличился:
Не зналъ, какъ вышло то, однако повинился.
Побитъ. И велѣно, какъ судъ опредѣлилъ,
Чтобъ топчасъ онъ быка съ коровой заплашилъ.
Какъ не шужить ему? онъ плакалъ безъ оправды;
Пришло на рынокъ несть всѣ женщины наряды.
Не плачь любезный мужъ, рѣчь женщина была,
Тебя мнѣ только жаль, а я свое взяла.

LX.

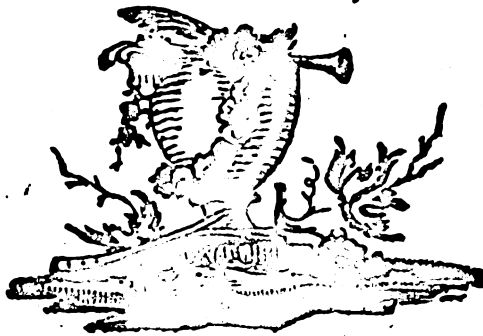

Сказка 2.

Жилъ нѣкакой мужикъ гораздо не убого,
 Всево, что надобно для дому, было много,
 И словомъ то сказать: сыта была душа.
 Хотя онъ былъ и старъ, однако не скрѣпился,
 И въ старости своей на дѣвушкѣ женился:
 А дѣвушка была гораздо хороша.
 Ему понравилось при старости, приапснво,
 А ей понравилось при младости, богатство,
 И такъ желанье ихъ въ одинъ попало ладъ.
 Женился старичокъ хотя и не въ попадъ:
 Прискутилося ей и день и ночь быть съ дѣдомъ,
 И познакомила съ молодушка съ сосѣдомъ.
 Велѣла нѣкогда, какъ куры спануть пѣть,
 Прийти молодчику повеселиться въ клѣть,
 И давъ ему ключи, ждетъ полночи утѣшно:
 Старикъ заснетъ; такъ ей все будетъ безпомѣшно.
 Пришелъ молодчикъ въ клѣть, а въ потъ же часъ на дворъ,
 Какъ будто зговорясь пришелъ за нимъ и воръ.
 И какъ ни крадеа онъ сабаки забрехали;
 Хотя двери вору въ клѣть войти не помѣшали:
 Не надобенъ обухъ, замка на дверяхъ нѣтъ.
 Подумалъ молодецъ, что старой хрычь идетъ:
 Часлау вспомнилъ какъ выкрасъся отполъ,
 А выкравшись бѣжалъ какъ ужъ не можно болѣ.
 Сабаки дѣлаи: ажъ, жонушка вставай,
 Мужъ старой говорилъ, я слышу въ домѣ лай,
 Конечно на дворъ моя голубка воры.
 Не нравны жонушкѣ пѣ были разговоры:
 Она сердилася безмѣрно на сабакъ,
 И мужу гозоря, сабаки лаютъ такъ.

Заснулъ старикъ : своя молодкѣ воля стала.
Всечила , изъ избы какъ можно уплесала.
Вбѣжала въ клѣть , и въ ней сосѣдушка бытъ мнитъ ,
И говоритъ ему теперь мой старой спитъ ,
Потѣшимся съ тобой. Изрядныя потѣхи !
Хозяйка вору крестъ не збѣлала помѣхи.
Она пошла назадъ , а воръ пошелъ домой ,
И что онъ захватилъ , то все унесъ съ собой ,
И говорилъ себѣ : хотя мнѣ это странно ,
Однако въ эту ночь я щастливъ несказанно.

Конецъ VI. Книги.

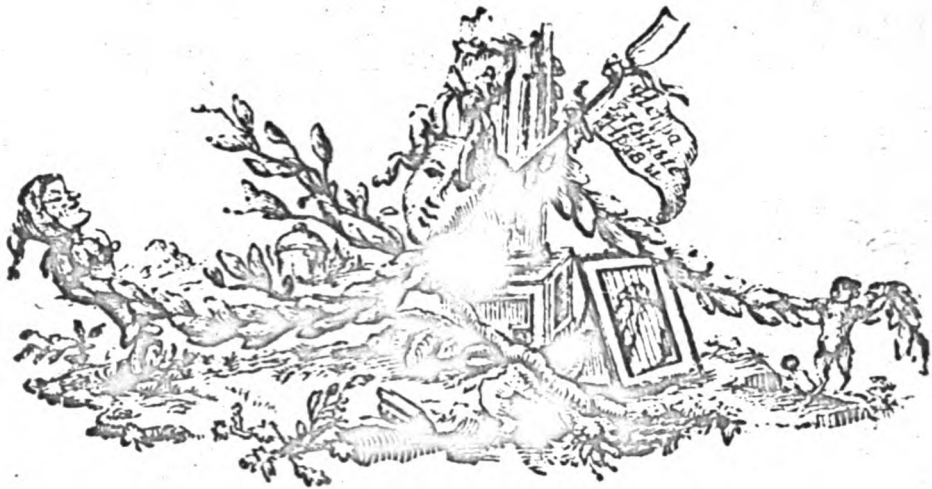

САТИРЫ.

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

САТИРЫ.

I.

Пишѣ и другѣ ево.

Другѣ.

Во упражненіи рассказываа здѣсь,
Вперилъ конечно ты въ трагедію умъ весь;
Въ очахъ, во всемъ лицѣ теперь твоемъ премѣна,
И ясно что въ сей часъ съ тобою мельпомена.

Пишѣ.

Обманываяся, любезный другѣ, вземли!
Я такъ далекъ отъ ней, какъ небо отъ земли!

Другѣ.

Еклогу - - -

П и и ш ъ .

Паспухи , луга , цвѣты , зефиры ,
Только жѣ далеки ; хочу писать сатиры ;
Мой разумъ весь туда стремительно течетъ .

Д р у г ъ .

Но что отъ жалостныхъ тебя днесъ драмъ влечетъ ?

П и и ш ъ .

Въ петрополѣ они всему народу вкусны ,
А здѣсь и городу и мнѣ подобно гнусны !
Тамъ сѣдуются для нихъ внимати и молчать ,
А здѣсь орехи грызть , шумѣти и кричать ,
Благонристойности не допуская въ моду ,
Во своевольствіе преобратя свободу :
За что жѣ бы , думаютъ , и деньги съ насъ збирають ,
Коль было бы не лзя срамиться и орать :
Возможно ль автору смотрѣть на то спокойно :
Для зрителей такихъ трудиться не достойно .

Д р у г ъ .

Не всѣхъ мы зрителей симъ должны обвинить :
Безумцовъ надобно однихъ за то бранить :
Не должно крилики употребляти строго .

П и и ш ъ .

Но зрителей въ москвѣ такихъ гораздо много :
Крикунъ , какъ колоколъ , единый оглушитъ ,
И автора всево терпѣнія лишитъ :
А естли закричатъ пять дюженъ велегласно ;
Разумныхъ зрителей вниманіе напрасно .

Другъ.

Сатиры пишучи пы можешь досадить,
И сею самъ себя досадою повредить:
На что мнѣ льстить тебѣ? я въ дружбѣ не таюся.

Пишъ.

А я невѣжества и плушкой не боюся,
Противъ прямъхъ людей почтеніе храня:
Невѣжи какъ хопятъ пускай бранятъ меня;
Ихъ шѣсто никогда въ сатиру не закиснетъ:
А брань ни у ково на воротѣ не виснетъ.

Другъ.

Не брань одна вредитъ: побольше брани есть,
Чѣмъ можно учинить своею сатирѣ мѣсть:
Лжецъ, вымысломъ, тебя въ народѣ обезславитъ,
Судья соперника не праведно оправитъ,
Озлобась мѣжевицикъ полподл опрадитъ,
А лавошникъ не дастъ товару на кредитъ,
Со сѣвзжей поберутъ людей за мостовую,
Кашей тебѣ съ родней испортитъ мировую.

Пишъ.

Когда я истинну народу возвѣщу,
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу;
Такъ люди честныя, мою зря миру службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу:
Невѣжество меня ни чѣмъ не возмутитъ,
И росскя меня паллада защититъ;
Не малая статься ея безсмертной славы,
Чтобъ были чищены ея народа нравы.

Другъ.

Но скажетъ ли судья винаѣ не право онѣ?
Онѣ будетъ говорить: винаѣ тебя законѣ.

П и и ш ъ.

Пускай винаѣ меня, и что мнѣ онѣ ни скажетъ
Изѣ дѣла выписки онѣ развѣ не покажетъ?

Д р у г ъ.

Изѣ дѣла выписки, во четверти земли,
Подъячій нагрузитъ вракѣ дѣлы корабли,
И разумѣ въ дѣлѣ помѣ онѣ вещь переломаетъ;
Поймешь ли ты чево онѣ самѣ не понимаетъ?
Удобнай проплясать, коль пѣсенка не въ тактѣ,
Какѣ мыслямѣ вобразитъ подъяческой экстрактѣ.
Экстрактѣ тебя одной замучитъ долгошою:
И спросятъ: выпиской доволенѣ ли ты шою:
Ты будешь отвѣчать: я дѣла не пойму;
Такѣ скажутъ: дай вину ты слабому уму,
Которымѣ ты съ толпой вралей стихи кропаешь,
И дѣловыхѣ людей въ бечестіи купаешь.
А я даю совѣтъ: ты шо предупреди,
Или сапирствуя ты по миру ходи.

П и и ш ъ.

Гдѣ я ни буду жить, въ москвѣ, въ лѣсу или полѣ,
Богатѣ или убогѣ, терпѣть не буду болѣ,
Безѣ обличенія, презрительныхѣ вещей.
Пускай злодѣйствуетѣ безсмертнѣ мнѣ кашей,
Пускай кашенка со всѣмѣ меня ограбитѣ,
Мое имѣніе и здравіе ослабитѣ,

крючкотворцы всѣ и мыши изъ архивъ ,
 стремятся на меня , доколѣ буду живъ ,
 лускай плуты попрутъ и правду и законы :
 мнѣ сыщеть истинна на помощь обороны :
 естли и умру отъ пагубныхъ сѣтей ,
 монархиня по мнѣ покровъ моихъ дѣтей .

Д р у г ъ .

Бездѣльство на тебя отправу усугубить :
 Изморщенный кашей витъ зеркала (не любятъ :
 Старухѣ мнящейся блистати какъ луна ,
 Скажи когда нибудь : изморщилась она ,
 И что ея краса выходитъ ужъ изъ моды :
 Скажи слагашлю нестройной самой оды ,
 Чтобъ бросилъ онъ ее не запечатавъ въ печь :
 Скорѣ самово тебя онъ спанетъ жечь :
 Неправеднымъ судьямъ сказать имѣй отвагу ,
 Что рушатъ дерзостно и честность и присягу :
 Скажи откупщику жаднѣйшему : онъ плутъ ,
 И дастся орденомъ ему ременной жгутъ :
 Скажи карпежнику : онъ обдустру отправа :
 Не плутия де игра , онъ скажетъ , но забава .
 Спроси за что душа приказная дѣретъ :
 Онъ скажетъ , шо за трудъ изъ чести онъ беретъ .
 За что ханьжа на всѣхъ проклятіе бросаетъ :
 Онъ скажетъ : души ихъ проклятіемъ спасаетъ .
 Противу логики кто спанетъ опвѣчать ;
 Такова никогда не лъзя изобличать :
 А логики у насъ я имя рѣдкимъ вѣстно ;
 Такъ трудно доказать , бесчестно что иль честно .

П и и ъ .

Еще трудный того бездѣльство зря терпѣть ,
 И видя ясно все , молчати и кипѣть .
 Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну ,
 Прошивъ пороковъ я писать не перестану .

II.

Кривой шолкъ.

Не видимъ никогда мы слабостей своихъ,
 Намъ мнится все добро что зримъ въ себѣ самихъ.
 Пороки, кои въ насъ, вмѣняемъ въ добродѣтель;
 Хотя тому одинъ нашъ спрасный умъ свидѣтель:
 Лишь онъ доводитъ то, что то конечно такъ:
 И добродѣтеленъ и мудръ на свѣтѣ всякъ.
 Пороки отошли; невѣжество сокрылось,
 Или будетъ такъ, когда того еще не зрилось.
 Буянъ закипъ по улицамъ лепашъ,
 А пешимешеръ вздоръ предъ дамами болташъ.
 Не будетъ пьяница пить кромѣ только квасу;
 Подъячій за письмо проситъ себѣ запасу,
 Дьячкамъ понамарямъ умершихъ будетъ жалъ,
 Скупой ущедрившись сооронитъ госпиталь.
 Когда жъ надѣялся премѣнъ быть толикой?
 Когда на язу сойдешъ иванъ великой,
 И на неглавной земѣ увидимъ корабли,
 Волкъ станешъ жить въ водѣ, бѣлуга на земаи,
 И будетъ омывашъ нева кремлевы стѣны.
 Но скоро ль шаковой дождемся мы премѣны?
 Всякъ хочешъ щеголяшъ достоинствомъ своимъ,
 И думаетъ онъ все изящнѣйшее съ нимъ:
 Лысцевъ мыслитъ ни когда, что онъ безмѣрно гнусенъ,
 Онъ мыслитъ то, что онъ какъ жить съ людьми ис-
 кусенъ:
 Коль нужда въ комарѣ, зоветъ его слонемъ,
 Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ,
 Сертитъ предъ мухою боярской безъ препоны,
 И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.
 Скупой съ усмѣшкою надежно говоритъ:
 Желудку что ни дай, онъ все равно варитъ.

Винѣ не любитъ снѣ ; здоровле де пиво ;
 Пить вины фряжскія , то очень прихотливо ;
 Отецъ де мой весь вѣкъ все медъ да пиво пилъ ;
 Однако онѣ всегда здоровъ и крѣпокъ былъ .
 Безумецъ , не о томъ мы рѣчь теперѣ имѣемъ ;
 Что мы о здравіи и крѣпости жимемъ .
 Сокровище свое ты заперъ въ сундуки :
 И опираясь безноженъ на клюки ,
 Забывъ здоровъ ли ты теперѣ или ты боленъ ;
 Кончая дряхлый вѣкъ со всемъ бы былъ доволенъ ;
 Когда бы чаялъ ты , какъ станешь умирать ,
 Что лезя съ собой во гробъ богачество все забранъ .
 Здоровье ли въ умѣ ? мѣшки ты въ мысли числишь ,
 Не спишь , ни ѣшь , ни пьешь , о деньгахъ только мы
 слышь ,
 Въ которыхъ ; коль ты ихъ не прайшь , нужды нѣтъ ,
 Ты мнительно богатъ ; такъ мысли швой весь свѣтъ .
 Чтожъ мыслишь о себѣ безмозгой пешимемеръ ?
 Гдѣ въ людяхъ умъ живетъ , въ немъ тамо пылъ и
 вѣтеръ :
 Онѣ думаетъ на томъ премудрости состоитъ ,
 Коль кудри хороши , кафтанъ по модѣ шитъ ,
 И что въ пустой его главѣ едина мода ,
 Отличнымъ чинитъ себя отъ подлаго народа :
 Старуха своя лишена красоты ,
 Ругается смотря на свѣтски суеты :
 Вступила дѣвушка съ мужчиной въ рѣчь свободно ;
 Старухѣ кажется то быть не благородно .
 Ей мнится : доведутъ до худѣ тѣ слова .
 Я , мнитъ во младости была не шкова .
 То станетъ , что ты по меньше говорил ;
 Но молча можешь быть , и больше что шворил :
 Невѣжа говоритъ : я помню чей я внукъ ;
 По дѣдовски живу , не надобно наукъ :
 Пускай убытчатся уча рабяткѣ моты ;
 Мой мальчикъ не ученъ , а въ тѣ жѣ пойдетъ вороты :

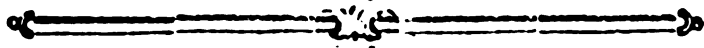
На прикладъ : о звѣздахъ потребны ль вѣсти мнѣ ,
 Иль знать ерусалимъ въ которой сторонѣ ,
 Иль съ кѣмъ темираксакъ имѣлъ войны кровавы ?
 На что мнѣ , чтобы знать чужихъ народовъ нравы ,
 Или вперялися въ чужія языки ?
 Какъ будто безъ шово ужъ мы и дураки .
 Чтѣ онъ невѣжественъ живетъ , о томъ не шужитъ ,
 И мнитъ онъ , то ему еще ко славѣ служитъ ,
 А естли , что наукъ не должно людямъ дасть ,
 Не вскользь , доводами захочетъ утверждатьъ :
 Тогда онъ бредитъ такъ : какъ можетъ быть извѣсно ,
 Живущимъ на земли , строеніе небесно ?
 Кпо можетъ то сказать , что на небѣ бывалъ ?
 До солнца и соколъ еще не долеталъ .
 О небѣ разговоръ ученыхъ очень пышенъ ;
 Но что ? по только вздоръ , и весь ихъ шолкъ излишенъ .
 Мы вѣдаемъ по всѣ , какъ вѣренъ календаръ ,
 Отъ спужи слынешъ кровь , а памѣ написанъ жаръ .
 Но ты не вѣдая ни малыхъ силъ науки ,
 Лишася и того , что будетъ честь отъ скуки !
 Ищи шуть правды , гдѣ не думано о ней ,
 И проклянай за то ученыхъ ты людей .
 О правахъ бредитъ такъ : я плюю на рассказы :
 Сплетенны за моремъ ; потребно знать указы .
 Не спорю ; но когда сидишь судьбою гдѣ ,
 Разсудокъ надобно ль имѣть тебѣ въ судѣ ?
 Коль теменъ разумъ твой , темно и вображенъе ,
 Хотѣ упромъ примешся сто разъ за уложенъе .
 Обманщикъ думаетъ : по глушой человекъ ,
 Который ни ково не обманулъ во вѣкѣ ;
 Погибнетъ де тѣмъ чести , да сто дѣло мало ,
 Во мнѣ де никогда ее и не бывало .
 Когда де по ея намъ правиламиъ ходишь ;
 Такъ больше намъ уже и куръ не разводишь .
 Тотъ гордостью надупѣ людей въ ничто вмѣняетъ ,
 Въ пущей себя главѣ съ іюліемъ равняетъ ,

И мыслятъ! естли бѣ онѣ на мѣстѣ былѣ ево,
Герой бы сей предѣ нимѣ не сполѣ ни чево.
Что жѣ гордости сея безмѣрная причина?
Не знаю: гордой нашѣ дѣтина какѣ дѣтина.
Сѣ чево жѣ онѣ сходенѣ сѣ нимѣ? на сей скажу вопросѣ
Что есть и у него и вѣ томѣ же мѣстѣ носѣ.
Иному весь шипулѣ, что только благороденѣ;
Красися шѣмѣ мой другѣ что обцеснву ты годенѣ.
Коль хочешѣ быть почтенѣ за свой высокой родѣ,
Яви отечеству того достойный плодѣ!
Но зрящу мнѣ вѣ тебѣ передѣ собой урода,
Прилично ли сказать; высокого ты рода?
Ты честию хвалишися, котора не шволя:
Будь пращурѣ мой кашонѣ, но шо кашонѣ не я.
На что о прадѣдахѣ такѣ много ты хлопчешѣ,
И спесью дуешся? будь правнукѣ чей ты хочешѣ:
Родитель твой былѣ пиррѣ, и ахиллесѣ твой дѣдѣ;
Но естли ихѣ кровей вѣ тебѣ и знака нѣшѣ;
Какова ты осла почтитѣ себя заставишѣ?
Твердя о нихѣ, себя ты пуще обезславишѣ:
Такой ли, скажущѣ, плодѣ являетѣ нимѣ та кровь!
Посѣянѣ ананасѣ, родилася морковь.
Не побѣдителя, кляченка возитѣ, воду,
Хоть буцефалова была бѣ она приплоду.
Но чѣмѣ увѣришь насѣ о прабабкахѣ своихѣ,
Что не было ушѣхѣ спороннихѣ и у нихѣ?
Ручишся ли ты за вѣрность ихѣ кѣ супругамѣ,
Что не былѣ ни кѣ одной кто сѣ боку вѣзятѣ кѣ услугамѣ?
Что всякая изѣ нихѣ лукреція была,
И каждая по днесѣ все пирровѣ родѣ вела?
Прерви свой муза гласѣ, престани пустое мыслить!
Удобняе песокѣ на днѣ морскомѣ исчислишѣ,
Какѣ наши дурсени подробно перечешѣ.
Да и на что, когда дается вракамѣ честь?

III.

О благородствѣ.

Сію сатиру вамъ дворяня приношу!
 Ко члѣнамъ первымъ я отечества пишу.
 Дворяня, безъ меня, свой долгъ довольно знаютъ;
 Но многія одно дворянство вспоминающъ,
 Не помня чпо онѣ сабѣ рожденнымъ и онѣ дамъ,
 Безъ исключенія всѣмъ пришеюъ адамъ.
 На то ль дворяня мы, чтобъ люди рабскими,
 А мы бы ихъ пруды по знатности глотали?
 Каксе барина различье съ мужикомъ,
 И топъ, и топъ земли одушевленный комъ.
 И естъли не ясная умъ барской мужиковъ;
 Такъ я различія не вижу ни какова.
 Мужикъ и шветъ и бстъ, родился и умреть,
 Господской такъ же сынъ, хотя и слаще жреть,
 И благородіе свое не рѣдко славить,
 Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поспѣшитъ.
 Ахъ? должно ли людьми скотинъ обладать?
 Не жалко ль? можемъ быкъ людей быку продать?
 А во ученіи имѣемъ мы дороги,
 По коимъ посклизнувъ не можемъ наши ноги:
 Единой шествуя въ дали увидя дымъ,
 Я твердо заключу, что тамъ огонь подъ нимъ.
 Я знаю опытомъ, пера тяжель камень,
 И льда не вспламенитъ и жесточайшій пламень:
 По щету вѣдаю, что десять, пять да пять;
 Но это не верста; едина только пядь:
 Шагнуть и безъ наукъ искусно мы умѣемъ;
 А всей премудрости цѣль дальнюю имѣемъ,
 Хотя и вѣчно къ ней не можемъ мы дойти;
 Но можемъ на пупи сокровищи найсти.
 Периклъ, алкивиадъ наукой не гишались,
 Начальники ихъ войскъ наукой украшались:

Великій александръ, и ею былъ великъ,
 Науку храбрый чинилъ вѣнчаный фридерикъ;
 Петромъ она у насъ петрополь услаждаетъ,
 ЕКАТЕРИНА вновь науку насаждаетъ.
 Не можно никогда науки презирать:
 И трудно безъ нея намъ правду разбирать.
 Миѣ мнился на слѣпца такой судья походитъ,
 Младенецъ коего, куда похочетъ водитъ.
 На то ль кому судьба высокой чинъ далъ,
 Чпобъ онъ подписывалъ, подъячій велъ дѣла?
 Такою слабостью умножатся намъ нищи,
 Лишены имъ на вѣкъ своей дневныя нищи.
 Подъячій согрѣшилъ или простой салдапъ:
 Одинъ изъ мужиковъ, другой изъ черни взятъ:
 А во дворянствѣ всякъ, съ какимъ бы ни былъ чиномъ,
 Не вѣ шипалъ, вѣ дѣйствии быть долженъ дворяниномъ:
 И не простиленъ большой дворянской грѣхъ.
 Начальникъ сохранилъ уставы больше всѣхъ!
 Дворянско шипло намъ изъ крови вѣ кровь лѣется;
 Но скажемъ: для чего дворянство такъ дается.
 Коль пользой общества мой дѣдъ на свѣтѣ жиялъ;
 Себѣ онъ плашу, миѣ задатокъ заслужилъ:
 А я задатокъ сей, заслугой взявъ чужею,
 Не долженъ клестъ ево достоинства мѣжею:
 И трудно ли сію задачу разрѣшить,
 Когда не щимся мы работы довершить,
 Для ободренія пристойный взявъ задатокъ,
 По праву ль безъ труда имѣю я задатокъ?
 Судьба монархинѣ велѣла побѣждать,
 И сей имперіей премудро обладать:
 А намъ осталось, во дни ея державы,
 Ко пользѣ общества, вѣ трудѣхъ искати славы.
 Похваленъ человекъ не ищущій труда,
 Вѣ которомъ онъ успѣть не можетъ никогда.
 Къ чему способенъ онъ, онъ точно разбираетъ:
 Пишомъ не рожденъ, бумаги не мараетъ.

А естли у тебѣ безмозгла голова ,
 Пошли и землю рой , или руби дрова :
 Слѣдъ низкихъ болѣе людей не отличайся ,
 И предковъ кнѣзями уже не величайся !
 Сей ПАВЛА воснипалъ достойнаго короуъ ;
 Дѣла подобенъ былъ ЕКАТЕРИНЪ онъ ;
 Сѣ спиридовымъ вѣлы орловы пребѣгаютъ ,
 И купно на водахъ сѣ нимъ пламень возжигаютъ :
 Голландынѣ гонитъ рать , румянцовъ нашъ шюренъ ,
 А павинѣ мальборугъ , у непреступныхъ слѣдѣнъ :
 Подобно ерошкинѣ , въ часѣ бѣднѣя , не дремлетъ ,
 И силу дерзекія мегеры онѣ опѣмлетъ
 А ты , въ комъ нѣтъ ума , безмозглый дворянинѣ ,
 Хотя ты княжеской , хоня господской сынѣ ,
 Какъ будто женщина дурнал не жеманся ,
 И что тебѣ къ стыду , предѣ нами шѣмѣ не чванься !
 Онѣ августа пускай влеченѣ твой знатный родѣ ;
 Когда прекрасна мать , а дочь ея уродѣ ,
 Полюбишь ли ты дочь , узришь ли въ ней заразы ,
 Хоня ты по уши зарой ея въ алмазы ?
 Коль шолько для себя ты въ обществѣ живешь ,
 И въ пошѣ не своемѣ ты сѣ масломѣ кашу ѣшь ,
 И не собой еще ты сверхѣ того гордишься ,
 Не дивно ли что ты дружечикѣ мой не рдишься ?
 Безѣ крылья хочешь ты лѣтѣни къ небесамѣ
 Достойнѣ я , коль я сыскалѣ почтенье самѣ :
 А естли ни къ какой я должности не голенѣ ;
 Мой предокѣ дворянинѣ , а я не благороденѣ .

IV.

О худыхъ риѣмошворцахъ.

Оумо ли дурно то на свѣтѣ , что грѣшно ?
 И то не хорошо , что глупостью смѣшно .

Пѣтъ который насъ стихомъ не утѣшаетъ,
 Презрѣнный челоуѣкъ, хотя не согрѣшаетъ.
 Но кто отъ скорби сей насъ можетъ исцѣлить,
 Коль насъ бесчестіе стремится веселить?
 Когда бѣ учились мы; исчезли бѣ пухлы оды,
 И не ломали бы языка переводы:
 Невѣжѣ ни когда не лѣзя переводить:
 Кто хочетъ поплясать, сперва учись ходить.
 Всему положены, и цютъ, и вѣсѣ, и мѣра:
 Сапожникъ кажется помѣняе гомера;
 Сапожникъ учился, какъ дѣлать сапоги.
 Пирожникъ учится, какъ дѣлать пироги:
 А поваръ иногда коль спряпать онъ умѣетъ,
 Доходу болѣе профессора имѣетъ;
 Въ поезіи ль одной уставы таковы,
 Что къ нимъ не надобно ученой головы?
 Въ другихъ познаніяхъ текли бы мысли дружно:
 А во поезіи еще и сердце нужно.
 Въ иной наукѣ вкусъ не стоитъ ни чево:
 А во поезіи не можно безъ нево.
 Не всѣ къ наукѣ сей рожденны челоуѣки:
 Расинъ и молиеръ во всѣ ль бывають вѣки,
 Кинольтъ, русо, вольшеръ, депро, делафонтенъ,
 Плоды ль во естесствѣ обычны всѣхъ временъ?
 И сколько вѣспино нимъ, съ начала сама, свѣта,
 Четыре раза шли драги къ парнасу лѣта:
 Тогда когда софокла и еврипидъ возникъ,
 Какъ римскій спалъ гомеръ съ овидіемъ великъ,
 Какъ послѣ тяжкаго поезіи ущербъ,
 Европа слышала и тасса и мальгерба,
 Какъ жилъ депро и живъ онъ брѣдни осуждалъ,
 И противъ совѣспи кинольта оуждалъ.
 Не можно превзойти великаго пѣта;
 Но тщетность никогда величіемъ не сыта.
 Луканъ виргилія превѣспити хотѣлъ,
 Семя до небесъ съ икарромъ возлетѣлъ.

Евгений ли лъзя превѣситъ мизантропа,
 И съ иперместрою сравнительна ль меропа?
 Со мельпомною вкусъ палию сопрятъ;
 Но спалъ онъ палии и мельпоменъ врагъ;
 Не лъзя ни сей ни той театронтъ обладати,
 Коль должно хахотати, и топчасъ зарыдати.
 Хвалищелю сево скажу я: епо ложъ:
 Расиковъ, говоришъ, французъ, совѣтникъ по жъ.
 Двумъ изнымъ музымъ бытъ не лъзя въ одномъ совѣтѣ,
 И говоришъ вольперъ ко мнѣ въ своемъ отвѣтѣ:
 Когда трагедии составитъ силы нѣтъ,
 А къ палии рѣчей шворецъ не приберешъ,
 Тогда съ трагедией комедию мѣшаютъ,
 И новоспью людей безумно утѣшаютъ,
 И драматическій составя родъ таковъ,
 Лишенны лошадей впрягаютъ лошаковъ,
 И самъ я игрище всегда вознецавижу;
 Но я въ трагедии комедии не вижу.
 Умолини топъ пѣвецъ кому не свойственъ ладъ,
 Покинь перо, когда его не вкусенъ складъ,
 И знанья малаго не преходи границы;
 Виргилій долженъ пѣтъ въ дни сей Императрицы.
 Гораций возгласитъ великיא дѣла:
 ЕКАТЕРИНА вѣкъ преславный намъ дала:
 Восторга нашего предѣловъ мы не знаемъ:
 Трепететъ отоманъ, ужъ россы за дунемъ.
 Подъ бѣндеромъ огнемъ покрылся горизонтъ,
 Колеблется земля и спонетъ гелеспонтъ:
 Сквозь тучи молнія въ дыму по сферѣ блещетъ.
 Тамъ море корабли турецки въ воздухъ мѣщетъ.
 И кажется съ бреговъ: морски валы горятъ,
 А россы безну водъ во пламень превворятъ:
 Россійско воинство вездѣ тамъ ужасъ сѣетъ:
 Тамъ зная русское, тамъ флагъ руссiйской вѣстѣ.
 Подсолнечныя взоръ имперія влечетъ:
 Нева со славою широкою течетъ,

На ней прославленъ ПЕТРЪ , на ней ЕКАТЕРИНА ,
 На ней достойного она взроспила сына .
 Переименится кремль во новый намъ сіонъ ,
 И сердцемъ сѣверна зримъ будетъ рима онъ :
 И шверь , и искорестъ , и многи грады новы ,
 Ко украшенію росіи ужъ готовы :
 Домъ сырыхъ , гдѣ рѣка москва струи ліетъ ,
 Въ веселіи своемъ на небо вопіетъ :
 Симъ бѣднымъ сиротамъ была бы смерть судьбиной :
 Коль не былъ бы животъ имъ данъ ЕКАТЕРИНОЙ .
 А ты петрополь спалъ со всѣмъ ужъ новый градъ .
 Гдѣ зрѣли пину мы , тамъ нынѣ зримъ евфратъ .
 Брегъ невскій каменемъ твердѣйшимъ украшенный ,
 И наводненіемъ уже не уstraшенный ,
 Величье новое показываешь намъ :
 Величье вижу я по всѣмъ твоимъ странамъ :
 Великолѣпныя зрю дома я по всюду ,
 И вскорѣ , я , каковъ ты прежде былъ забуду .
 Въ десятилѣтнее ты время превращенъ ,
 Къ едему новый путь по югу намощенъ :
 Иду между древесъ , прекрасною долиной ,
 Во украшенный домъ самой ЕКАТЕРИНОЙ ,
 Кошорый въ мѣстѣ томъ взвела ЕЛИСАВЕТЪ :
 А кто ко храму здѣсь нескія идетъ ,
 Храмъ дня рожденія узришь петрова пышный :
 Изобразился имъ сей день повсюду слышный .
 Узришь онъ зракъ Петра гдѣ былъ созданъ храмъ :
 Сей зракъ поставила ЕКАТЕРИНА тамъ .
 Петрополь возгласи съ великой частью свѣта :
 Да здравствуетъ она владѣя многи лѣта .

V.

О худыхъ судьяхъ.

Я правъ по совѣсти ; законъ меня винитъ ,
 И худа моево въ добро не премѣнитъ .
 О боже праведный ! сему ли быти можно !
 Рѣшеніе твое судья такое ложно :
 И льзя ли вымолвить тебѣ сіи слова ?
 Душа твоя глупа , или она крива .
 На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ ,
 Дабы законами губити имъ невинныхъ ?
 О взяткахъ такъ иной спремится бредни плестъ :
 Присягу рушу ль я , когда даютъ за честь ?
 За честь ! и подлинно ты далъ ее въ продажу :
 Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу :
 Ему не ваѣрило опечесство суда ,
 И честныхъ онъ людей не судитъ никогда :
 О правахъ онъ не мнитъ , ни о судебной формѣ :
 Печется лишь , какъ ты , неправедно о кормѣ .
 Воръ краденыхъ коней въ телѣгу не впряжетъ ;
 Поймаютъ и его , и лошадь ; коль заржетъ :
 А ты и въ тѣ мѣста на кражѣ приѣзжаешь ,
 Гдѣ множество судя людей распоряжаешь ,
 Легко ли видѣши мнѣ хищныхъ сихъ звѣрей ,
 Съ приданымъ краденымъ богатыхъ дочерей ,
 А тѣ которыя бездѣльство ихъ поносятъ .
 У нихъ же ласкаться и милостивы просятъ .
 Сатирой ли сіи я спроки нареку ,
 Коль слезный ими токъ у бѣдныхъ извлеку !
 Судящимъ сохранять приспойные законы ,
 Какъ строитъ безъ ума невѣжамъ лексиконы ,
 Чтобъ былъ языкъ и чистъ и твердъ и справедливъ ,
 И азбачныхъ нѣтъ когда еще архивъ :

Была бы только та жъ написана тамъ буква :
 Смѣшенно въ сей бурдѣ , бурда , бодря и брякца .
 Въ прехпудный лексиконъ когда нища взгляну ,
 Въ минушу я глаза до цѣли допашу :
 А бѣдный дворянинъ въ архивѣ долго рыщетъ ,
 И года въ два себя по алфавиту сыщеть ;
 Причина лексиконъ состроенъ сей не въ тактѣ .
 Въ при фунта выписка слыветъ у насъ экстрактъ .
 Миѣ кратко нѣкогда вралъ нѣкто во бесѣдѣ :
 По утру началъ онъ , а кончилъ во обѣдѣ :
 А я дрѣмалъ тогда : экстракты таковы
 Не истинны ли то ? судьи , скажите вы ,
 Которы , такъ какъ я , экстракты слыша дрѣмлющъ ,
 И что написано въ дрѣманіи не внемлющъ .
 А естли бѣ не мѣшалъ дѣла имъ слушать сонъ ;
 То жъ было бѣ и тогда ; въ экстрактѣ скрытъ законъ ;
 Они наполнены вишійствами густыми ,
 Или ясныя сказать , обрядами пусыми :
 Большею частію , одинъ въ экстрактѣ брѣдъ :
 А въ дѣлѣ существа ни на полушку нѣпѣ .
 Судья по выслушавъ , дѣла переломаеиъ ,
 Хотя ни онъ , ни чтецъ , того не понимаетъ .
 Подпишетъ онъ указъ , и послѣ замолчитъ ,
 Хотя обидимый въкъ цѣлый прокричитъ .
 Да гдѣ жъ и выпасться , безъ мѣста во приказѣ :
 А спать запрещено ль судьямъ когда въ указѣ .
 Судья не виноватъ коль мой потерянъ искъ ;
 Причина , цѣлу ночь игралъ судья мой въ вискъ :
 Игра де нынѣче гораздо еиа въ модѣ :
 А мода и всево почтенная въ народѣ .
 Подьячій и дячекъ быть долженъ грамошій :
 Судья безъ грамоты суди и не потѣй :
 А сверхъ того держись судейской онъ догадки ,
 Чтобъ послѣ не висѣть боярину за взятки !
 А ежели и такъ ; о чемъ же бы тужить ;
 Вишь намъ на свѣтѣ семъ двухъ вѣковъ не прожить .

И естли поташатъ ево казнить на рынокъ :
Покаясь, онъ еще оставитъ на поминокъ.

VI.

О Французскомъ языкѣ.

Врожденъ дитя швое и спалъ уже дѣтина :
Учился, наученъ, учился, спалъ скотина :
Къ чему что твой сынокъ, чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ ?
Болташь и папугай, сорока, дроздъ умбюшь :
Но больше ни чево они не разумбюшь.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ :
Солому пальею, обжектомъ видъ зоветъ.
И рѣчи русскія ему лишъ тѣ прелѣсны,
Которы на руси врялямъ однимъ извѣсны.
Коль должно молвити о чемъ : или о комъ :
На основаніи со всѣмъ не на такомъ :
Онъ брѣдитъ безо сна, и безъ стыда и смѣло :
Не на такой ногѣ я вижу ешо дѣло.
И есть родители желлющи шово,
По русски бѣ дѣти ихъ не зяли ни чево.
Французски авторы почпенье заслужили,
Честь въку принеся, они въ которомъ жили .
Языкъ ихъ вычищенъ ; но всякъ ли моліеръ,
Между французами, и всякъ ли въ нихъ вольтеръ ?
Во всѣхъ земляхъ умы великія рожатся ;
А глупости всегда жѣ и болѣе плодятся :
И мода спранъ чужихъ росси не законъ :
Мнѣ мнитъя все равно, присядка и поклонъ.
Объ епомъ инко ЕКАТЕРИНА мыслишь :
Обрадъ хорошій намъ она хорошимъ числитъ :

Стремится насъ она наукой озарить ;
А не въ французовъ насъ не къ спаша претворитъ ;
И не оспориму даетъ на то надежду ,
Сма въ россійскую облекшися одѣжду .
Безмозглымъ кажется языкъ россійскій тупъ :
Похлебка ли вкусная , или вкусныя супъ ?
Иль соусъ , просто сосъ , намъ поливки вкусныя ?
Или ужъ нашъ языкъ мордовскова гнусныя ?
Ни шапка , ни карпусъ , ни шляпа , ни челма ,
Не могутъ умножать намъ даннаго ума .
Темноволосая равно и бѣлокура ;
Когда умна , умна , когда глупа , такъ дура .
Не въ формѣ истинна на свѣтѣ сослещитъ ;
Насъ краситъ вещество , а не по модѣ видъ :
По модѣ шкутъ шафты , парчи , обои , штофы ;
Однако люди тѣ , ткачи , не философы :
А истинна ни гдѣ еще не знала модъ :
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишъ народъ .
Разумный модъ мнитъ бездѣлкой быть покоренъ :
Въ длинѣ кафтана онъ со прочими беспоренъ :
А въ разсужденіи онъ слѣдуетъ себѣ ,
Оставивъ дурѣя предписанной судьбѣ .
Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ ,
Ругаетъ свой языкъ и по французски брѣдитъ .
Языки чужды намъ потребны для шова ,
Чтобъ мы читали въ нихъ , на русскомъ нѣтъ чело ;
Извѣстно что еще книгъ русскихъ очень мало ;
Колико ихъ перо развратно ни вломало .
Прекрасенъ нашъ языкъ единой стариной ;
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной :
И ежели отъ ихъ онъ узъ не свободится ;
Такъ скоро ни куда онъ больше не годится .
Питовъ на руси умножилось число ,
И всѣ примаются за ето ремѣсло :
Не соловьи поютъ кукушки то кукуютъ ,
И врутъ : и враки тѣ другъ друга критикуютъ ;

И только тотъ изъ нихъ помѣняе назралъ ,
 Кто мѣняе еще бумаги замаралъ .
 А твой любезный сынъ бумаги не мараетъ ,
 Въ сибліотеку книгъ себѣ не собираетъ .
 Похваленъ онъ и тѣмъ что брѣдитъ на рѣчахъ ,
 Парнас и во снѣ не видѣвъ онъ въ очахъ .
 На русскомъ преждѣ былъ языкъ сынъ твой шуменъ :
 Французскаго хвашивъ онъ сталъ со всѣмъ безуменъ :

VII.

О чести.

Вездѣ и всякой день о чести говорятъ ,
 Хотя своихъ сердецъ они не претворятъ .
 Но что такое честь ? одинъ побѣдой льстился ,
 И пьянъ со пьянымъ онъ за честь на смерть пустился
 Другой приятеля за честь поколошилъ :
 Тотъ шушку легкую пощочиной платилъ .
 Тотъ, карты подобравъ безумнова обманецъ ,
 И на кредитъ ему реванжъ давати станецъ ,
 И вексельно письмо съ ограбленнова взявъ ,
 Не будетъ поступать по силѣ спрогихъ правъ ,
 И подождетъ ему дни три великодушно ;
 Такъ сердце таково бесчестію ль послушно ?
 Иной любовницъ вѣрнѣйшей измѣнилъ ;
 Однако зранъ ея ему и послѣ милъ :
 И естли о любви своей кому что скажетъ ;
 Онъ честностью о томъ молчатъ ево обяжетъ .
 Оправивъ ябѣду судья возноситъ честь ;
 Благодѣянія не лъзя не превознести :
 И добродѣтели сыскати гдѣ толикой ,
 Коль правда продана дѣною не великой ?

Почпенъ и ростовщикъ надъ деньгами въ каѣши,
Что со ста полько взялъ рублей по десяти,
И другу услужилъ къ себѣ напомнивъ службу,
Деревню подъ закладъ большую взявъ за дружбу.
Пречесный господинъ слугъ кормитъ и поитъ,
Хотя ево слуга и не довольно сытъ;
Безъ нужды не отдастъ онъ лишнява въ салдамы,
Какъ развѣ что купить, иль долга на запламы;
Однако и за то снабдитъ ево жену,
И дастъ ей куль муки за ту свою вину.
Да чѣмъ дѣшей кормитъ? за чпожъ перпѣтъ имъ голодъ?
Такъ ихъ во аукционъ бояринъ шлетъ подъ молотъ.
Примерзкой суевѣръ шлетъ ближнява во адъ,
И сѣетъ на него во всѣхъ бестѣдахъ ладъ.
Примерской атеистъ создателя не знаетъ,
Однако потъ и потъ о чести вспоминаетъ.
Безбожникъ можетъ ли тебя почтими кто,
Когда ты самого чтишь Бога за ничто?
И можетъ ли въ твоемъ брѣтѣ сердцѣ добродѣтель;
Не знаешь честности, не знаемъ коль содѣтель,
Который ясно зримъ вездѣ во естествѣ,
И нѣтъ сумнѣнїя о божьемъ существѣ?
Скупой несчастными тѣ годы почитаетъ,
Въ которы миръ скирды числомъ большимъ считаетъ,
И мыслитъ: не могу продами хлѣба я;
Земля вездѣ добра и сполько жѣ какъ моя.
А истинная честь несчастнымъ дать оспрады,
Не ожидаючи за то себѣ награды:
Любими ближняго, творца благодаритъ,
И что на мысли, то одно и говоритъ:
А ежели не лязь сказами правды ляно,
По нуждѣ и молчатъ, хопъ тяжко не безславно:
Творити сколько лязь всей силою добро,
И не сѣпилобъ насъ ни зашо ни сребро,
Служити ближнему, колико сыщемъ силы,
И благодарити бѣ намъ наши были милы:

Съ злодѣемъ никогда сообщенья не имѣть;
 На слабости людски со сожалѣнiемъ зрѣть;
 Не мстити ни кому, кто можетъ быть исправенъ;
 Ты мiценiемъ своимъ не можешь быть славенъ;
 Услуженъ буди всѣмъ, держися данныхъ словъ,
 Будь мѣдленъ ко враждѣ, ко дружбѣ будь готовъ!
 Когда кто клянется, прощай его безъ мѣсти,
 Не соплетай кому ласкательства и лѣсти,
 Не ползай ни предъ кѣмъ, не буди и сиѣсивъ;
 Не будь напидчикомъ, не буди и пирусливъ,
 Не будь нескроменъ ты, не буди лицемѣренъ;
 Будь сынъ отечества и государю вѣренъ!

VIII.

О злословiи.

Мы нѣгдѣ всѣ судьи и всѣхъ хопимъ судить;
 Причина, всѣ хопимъ другъ друга мы врѣдить;
 Въ другихъ и доброе порочя невидимъ;
 А сами во себѣ беспутства мы не видимъ.
 Поносишь етова, поносишь ты шово;
 Не видишь только ты бездѣльства своево.
 Брани бездѣльниковъ, достойныхъ етой дани;
 Однако не на всѣхъ мѣчи свои ты брани!
 Не дѣлай бражью ты изъ дежежки рубля,
 Слона изъ комара, изъ лодки корабля.
 Почтенный человекъ брѣдъ люпый опвращаетъ,
 Который въ обществѣ плутъ плуту сообщенъ.
 Одинъ рассказывалъ, другой замѣлишь то жъ:
 Вся мѣлишь мѣльница; но чшо молода? ложка.
 Пускай и не твое твоихъ расказовъ зданье;
 Но можешь ли сіе имѣши въ оправданье;

Себѣ ты честностью въ безчестіи маня,
 Когда чужимъ ножемъ зарѣжешь ты меня.
 Пропавно мнѣ когда я слышу лживы вѣсти:
 Противные еще не правый толкъ о чести:
 А толки мнѣ о ней еще чудные шѣмѣ;
 Здѣсь разныхъ тысячъ пясть о честности системѣ.
 И лъзя ль искать ума, и дружества и братства?
 Гдѣ множество невѣжѣ, и столько жѣ шундѣдства,
 О чемъ же сѣхався въ бесѣдахъ говорить?
 Или молчать: когда пустова не варить?
 Въ крику газетчиковъ и драмы уполютъ,
 И ложи и партеръ для крика откупаютъ:
 Всечасно и вездѣ другъ друга мы врѣдимъ,
 Не только драмъ однихъ, обѣденъ не щадимъ.
 Ругаемъ и бранимъ: то глаголю, то бесчестно,
 Хотя и рѣдкому о честности извѣстно.
 Тотъ шѣмѣ, а тотъ другимъ худенекъ или худъ:
 Ко функту истинны мы лжи прибавимъ пудъ.
 А ежели ея и нѣтъ такъ мы не рѣдко,
 И ложью голою спрѣляемъ очень мѣтко,
 Не мало знаю я достойныхъ здѣсь людей;
 Но больше и шово хорошихъ лошадей;
 Такъ пусть не надобны для нѣкоихъ науки;
 Почтенье принесушъ кареты имъ и дуки.

IX.

Наспавленіе сыну.

Вѣщаль такъ нѣкто зря свою кончину слезу,
 Къ однородному наследнику любезну:
 Мой сынъ, любезный сынъ! уже я нынѣ старъ;
 Тушѣтъ разумъ мой и исчезаетъ жаръ:

Часть VII.

ч

Готовлюся къ суду, опѣиду скоро въ вѣчность,
И во предписанну намъ смертнымъ бесконечность;
Такъ я тебѣ пенерь какъ живъ тебѣ скажу.
Блаженства твоею дорогу покажу.

Конецъ мой близокъ:

А ты пойдешь путемъ который очень склизокъ:

Хопя и все на свѣтѣ суета.

Но лъзя ли презирашь блаженство живота?

Такъ должны мы о намъ всей мыслью проспираться,
И что потребно намъ, о томъ всегда стараться.

Забудь химеру ту, слыветъ копора честь;

На что она, когда мнѣ кѣчево повѣсть?

Не лъзя въ кучечествѣ: пробыти безъ продажи:

Подобно въ бѣдности, безъ плушни и безъ кражи.

Довольно я тебѣ имѣнья наплуталъ,

И естлибѣ безъ меня ты епо промоталъ;

На что жъ бы для тебя свою губилъ я душу?

Когда представляю то; я все спокойство рушу.

Доходы умножай, гони опѣ сердца лѣтъ,

И бѣлу денежку бреги на черной день.

Коль можно что укрась, украдь, да только скрытно,

И умножай доходъ,

Ты всѣми образы себѣ на всякой годъ!

Випь око зрѣниемъ во вѣки не насытно.

Коль можешь обмануть;

Обманывай искусно;

Изобличеннымъ быши гнуско.

И часто нашъ обманъ на висѣлицу путь.

Не знайся ты ни съ кѣмъ, беспечно по пустому,

И съ ложкой къ киселю мѣчися ты пустому!

Богатыхъ почитай чтобъ съ нихъ имѣти дань,

Случайныхъ похвалъ ихъ выся не устань:

Великимъ господамъ ты ползая покорствуй!

Со всѣми ты людьми будь скромнѣ и притворствуй!

Коль сильный господиъ бранитъ ково;

И ты, съ бояринемъ, брани ево!

Хвали ты шѣхъ, ково бояря похваляютъ.
И умалай, они копорыхъ умалаютъ!

Глаза свои протри,
И поясныи смотри,
Большія на ково бояря негодуютъ!

Прямымъ пушемъ ийти;
Такъ щастья не найти.

Шлызи, куда тебѣ способны въпрямъ дуютъ!
Противъ такихъ господъ,
Которыхъ чтитъ народъ,
Не говори ни слова:

И чтобъ душа твоя была всегда готова,
Не получивъ отъ нихъ добра благодарить!

Спремися какъ они подобно говорить!

Вельможа что сказалъ, зный слово ето свято,
И что онъ рекъ,

Противъ того не спорь; ты малой человекъ!

О черномъ онъ сказалъ, ирасно; бояринъ рекъ:

Скажи и ты, что то гораздо красновато!

Предъ низкими людьми свирепствуй ты какъ чортъ:

А безъ того они кто ты таковъ забудутъ,

И почитать тебя не будутъ;

Простой народъ того и чтитъ который гордъ.

А предъ высокими ты прыгй какъ лягушка,

И помни что мала передъ рублемъ полушка!

Душища въ нихъ, а въ насъ, любезный сынъ мой душка.

Благодари, когда надъбешься еще

Отъ благодѣтеля себѣ имѣши милость!

А ежели не такъ; признаніе унылость,

И благодарный духъ имѣешь ты во щцѣ.

Не дѣлай самъ себѣ обиды!

Ты честный человекъ пребуди для себя,

Себя единого ты искренно любя!

Не дѣлай ты себѣ единому обиды;

А для другихъ имѣй едины только виды,

И помни свѣтъ каковъ

Въ немъ мало мудрости, и много дураковъ.
 Довольствуй ихъ всегда пустыми ты мѣстами:
 Чти сердцемъ ты себя, другихъ ты чти устами!
 Вишь пошлыны не дашь лаская имъ за то.
 Показывай, что ты другихъ гораздо ниже,
 И будто ты себя не ставишь ни за что;
 Но помни, спанчи рубашка къ тѣлу ближе!
 Позволю я тебѣ и въ карты поиграть,
 Когда ты въ тѣ игры умѣешь подбирать:
 И видь игру свою безъ хитрости ты мертву;
 Не принеси другимъ себя играя въ жертву!

А етова мой сынъ не позабудь:

Играя, честенъ ты въ игрѣ во вѣкъ не будь!
 Пренебрегай крестьянъ ихъ видя подъ ногами,
 Устами чти господъ великихъ ты богами,
 И имъ не согруби;

Однако ни ково изъ нихъ и не люби,

Хотя бъ они достоинство имѣли,
 Хотя бы ихъ дѣла въ подсолнечной гремѣли!
 Давай и взятки самъ, и самъ опять бѣри!
 Коль нѣтъ свидѣтелей, воруи, плашуй сколько можно,
 А при свидѣтеляхъ бездѣльствуй осторожно!
 Добро другихъ людей во худо претвори,
 И ни о комъ добра другомъ не говори;
 Какой хвалою имъ тебѣ имѣть нажитокъ?
 Явленное добро другимъ тебѣ убытокъ.
 Не щисся ни кому, беспрочно ты служишь;
 Чужой машкой себѣ находки не нажить!
 Учоныхъ ненавижь, и презирай невѣжу,
 Имѣя мысль одну себѣ на пользу свѣжу!

Лишь щѣмъ не повѣдись:

Въ сатиру дерзостнымъ писцамъ не попадись!
 Смущай, и рви родства ты узы, дружбы, браковъ;
 Во мушкѣ вишь водѣ ловить удобнай раковъ:

Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай,
И только о себѣ единомѣ вспоминай!

Для пользы своей тани друзей въ обманы:
Пускай почувствуютъ тобой и скорбь и раны!

Вездѣ собирай плоды:

Для пользы своей вводи друзей въ бѣды!
Бесчестно брѣдятъ то, а епова не видно;

Себя мнѣ только долгъ величъ любить.

Мнѣ это не обидно,

Коль нужда мнѣ величъ другови погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.

Пускай въ отечество мое бѣда вселится,
Пускай оно хопя сквозь землю провалится:
Чужое гибни все, лишъ былъ бы мнѣ покой.

Не забывай моихъ ты правилъ!

Имѣние тебѣ и разумъ я оставилъ.

Живи мой сынъ живи, какъ жилъ родитель твой!

Какъ это онъ изрекъ, ударенъ онъ былъ громомъ,
И разлучился онъ съ дитятею и съ домомъ:

А съявша душа, толико долго, ядъ

Изъ тѣла вышла вонъ и сверглася во адъ.

Х.

ОДА.

Отъ лица лжи.

Падите смертны предо мною;

Великая богиня я,

И не сравняется съ иною,

Богини участью моя!

Я ложь : вы скажете безспорно ,
 Колико спало мнѣ покорно ,
 Мушкнѣ , рабятѣ , дѣвицѣ , и бабѣ :
 Они мнѣ почести сугубятѣ :
 Одни меня скопы не любятѣ ,
 А въ людяхъ рѣдкой мнѣ не рабѣ .

Мои не прищупленны ноги ,
 Не поклоннута отъ сильныхъ лицѣ :
 Вхожу въ господскія чертоги ,
 Для соплеменья небылицѣ .
 Не зрю себѣ въ почтеньи мѣры ;
 И дамы чтутѣ и кавалеры ,
 Дворянн и боярн чтутѣ .
 Въ величїи своей я славы ,
 Преобрацую всѣ уставы ,
 И прибылецѣ судьямѣ мой судѣ .

Когда бѣ мои прещли законы ,
 Перемѣнился бы и свѣтѣ .
 Нагла правда безѣ препоны ,
 Напастей множество введетѣ :
 Повергнутся во узы страсти ,
 Безѣ коихъ въ жизни нѣтъ и сласти ;
 Свобода не желаетѣ правѣ :
 Одастся умѣ свободный въ узы :
 Гнушаются неволи музы :
 Томитѣ она веселый нравѣ .

Хочу вселенною владѣти,
 И къ пользѣ мира вознесись.
 Обманъ и лѣсть, мои то дѣти:
 А ими я могу спасись:
 Они въ гонѣнны мнѣ ограда.
 О вы мои любезны чада,
 Храните всѣхъ родившу мать!
 Проворство ваше мнѣ извѣстно,
 Такъ имя вы мое всемѣстно,
 Стремипесь выше воздымать.

Взирайте вы на шмы догадокъ
 Къ установленю славныхъ дѣлъ:
 Во школы я ввела порядокъ,
 И каждому кладу предѣлъ:
 Солгать невѣжамъ не способно,
 Стихи писати имъ удобно,
 А лгать учипсья надлежитъ:
 Они парнасскимъ духомъ дышутъ,
 На знаютъ азбуки и пишутъ,
 Хоть муза ихъ свиньей визжитъ.

Мои питомцы начинаютъ,
 Слова чужія повторять,
 И то одно съ начала знаютъ,
 Какъ плевелы другихъ вперять.
 Но солнца то едины тѣни:
 Даются мудрости степени:

Воръ мудръ и лихъ , машейникъ крутъ ,
 Разбойникъ шо жъ , но ихъ онъ боитъ ;
 Такъ каждый чшимъ въ какой онъ долъ ,
 Хотя изъ нихъ и каждый плутъ .

Тебя любезный сынъ ласкаютъ ,
 Хотя ты ходишь и шайкомъ :
 По всѣмъ тебѣ мѣспамъ таскаютъ ,
 Хотя шаушатъ и цѣликомъ .
 Глупцовъ волочишь ты какъ свинокъ :
 Тебѣ подвластенъ всякой рынокъ ,
 Скупыя , моты , игроки :
 Подьячія къ тебѣ не лихи ,
 Тебѣ подвластны щеголихи ,
 И молодцы и шарикки .

Убожество вездѣ явится ,
 Коль выгнать захопятъ тебѣ :
 Комерція оспановится ,
 И откупъ погубитъ тебѣ :
 Безъ примѣси пить станутъ водку :
 А водка перехватитъ глотку :
 Гнилой товаръ не сойдетъ съ рукъ :
 Нецѣстныя наступятъ годы ,
 И многи въ тѣ дни воеводы ,
 Возьмутъ суму и бросятъ крюкъ .

А ты о дочь моя прекрасна ,
 Кокетствауя и день и ночь ;
 Кокетспыуй завжди безстрашна ,
 И будь меня достойна дочь :

Не эдвлай мнѣ стыда прорухой !
 Старуху не зови старухой ,
 Дурную не зови дурной ,
 Безумца не зови безумнымъ ,
 Ни пьянова урода шумнымъ
 Не разглашайся ты со мной !

Не тронь чужой безъ нужды чести ,
 А въ нуждѣ не щадь ни чьей ,
 И превращай ты правды вѣспи :
 Хвали безмозглыхъ риемачей !
 По модѣ , нынѣ не вѣщають ,
 Того что въ сердцѣ ощущають ,
 И подсказаютъ горькой ядѣ .
 Частъ больша свѣта пустомѣла :
 День каждый первое апрѣля :
 День каждый нынѣ маскарадѣ .

Ступайте , славу находите ,
 Мужайтесь въ трудѣ всегда ;
 Лишь близко вы не подходите ,
 Къ минервѣ русской никогда !
 Коть истинна и старомодна ,
 Коть нага ; но ей угодна :
 А я и вы противны ей .
 Бесплодно тамо я устала ;
 Но мать и сына воспитала ,
 Угрозой области моей .

Конецъ VII. части.

2066

